

ДЖИНА ШЭЙ

16+

Свои
ЧУЖИЕ

Джина Шэй

Свои чужие

Серия «Свои чужие», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67386255

SelfPub; 2022

Аннотация

Бывший муж... Первая моя любовь, первый мужчина.... Тот, который ушел от меня как только добился успеха. Тот, что напоследок сказал, что я стала ужасно скучной. И после развода при каждой встрече не упускает шанса надо мной поиздеваться.

Он меня сломал. Из-за него я потеряла веру в мужчин. но именно после его ухода я смогла развернуть крылья и добилась успеха. Читатели обожают мои книги.

Пять лет прошло. Я наконец решила выйти замуж. Мой жених – хороший парень, который принимает меня такой, какая я есть. Но судьба дарит мне кота в мешке. Ради исполнения мечты мне придется поработать с бывшим мужем.

Один вопрос: как мне его не убить при этом?

Эта история – немножко производственный роман об интригующем закулисье кинопроизводства.

Эта история – заберется в вашу душу, свернется там в теплый клубочек и останется внутри вас навсегда.

Содержание

Пролог. Дима	5
Глава 1. Полина	15
Глава 2. Полина	25
Глава 3. Полина	33
Глава 4. Дима	42
Глава 5. Полина	51
Глава 6. Полина	60
Глава 7. Полина	70
Глава 8. Дима	80
Глава 9. Полина	90
Глава 10. Дима	99
Глава 11. Полина	112
Глава 12. Полина	121
Глава 13. Полина	130
Глава 14. Полина	141
Глава 15. Полина	151
Глава 16. Дима	164
Глава 17. Дима	173
Глава 18. Дима	182
Глава 19. Полина	190
Глава 20. Полина	200
Глава 21. Полина	211
Глава 22. Полина	224

Глава 23. Полина	233
Глава 24. Полина	242
Глава 25. Полина	251
Глава 26. Полина	261
Глава 27. Полина	270
Глава 28. Полина	280
Глава 29. Дима	289
Глава 30. Полина	298
Глава 31. Полина	308
Глава 32. Дима	317
Глава 33. Полина	327
Эпилог	338

Джина Шэй

Свои чужие

Пролог. Дима

– Ди-и-им, я хочу шампанского, – голос у Викули капризный, и мне прям приходится себе напоминать, что девочка недурна в постели, и меня вроде как она устраивает. Ну, бывает и получше, но спасибо, что не бревно.

– Мы только что пришли, Вик, мне надо поздравить именинницу, – сухо отрезаю я и ищу взглядом Нину.

Нина – подруга моего детства и прочих дней суровых, кажется, решила закатить в честь своего тридцатилетия такую бучу, что можно сдуреть от того, сколько здесь людей.

Одноклассники, однокурсники, какие-то крутые диджеи и звезды стендапа, даже не как приглашенные звезды, а просто как люди. Нет, ничего удивительного, Нина – все-таки у своего мужа молодец, она у него крутой ресторатор. Знает столько народу, что можно закачаться.

В этом плане я, вроде как и состоявшийся, но все-таки на общем фоне – всего лишь сценарист в паре сериалов на федеральных каналах. Известны ведь те, кто в главных ролях, а мне хорошо, потому что платят за каждый эпизод весьма неплохо. Я за лаврами звезды и не гнался вообще.

В общем. Народу тьма-тьмушая, можно умереть, пока ищешь одну пьяную брюнеточку, которой, разумеется “сно-ва восемнадцать” стукнуло сегодня, а количество свечек на гигантском торте – это все происки масонов и злобных кондитеров.

Локоток Вики я зачем-то сжимаю, хотя она-то Нине нафиг не сдалась, это ж мой “плюс один” будь он неладен. Ни-на умела подковырнуть, а я взял, повелся и притащил Вику. Зачем?

Вижу столик, на котором сложены подарки – то ли бутафория для привлечения внимания, то ли по-настоящему кому-то пришло в голову складывать подарки на отдельный стол – черт знает. Но, наверное, именинница должна быть где-то там.

Маршрут построен.

Я сжимаю руку Вики крепче, как ледокол иду к тому столу.

А потом натыкаюсь на неё.

Ничего удивительного, с Ниной мы дружим оба, но в первые пять секунд дыхание из моей груди вышибает.

Да и она замирает на месте, смотрит на меня, недоверчиво щуря свои светло-ореховые глаза.

По-прежнему красивая, как весна, и даже чуточку лучше. Но платье дурацкое, кто ей вообще позволил его надеть?

– Привет, – вырывается из моего рта, и это неизбежно, я почему-то всегда норовлю заговорить с ней первым.

– Здравствуй, Варламов, – сухо кивает мне Полина, скрепящая руки на груди.

– Ты Нину не видела? – спрашиваю я, пытаюсь унять бьющее в груди сердце.

Полина молча дергает подбородком вправо, почти в ту же сторону куда я и двигался, только с легкой корректировкой.

Маршрут перестроен.

И все же двигаться с места я не спешу. Она – мой чертов маятник, вводящий меня почти в транс. И отвести от неё глаза ужасно сложно.

– Давно не виделись, – улыбаюсь ей упрямо, потому что хочу все-таки поговорить.

Губы у Полины презрительно вздрагивают, она смотрит чуть правее меня, и до меня доходит, что вообще-то Вика все еще рядом. И почему-то мне за это тут же становится стыдно.

Черт, почему при ней я превращаюсь в это непонятное заикающееся создание. Хотя ладно, я знаю ответ...

– Полина, я нашел свободный столик на веранде...

Прививка от размягчения мозга мне выдается реальностью. Скучный, унылый типок в очках и блеклом серебристом костюмчика подруливает слева и по-хозяйски касается плеча Полины.

Убери руки от моей жены...

Слава богу, я это удерживаю на языке.

Потому что это уже в прошлом.

И все же как хочется вырвать этому унылому эти его наглые руки, что прикасаются абсолютно недозволенной для него женщине.

Не к Ней. Не к той, что я когда-то называл своей весной...
Когда-то...

Полина тем временем поворачивается к своему кавалеру, прихватывает его за локоть и кивает, разрешая себя увести. И вот тут уже мне становится досадно. Дождевому червяку она и то уделила бы больше внимания, чем мне.

– Кто это был? – ревниво спрашивает Вика, провожая Полину взглядом.

– Да так. Бывшая, – сквозь зубы выдыхаю я, просто сжимая и разжимая кулаки и пытаюсь сбросить пар.

– Ты так на неё смотрел... – тянет Викуля с претензией и вот тут уже у меня что-то внутри взрывается, переключая в режим берсерка.

Ну, или просто меня бесит вся эта идиотская ситуация, и мне надо на ком-то сорваться, а достанется Вике.

– Дорогая, ты не напомнишь, кем ты мне приходишься? – жестко интересуюсь я.

– Твоей д-девушкой? – Викуля запинается, тут же теряя в самоуверенности. Ну, все-таки помнит себе цену, неужели?

– Неа, – я резко качаю головой, – Ты мне – девочка для сброса напряжения, Викуля. И, не просто так, ведь я тебе помог получить роль. Ты же помнишь это? Ты мне не девушка. Не лезь в мою личную жизнь и не думай о себе слишком

много. Не твое дело, на кого я посмотрел.

Хлоп!

Пощечина обжигает мою правую щеку.

Ну, не так уж неожиданно на самом деле.

Я и заслужил, так-то. Я так старался, чтоб было бы странно все-таки не получить.

Вика смотрит на меня разъяренным взглядом, за секунду из милой дурочки превращаясь в лайт-версию мегеры.

Я выдыхаю через нос, сую свободную от коробки с подарком, руку в карман.

– Где выход показать? – ледяным тоном интересуюсь я.

– Сама найду, – злобно огрызается Вика, встряхивает пережженными белыми волосами и резко развернувшись, шагает прочь. Не жалко на самом деле.

Викуля – одна из многих дешевок, заменить её будет довольно просто. Но как же все-таки забавно, когда дешевки пытаются что-то из себя строить...

Ну, Викуля упорхнула, хорошо, мне даже дышится свободнее.

Нахожу Нину, вручаю ей подарок, осыпаю ворохом всех положенных для именинницы комплиментов, включая “вот не была бы ты замужем, вот тогда бы я...”

Мы же оба понимаем, что я вру, у Нины красноречиво поблескивают глаза. Знает она, с кем бы я замутил “если бы она не была занята”. Я готов поставить, что Нина пригласила Полину, имея в уме какие-то своднические мыслишки. И...

Ну нет, Нина, нет. И дело даже не в том, что я не хочу. Дело в том, что мне попросту нельзя этого делать. Нельзя снова падать в эту пропасть.

Но кто вообще виноват, что Москва ужасающе тесна, и невозможно сделать так, чтобы я перестал сталкиваться со своей бывшей женой?

У судьбы паршивое чувство юмора, это ведь случается уже не в первый раз.

Мы сталкиваемся на симфонических и рок-концертах, сталкиваемся на праздниках общих друзей, сталкиваемся в любимых ресторанах и на театральных постановках. Будто две планеты, которые неминуемо притягивает друг к дружке. И нет, это не судьба, ни разу. Не могу я быть судьбой для Полли, увы. И хотел бы, но не могу. По объективным причинам.

И все же, дело плохо.

Я это понимаю, когда нахожу себя у бара на веранде кафе. На веранде!

Когда уже с пять минут смотрю, как о чем-то без лишней спешки беседует парочка за три столика от меня. Полина сидит ко мне спиной, она меня не видит, и это хорошо, потому что я не хочу скандала.

И все-таки бесит...

Как же бесит меня этот чертов хмырь, что так беззастенчиво лапает мою Полинку.

Так, стоп. Не мою.

Не мою, я сказал!

Я с ней развелся. Сам. Между прочим – почти пять лет назад. Достаточно времени, чтобы уже перебеситься и успокоиться.

Вот только ни черта я не спокоен.

А разве можно быть спокойным, когда наблюдаешь, как женщина, которую ты пять лет называл своей, которой ты жил и дышал, тянется к уху своего кавалера, чтобы что-то ему интимно шепнуть?

Черт, разорвал бы его на части. Голыми руками, ну, может, еще бы зубами себе помогал. Крови унылого хмыреныша хочется с каждой секундой все сильнее.

В крови шумит тот виски, который я выпил совершенно зря, он точно лишний в моем организме.

Унылый поднимается из-за столика – кажется, моя ненависть не дает ему спокойно сидеть.

И ведь стремный же тип, абсолютно скучный, даже изда- лека и в профиль видно.

И вот этим она заменила меня!

Унылый куда-то уходит, а ноги и виски в моей крови уже несут меня к освободившемуся столику.

Разум орет благим матом, требует развернуться и пойти к черту, но ноги упорнее и решительнее.

И я вроде и сам понимаю, что озабоченный идиот, что вообще с этой заикленностью надо к психиатру, а я не имею права лезть в жизнь Полины, и не мое дело, с кем она при-

шла на эту вечеринку, но...

– Что за мешок ты надела, Полли? Ты секс только во сне видишь?

Надо было комплимент сделать, а я...

Кретин же? Ну, да. Редкостный. Мне тут же хочется самому себе за этот выверт врезать.

А Полина смотрит на меня, щурит свои до одури красивые глаза, а я обмираю, по-прежнему, черт меня раздери, как тот юный идиот в универе, который не знал как к ней подойти.

И платье на Полине, кстати, действительно совершенно дурацкое. Какой-то мешковатый покрой, блеклая ткань цвета “серебристый металлик”, несуразный вырез... При том, насколько моя дорогая бывшая жена красивая по жизни, вот это – ерунда какая-то, которая добавляет ей лет десять.

Вернемся к вопросу: кто позволил ей выйти из дома в этом мешке?

– Варламов, шел бы лесом со своими претензиями, – сдержанно кривит губы Полина. – Не твое это дело.

– Ну, да, не мое. Только ты же мне аппетит портишь своей унылой тряпкой. И это я сейчас говорю даже не про платье, а про то несуразное создание, которое ты, кажется, держишь за мужчину.

Это, возможно, говорю не я, в основном эту речь толкают виски и дикая ревность, причудливо смешавшиеся и бурлящие в моей крови.

И да, я все понимаю, но от того, что она сюда пришла с

этим своим... Унылым. Мне реально тошно.

Полли не могла не ответить. Та Полли, которую знал я, языкастая и задиристая, не стерпела бы подобного наезда. И она не терпит.

Нет, она не повышает тона, не срывается на крик. Только досадливо щурит свои ореховые глаза и тон у неё презрительный.

– Димочка, иди разыщи свою тощую лярву и капризничай по поводу её платья. Она же его с проститутки сняла, есть повод заняться воспитанием.

Между нами нет воздуха, один только ледяной жестокий космос.

Между нами никогда не будет мира, одна только война, потому что мне до сих пор чудовищно сложно смириться с тем, что я её потерял. И да, я знаю, что все правильно, все так и должно быть, но я никак не могу отсохнуть в её сторону.

– Кстати, что, Димочка, у тебя нынче такая махонькая зарплатка, что ты можешь прокормить только анорексичку? Или она слепая, потому что не видит, что у тебя сейчас совершенно идиотская стрижка? Что, только такие на тебя и клюют, да? – это Полина шипит на интонациях змеи.

– А ты что, ей завидуешь, родная? – с сарказмом откликаюсь я. – Неужели так по мне соскучилась?

Скажи, да, милая. Скажи, что ты соскучилась. Потому что и я по тебе... Смертельно...

– О да, – Полина улыбается мне улыбкой почуявшей кровь

акулы. – Я ужасно соскучилась. Мне же давно никто не портил жизнь. Как ты догадался, Димочка?

Это все.

После этой реплики Полина встает из-за столика, огибает меня как прокаженного и шагает к выходу с веранды, где сталкивается со своим унылым, уже возвращающимся за столик с шампанским. Забирает бокал, залпом его опустошает и вместе со своим кавалером покидает вечеринку.

Честно говоря...

Вот это меня исчерпывает до дна.

Мне хочется броситься за ней. Хочется стиснуть пальцы на её локтях, отодрать от этого унылого упыренка и забрать себе. Навсегда.

Но нельзя.

Можно остаться чертовым ресторане, глушить какие-то коктейли и напоминать себе, что я – кретин, круче которого свет не видел.

Слышать снова и снова.

Мне же давно никто не портил жизнь.

Слова, сказанные с подлинной ненавистью, от которой я подавился всем своим ядом до горького спазма в груди.

От которой под ложечкой ужасно засосало.

От которой я даже не нашелся, чем ей ответить.

И знаете, что самое паршивое?

То, что я эту ненависть действительно заслуживаю...

Глава 1. Полина

В конференц-зале душно, и мне ужасно жмут новые лодочки. Надо было их разносить, но черт возьми, так и не привыкла не трястись над новой обувью. Вечно боюсь поцарапать, испортить и остаться перед торжественным мероприятием без подходящей пары.

И пусть с теми же лодочками у меня в гардеробной два шкафа, невозможно так просто вытравить из подкорки девочку из нищей интеллигентной семьи, которой новое покупали только на первое сентября или Новый год. И причем всегда был выбор – либо платье новое, либо туфли. Ох, детство, детство, ты ушло, и леший с тобой!

– Полина, скажите, как вам пришла в голову идея писать книги?

Довольно привычный вопрос. И я начинаю отвечать на него раньше, чем успеваю подумать. Ну, обычное явление в разговоре с такой болтушкой как я.

– Знаете, у меня никогда не возникало какой-то конкретной идеи «взять и стать знаменитой писательницей», я просто писала книги. Постоянно. Это было моей вредной привычкой с пяти лет. Только тогда писала я короче и печатными буквами. Ах да, и с картинками, обязательно, чтобы точно все поняли, о чем я пишу..

Зрители в зале посмеиваются, а я продолжаю:

– Довольно долгое время я просто писала, потому что так вышло. И были друзья, которые меня читали, но до меня вообще идея стать писателем не доходила. Есть ощущение, что тогда в моей голове были только идеи для историй, другие мысли туда совершенно не помещались.

Справа хмыкает в кулак Паша, представитель издательства.

– Если подводить итоги, то я, наверное, долгое время так и продолжала бы просто писать, если бы в моей жизни не было Эли Кольцовой. Я ведь уже не в первый раз говорю, что именно Эля была моим первым читателем, видимо, поэтому у неё такие закаленные нервы.

Подружка округляет глаза, намекая, что я уже перебарщиваю, но увы, я так и не научилась не смеяться над самой собой.

– Ожидали ли вы такой успех? Думали ли вы, что станете известной писательницей?

Журналистов не много, штук пять, но и это круто на самом деле. Не так уж много в России хороших изданий, которые пишут или говорят о литературе. Зато остальная куча народу – мои читатели, явились на автограф-сессию. На самом деле потрясающие люди. Была б моя воля – обняла бы каждого лично, но имидж, блин, имидж. Почему нельзя было выбрать мне имидж обнимательного хомячка? Хотя, наверное, я б при этом смахивала на городскую сумасшедшую, но все же было бы легче, чем прикидываться этакой светской

львицей.

– Знаете, когда я начинала писать книги, я была маленькой девочкой. Успех? Тогда для меня было успехом, если подружка просила у меня следующую тетрадку с моим “р-р-романом”, а мы с ней говорили именно так и обязательно с придыханием. Нет, я не ожидала большого успеха, мне казалось что если мою историю кто-то прочитает – это уже будет большая победа.

Эля, сидящая рядом со мной, самодовольно улыбается. На самом деле она имеет на это право. Мой семикрылый серафим, которая притащила меня за шкуру в издательство, когда я в себя категорически не верила. Ну кому нужны те любовные истории, скажите, кому их мало? Двадцать первый век, здесь про секс и романтику каждый первый утюг вещает.

Нет, это Элька орала на меня матом, практически выдрала у меня флешку с файлом романа, сама разослала его по всем издательствам. Я её заколебала канючить и ныть. Когда не пришли ответы по первому роману, Элька рассылала второй и третий. Ничего удивительного, что именно она уже пять лет является моим литературным агентом.

– Вопрос к Эльвире Кольцовой как к профессионалу своего дела. Вы пять лет сотрудничаете с Полиной. В чем секрет успеха Полины, как вы думаете, Эльвира?

Ну началось. Сейчас эта коза начнет “отвечать мне взаимностью”, твердить про мой заоблачный талант, про потрясающие истории, про нашу с ней космическую дружбу... Хотя

ладно, последнее хотя бы правда.

В чем секрет моего успеха? Да понятия не имею. Я просто пишу книги. Я делаю это каждый день, пишу по три-четыре страницы, за два месяца набегает книга. Эля говорит, что моя работоспособность – самый главный мой талант. Вдохновение? Какое вдохновение? Когда тебя рвут на части семь историй сразу – это оно? А когда с температурой под сорок, когда час назад даже безжалостная Эля загнала тебя под одеяло, а ты находишь себя за ноутбуком, потому что не можешь уснуть с ненаписанным на сегодня лимитом слов? Оно? Вдохновение? По мне – походит на одержимость. Но... Это моя одержимость. И я её очень люблю.

Журналисты допрашивают Элю, допрашивают Наташу, моего редактора и первого представителя издательства, пропустившего мою книгу в печать. Паша – директор издательства. Кукушки мои любимые. Те самые, которые хвалят меня абсолютно искренно, и этим они бесценны. Помню первую свою пресс-конференцию, выходила с неё красная как рак от смущения. Теперь уже привыкла.

Временами я что-то вставляю в рассказы ребят, в перерывах разглядываю зал в поисках знакомых лиц. Замечаю Костю в углу, слегка ему улыбаюсь. Пришел, все-таки пришел.

Рядом с ним стоит мужчина. Высокий, зрелый, с сединой в темных волосах. Приятный. Есть что-то у него в выражении лица, что сразу меня к нему располагает. Я доверяю этому чутью, никогда оно меня не подводило.

Хотя нет – один раз все-таки подвело. С Димой. Но эту ошибку я уже исправила.

К автограф-сессиям невозможно привыкнуть. Особенно современной мне, которая ручку в руки берет, только когда подписывает очередное приложение к договору о сотрудничестве в издательстве. Автографов же обычно приходится давать этак пару сотен, и это хорошо, потому что на конвентах их обычно по полтыщи. Не то чтобы я жаловалась. Мне безумно круто от того, что столько людей приходят ко мне, чтобы я росчерком ручки превратила их экземпляр моей книги во что-то уникальное. Для них моя подпись – это почти что драгоценность. Офигительное чувство, вот правда. А пять лет назад я с круглыми глазами читала свой первый договор от издательства.

“А что, мне еще и деньги за это платить будут?”

Элька рвала на голове волосы, типа: “Почему мы не сделали этого раньше?” Но... Она знала, почему мы этого не сделали. Потому, что два черных года из тех пяти нашей с Димой семейной жизни, я не писала вообще.

Потому что талантливый писатель у нас был Дима, а я должна была обеспечивать его тылы. Глажка, готовка, уборка, да и работу никто не отменял! И вот, пять лет я эти тылы обеспечивала, два года – отказалась от писательства, а Дима пробился в киносценаристы, и на следующий же день после заключения контракта собрал чемодан и положил передо мной копию поданного в ЗАГС заявления о разводе.

Вот так вот. И первая моя книга, пошедшая в печать, была написана в год, когда я отходила после развода. Когда мрак в моей душе сгустился настолько, что хотелось, чтобы хоть в моей фантазии эту темень что-то развеяло.

Развеял.

“Чужой золотой мальчик” и развеял, и боже, как я тогда была рада, что его написала. Аж дышать легче стало. А дальше – дальше пошло, и зря я боялась, что потеряла форму, что разучилась придумывать истории, отнюдь. Их будто даже больше за моей спиной столпилось, и с той поры повелось – одну книгу пишешь, две придумываешь походу.

Костя подходит ко мне, когда от меня отходит последняя читательница. Деловой, собранный Костя. Обязательный, как и всегда. Я прекрасно знаю, что у него в издательстве много дел, но он все-равно явился, чтобы поддержать меня на конференции. Улыбается, глядя на меня. До меня правда только через минуту доходит, что неплохо бы ему и взаимностью ответить, но ладно. Лучше поздно, чем никогда, так ведь?

Тот незнакомец – с ним.

– Госпожа Бодлер, – улыбается он, ловя мою руку, касаясь губами.

Ну ладно, вообще-то не Бодлер, вообще-то Иванова, но Полина Иванова – довольно скучный псевдоним для автора любовных романов, а Полина Бодлер – весьма-весьма звучно. И мне нравится звучание псевдонима, я прикипела к

нему как ко второй коже.

– Полли, это Илья Владиславович Кирсанов, очень хотел с тобой познакомиться, – замечает Костя в ответ на мой вопросительный взгляд.

И боже, да, я действительно замираю. Может ли такое быть вообще?

– Кирсанов? – переспрашиваю я, силясь удержать на лице спокойствие. – А вы случайно не...

– Случайно да, – Илья Владиславович слегка склоняет голову, а я лихорадочно размышляю, не осталось ли у меня хоть открыточки, чтобы взять автограф.

Кирсанов! Сам! Тут! Хотел со мной познакомиться!!!

Да у нас в стране никто не снимает полнометражных смотрибельных романтических мелодрам, кроме него. Все сплошь вульгарщина и скабрёзные шуточки. Ах, да, и обязательно секс и голые торсы в кадре. Ничего не имею против красивых мужских торсов, но когда количество достоинств у фильма равняется количеству торсов, это довольно грустно.

Но не у Кирсанова, нет-нет-нет. У него все красиво, смешно, он... Да, блин, у меня даже слов обычно нет, когда я выползаю из кино с его фильмов. И слез. И животик я обычно тоже успеваю от смеха надорвать.

Когда у меня лютый кризис, когда я хочу упасть и не писать – я смотрю фильмы Кирсанова и ощущаю себя искупавшейся в фонтане живой воды. Его фильмы – они дарят надежду. Даже такой взрослой, далекой от романтики тете, как

я.

– Господи, это вы, – пищит вслух прорвавшаяся изнутри внутренняя фанатка. – Я же обожаю ваши фильмы. Вы даже не представляете насколько. По четыре раза смотрю каждый фильм в прокате. И Элю смотреть заставляю.

– Так это вам я обязан нашими сборами? – Кирсанов улыбается не ртом, но всем своим живым доброжелательным лицом, от уголков глаз. Везет его жене, вот правда. Сейчас я понимаю, почему у них трое детей. Я бы пятерых этому потрясающему мужику родила, но он моногамен, что действительно удивительно в двадцать первом веке. Но за пятнадцать лет ни одной интрижки, ни одного ребёнка, вдруг заявившегося со словами: “Я ваш сын”. Хотя журналисты с каждым годом копают все упорнее, стремясь открыть эту сенсацию.

– Признаться, госпожа Бодлер, я ведь тоже ваш поклонник, – дружелюбно произносит Кирсанов. – И моя жена очень просила взять у вас автограф. Она читала абсолютно все ваши книги.

– С удовольствием обменяю свой автограф на ваш. – Честно говоря, я до сих пор не привыкну к статусу “медийной личности”, и к тому, что я, оказывается, могу общаться с такими мужиками на равных. Но я могу, на самом деле могу смеяться, обсуждать какие-то бытовые мелочи, касающиеся пишущегося нового романа, могу на равных обмениваться с Кирсановым томиком свежееотпечатанной книжки, с моим автографом “Для замечательной Надежды” и принимать би-

лет на предпоказ свежего фильма.

А-а-а-а!!!

Мне будет завтра на что сходить! Я между прочим сама пыталась их достать, но мне не хватило «медийного размаха» личности, там же сразу все билеты свои разбирают.

Еще и с автографом. Боже! На стенку повешу. Под стекло. Дипломчик какой-нибудь выкину, их дофига у меня, а билет с подписью Кирсанова – один.

– Вы будто знали? – я пытаюсь быть внимательной, а то сейчас все сильнее ощущаю, что уж больно похожа на восторженную глуповатую блондинку.

– Я проводил разведку, – тоном профессионального суперагента сообщает мне Илья Владиславович, а потом красноречиво косится на Костю. М-м-м-м, обожаю этого мужчину. Иногда он умеет преподносить действительно крышесносные сюрпризы.

– Полли, вообще-то Илья Владиславович здесь не просто так, – будто невзначай замечает Костя.

– Ах да, – Кирсанов спохватывается, будто у него совершенно вылетело из головы что-то важное. – Полина, мне же можно вас так называть?

– Да, разумеется. – Я настораживаю ушки, потому что это мне действительно новинку.

– Полина, я хочу снять фильм по вашей “Фее-крестной”, – без обиняков произносит Кирсанов, – что вы об этом думаете?

А я...

А я, кажется, все-таки буду выходить с этой конференции красная, как вареный рак.

А-а-а-а!!!

Остановите землю, принесите лед! Много льда!! Мне подвезли исполнение самой безбашенной мечты моей жизни!

Он бы еще спросил: “Что вы думаете о том, что я подарю вам Луну”.

– Я согласна! – выдыхаю я и вцепляюсь в руку мудрой Эльки. Уж она-то знает, что я сейчас почти готова упасть в обморок от счастья! В неё-то я уже не один раз об этом всем мечтала.

– Эй, а разве приличная женщина не должна сначала подумать? – смеется за моим плечом Паша.

– Принеси мне шампанского, изверг. Я – не приличная. Я – согласная прямо сейчас, – тоном шальной императрицы отзываюсь я.

А дальше – дальше болтовня. По делу, разумеется, по делу.

Меня будет экранизировать Кирсанов!

Меня!

Кирсанов!!!

Господи, как хорошо, а.

Что может испортить этот миг моего писательского неподдельного счастья?

Ответ на этот вопрос я получаю довольно быстро...

Глава 2. Полина

Хорошее утро может начинаться как угодно. Его ничто не испортит, даже то, что любимый кофе взял и закончился. Мне вообще некогда его варить! Я вообще-то проспала и почти опаздываю. Так что плевать мне на кофе, таксист, вон, под окном уже стоит, а я ношусь по квартире и ищу любимые духи.

Хорошим утром можно даже сломать каблук на сапоге и, вот знаете, наплевать. Сбегала домой, сунула ноги в ботинки на каблучке пониже и потверже, добавила две сотни таксисту за ожидание и по-прежнему бодрa и весела.

Нет, серьезно. Абсолютно неважно, что происходит вокруг. Пусть меня сегодня убьют, но я умру совершенно счастливой. Вчера подписали договор о покупке исключительных прав на экранизацию. Пять лет я не имею права продавать никому прав на экранизацию, а то любезный и очаровательный Илья Владиславович Кирсанов затаскает меня по судам. Впрочем... Знаете, я не верю, что Кирсанов сможет снять плохую экранизацию. “Золотая туфелька феи-крестной” – любовный роман с красивым хэппи-эндом. Киношники часто перевирают тексты, но с любовными романами это все же делают гораздо меньше. Да и зачем?

Боевики всякие, фэнтези, в котором автор размахнулся во всю ширь своей фантазии, а компьютерная графика ре-

жиссерам такой размах не позволит. Но у меня-то роман! Любовный! Про русских людей. Что там перевернуть, если вся суть – в отношениях героев? Ну, единственная проблема – половина событий книг в Париже происходит, интересно, как эту проблему решат? Но, на крайний случай, мы же можем и перенести куда-нибудь в Россию события. Я – девочка уступчивая.

Если честно, Кирсанов мог вообще все под себя переделывать, оставить мне от текста имена главных героев, а я бы только восхищенно ахала и смотрела ему в рот. Простите. Обожаю его фильмы! Давно уже обожаю, лет с пятнадцати. А после развода вообще как-то неделю только его и смотрела, приходя с работы. И жалела, что он так мало снял.

Таксист мне попался на диво болтливый. Иногда мне кажется, что от отсутствия чаевых они начинают давить на клиента вербально, чтобы им сунули какую-нибудь крупную купюру “лишь бы замолчал”. Я узнала все – сколько лет он таксует, в каком поселке купил себе квартиру, какой бассейн у него рядом с домом, количество детей и внуков и сколько раз у него ломалась машина. Впрочем, я писатель, я не жалуюсь. Я аккумулирую всю информацию, что вокруг меня происходит, а после – вплетаю это все в книги. Если какая-нибудь моя героиня в следующей книге наткнется на миллионера, развлекающегося таксованием – прошу во всем винить вот этого колоритного персонажа с гордым орлиным профилем. Как там его? Дамир? Еще и имя-то какое гордое. Чудесно.

Дамир высаживает меня у Останкино. И я сразу замечаю долговязую фигуру Эльки. Подруга, уже нахохлившись, стоит на ступеньках телецентра на ветру и кутается в бежевое пальто. В ладонях у неё два стаканчика с кофе. Больших стаканчика с кофе.

– Опять опаздываешь, Полли? Договаривались же прийти пораньше, – мрачно хмурится подружка, и до меня доходит, что в своей войне с каблуками и общении с болтливым Дамиром я не скинула ей даже СМС-ки. Ай-яй-яй, госпожа Бодлер, вам не стыдно?

– Прости, богиня, я такси проспала и сапог захромал, спасибо, это же мне? – радостно выдыхаю я, выхватывая тот стаканчик, на котором прилеплен зеленый стикер с надписью “ореховый сироп”. Мой любимый, да. Элька не портит кофе “этой приторной вонючей гадостью”.

– Тебе, конечно, – усмехается подружка. – Признавайся, опять до трех не ложилаесь?

– Тебе меня Костя сдал? – интересуюсь я, подозрительно щурясь. Было что-то в тоне Эльки такое, что выдавало, что она не предполагает, а знает.

– Прекрати уже динамит мужика, у него скоро комплексы будут из-за своей мужской несостоятельности, – фыркает Элька.

– Мне книгу через две недели сдавать, между прочим.

– Ага, а потом начинать еще одну. И что, у вас кровать так и будет плесенью зарастать?

– Ну не знаю, – я чуть морщусь нос, – ты же знаешь, что я не фанат этого всего.

Элька щурится, разглядывая меня с видом “да знаю я тебя, какой ты не фанат”. На самом деле – когда-то была фанаткой. Молодая была, озабоченная, готова была сутками из постели не вылезать. Но сейчас – сейчас перестала на этом циклиться. Сейчас мне было скучно. И Костя... Косте нужно было поставить памятник, я не представляю, как он от меня еще не сбежал. Ведь нормальный мужчина, симпатичный, спокойный, вечно меня поддерживает, почему же он меня никак не зажигает? Вот почему в голову лезет только один мудака? Терпеть не могу эту вот сторону своего характера.

Вот что веселого в том, что при выборе между хорошим парнем и мудаком, ты вроде мозгом определяешь, что тебе нужен хороший, а в душе-то при воспоминании о мудаке все так и норовит ёкнуть?

В телецентре есть все. И гардеробная тоже, и гардеробщицы, на чьих лицах заголовочным шрифтом выражена вся их нелюбовь к толпам зрителей, шастающим на съемки всяческих шоу.

– Мы даже не опаздываем? – Элька косится на часы на собственном запястье. – Удивительно, при твоём-то захрамывшем такси.

Злыдня. Хотя она права, я могла приехать и побыстрее. Просто не ожидала от любимой пары сапожек такого предательства. Хорошо, что лодыжку не вывихнула.

– Как я выгляжу, лучше скажи? – Я кручусь перед Элькой на пятках. Костюмчик у меня хоть и брючный, но нежно-розовый. И блузка белая с черным бантом на груди. Вкупе со свежим блондом – смотрится очень недурно. Нежно так, романтично. По крайней мере утром мне так показалось.

Нежная нюдовая помада на губах, чуть припудренные скулы. Я наносила немного макияжа, ровно столько, чтобы не чувствовать себя размалеванной куклой. Я не особенно люблю краситься, но сегодня не удержалась. Очень уж хотелось чувствовать себя на высоте. И вроде, вышло. Только ботинки эти... Сапожкам проигрывают.

Ох, до чего много в моей голове девчачьей мути. Когда успела так огламуриться? Хотя это Элька все с её: “Автор любовных романов не может постоянно ходить в джинсах. Для имиджа это вредно”. Ну и вот. Имидж есть, мозгов – кажется, не очень много осталось.

– Жакет длинноват, – задумчиво замечает Элька. – Не портит, но смазывает.

Так, пожалуй, сниму-ка я его. Все-таки длинноват. Его я могу и в руках подержать. А дойдем до кабинета Кирсанова – кину куда-нибудь на спинку стула и забуду.

– Да, так лучше, и бант поправь, – замечает подружка, а потом коварно улыбается. – Ты же помнишь, что Илья Владиславович женат, да?

– Помню. И даже не собиралась делать ничего, на что ты намекаешь! – я оскорбляюсь в самых глубоких чувствах. Я и

вправду не собиралась. Серьезно. Но почему-то показываться на глаза Кирсанову чучелкой не хотелось. Я и так слишком часто походила на городскую сумасшедшую, и это был еще один момент испытания мужества Кости.

Нормальные женщины могут быть не накрашены с утра, а я – в любое время дня и ночи. Меня может озарить в три часа утра каким-нибудь новым сюжетным поворотом, и со всклокоченными волосами я ринусь за клавиатуру, разбудив при этом гостящего у меня мужчину. В каком я виде при этом возвращаюсь в постель – лучше не вспоминать. При свете дня такие жутики лучше не показывать. Особенно – симпатичному мужчине, вокруг которого крутится довольно много привлекательных и ухоженных девушек. Тем более, что должность рекламного менеджера в издательстве, занимающегося печатью романтической литературы, добавляла Косте не одну сотню к показателям обаяния. А он выбирал меня. Вопреки всему! Возможно, именно потому, что мне-то от него продвижение было не нужно. Но долго ли он еще вытерпит со мной?

Костя может прийти ко мне на ночь, а я могу целый вечер бегать по дому в каких-нибудь растянутых спортивных штанах, тряся руками и пытаюсь придумать решение какой-нибудь проблемы, возникшей в моей истории. Нет, я не чувствую себя комфортно в такие моменты. Seriously. Я вообще не понимаю, как Костя еще свои вещи не собрал и не порвал уже со мной. Я же жуткий эгоцентрик, иногда по пол-

дня только о книжке и могу говорить. Не затыкаясь. А он – он меня слушает. Бесценный мужик, вот правда. Или могу вообще не говорить – как уйду глубоко в себя, так про все забуду, не слышу адресованных мне вопросов, да вообще ничего не слышу.

И нет, Костю это не напрягает. И надо бы уже выдать ему ключи и съехаться с ним по нормальному, наконец, а я все еще не готова делить с ним свой шкаф, свою квартиру и свою жизнь по-настоящему. И это свинство с моей стороны, но решение этой проблемы я постоянно откладываю на потом.

– Ладно, идем уже, – ворчит Эля, пока я верчусь у зеркала и оправляю складочки на блузке. – Будем смотреть на сценариста Кирсанова. Илья Владиславович его мне прям распиарил. Только имя не назвал, но я уже заочно в курсе, что там крутой специалист. Говорят, у него сценарий для фильма уже на две трети написан.

Эх. Аж на две трети. Мои мечты такие розовые в этот момент, что кажется, что мой блонд дан мне не парикмахером, а боженькой от рождения. Так, соберись, Полли, тебе сейчас о делах общаться. Хотя ладно, я соберусь, я себя знаю, но пока мы не сели за стол, и передо мной не положили сценарий – можно и повитать в облаках. Там я перейду в рабочий режим, и только-то. Тем более, что витать в облаках мне осталось совсем недолго.

Нам везет. Мы попадаем в пустой лифт. Только на кнопку нажали, как в кабинку влетает взъерошенный мужик.

Разглядеть его я не успеваю. Потому что мужчина влетает и врезается не в кого-нибудь, а в меня. А у меня кофе в руке... И от удара со стаканчика слетает крышка и по блузке на моей груди растекается темное пятно. Горячо, блин... Я смотрю на это пятно и отрешенно размышляю на тему того, что нет, все-таки, кажется, вселенная не очень хочет, чтобы я сегодня выглядела прилично. Нет, носить пару запасных колготок в сумке – нормально. А что делать сейчас? Метаться по кварталу в поисках магазина, в котором можно купить новую блузку? Заставлять Кирсанова ждать? Пожалуй, это даже страшнее, чем явиться к нему в таком затрапезном виде.

– Простите... – хрипло произносит мужчина, и я не успеваю подумать, что голос мне что-то знаком, потому что он вдруг удивленно добавляет: – Полина? Это ты?

Увы. Бывают такие дни, в которые как ни пытайся быть оптимисткой и смотреть на мир сквозь радужную призму – все равно они упорно станут для тебя паршивыми.

Нужно сказать, я пыталась, я правда пыталась. Я была твердо намерена следовать намерению “во что бы то ни стало остаться в хорошем настроении”. И все-таки потерпела поражение на этом пути.

В свое оправдание скажу – я искренне верила этим утром, что в одном огромном телецентре смогу избежать столкновения со своим бывшим мужем. Не вышло.

Глава 3. Полина

– Димочка, пять лет тебя не видела, а ты все такой же фее-ричный, – шипит Элька.

– Да ты тоже, знаешь ли, как была стервозиной, так ни капли не изменилась, – цедит мой бывший муж, вжимая палец в кнопку четвертого этажа, – а в весе кстати ты прибавила, Эльвира, на диету сесть не хочешь?

Хамлом был, хамлом и остался. И тогда между ним и Элькой была вот эта “анти-химия”, что они регулярно сцеплялись между собой, так что в их склоке сейчас для меня ничего нового нет.

А вообще Элька терпеть не может Варламова. Во-первых – за год моей черной постразводной депрессии. Во-вторых – за те два года, что я писала по два абзаца текста в день, по вечерам и тайком. И она права, если бы не Димочка – я бы подписала контракт с издательством гораздо раньше. Мне же предлагали. Но Дима взбрыкнул, сказал, что не сможет быть тенью жены, и потом: “Ты писать будешь, а я что? Посуду мыть и борщ варить? Спасибо, не хочу, не мужское это!”

Вот смотрю сейчас в серые Димины глаза и понимаю, что и меня он тоже бесит. Что, в принципе, неудивительно. Эх, ну вот почему меня не пронесло, а? А еще говорят, что совпадения дурацкие только в кино бывают.

Нет, я в курсе, что он все еще на конктракте с телецен-

тром, как мелькала его фамилия в титрах мыльных сериалов одного из центральных каналов, так и мелькает. Но все-таки почему меня не пронесло?

К моему сожалению, Варламов будто и не постарел совсем. Будто заложил душу дьяволу или стал вампиром – по-прежнему кажется сладким мальчиком без возраста, с этими пижонскими усиками и бородкой. Да и мажорская зачесанная грива ему идет. Увы. Вот так посмотришь на Варламова и поймешь, что сценарист – вообще не самая последняя должность в кинопроизводстве. Фактурный мужчина – так про него всегда говорили, а сейчас наверняка говорят еще чаще.

А вот я, точно знаю – стала выглядеть старше. Уже нет светлой наивности во взгляде, между бровями лежит морщинка, кожа уже не лоснится юной свежестью. Когда тебе за двадцать пять, тебе уж ягодкой не стать. Как-то так, да.

Как бы мне хотелось встретиться с Варламовым в обратных условиях, когда я вся такая красивая, сияющая и совершенная, а он – постаревший, поплывший и в заляпанной рубашонке. Неа. Не повезло. Его синий пиджачок и сидит-то идеально на его плечах, а еще Дима, кажется, подкачался. Тьфу ты, пропасть какая, а при мне-то он на тренажерку время не тратил. Не для творческого человека хобби!

А рубашечка-то наглаженная, видать, последняя его актрисулька даже с утюгом обращаться умеет. Первая-то, та, к которой он от меня ушел, не умела, и Дима полгода на фот-

ках в соцсетях мелькал в одних только майках и футболках.

Да, я смотрела! Еще скажите, что никто так не делает. Сигаретами же ему глаза на свадебных фотографиях не выжигала, и пусть скажет спасибо. Еще бы мужества хватило выкинуть те фотографии, вот тогда бы я была совсем молодец. А нет, не выкидывала, хранила на дальних антресолях, чтобы Костя точно не нашел. Ну, я-то на тех фотографиях была красивая. И дура я там была тоже, но зато красивая!

Так, Земля вызывает Полли, Полли, как слышно?

Давай ты не будешь пялиться на мудака Варламова и беситься, что он слишком хорошо выглядит. Нет, круто было бы, конечно, если бы он прямо сейчас понял, кого потерял, но не судьба так не судьба.

Давай все-таки сконцентрируемся на проблеме огромного кофейного пятна на блузке, которое уже успело остыть. Я же не могу появиться перед Кирсановым в таком виде! А лифт меж тем уже остановился. И да, нам с Элькой ведь тоже на четвертый этаж.

– Эля, поддержи дверь, – хмуро выдохнула я и пихнула Диме в ладонь злополучный стакан с остатком кофе. Аккуратно пихнула, может, долг и красен платежом, но кофе мне реально жалко на этого придурка тратить. Тем более что мне точно потребуется какой-нибудь очень сладкий антидепрессант, как только я оставлю Варламова за своей спиной. Настроение-то уже сползает куда-то в минуса. А какое это было офигенное утро! Впрочем, Варламов умеет портить все

хорошее, к чему прикасается.

Подружка кивает и зажимает кнопку закрытия дверей.

Глядя на Диму взглядом василиска, я расстегиваю испорченную блузку.

Знаете, почему я на него смотрю и даже не отворачиваюсь? Да потому что да, очень хочу посмотреть, как у этого утырка глаза на лоб ползут. Поля Варламова такой отчаянной не была и раздевалась только в комнате с задернутыми шторами и выключенным светом. Нужно сказать, я очень долго боролась с этими комплексами. И с другими комплексами тоже.

Но я сейчас – не Поля Варламова, я – Полина Бодлер, а она – точно не пожалеет об этой маленькой провокации, направленной на одного конкретного, раздражающего её мужчину.

Дима старательно смотрит мне в лицо. В лицо, да, хотя я с триумфом замечаю, как его взгляд то и дело норовит соскользнуть ниже. Край губы у него дергается, выдавая подавляемую усмешку.

– А вот ты явно похудела, Полли, – хрипло замечает Варламов. Все-таки сползли глазки, не удержались на лице.

– Конечно, похудела, – осклабилась я. – Мозг никто не выносит, стресса нет, заедать нечего.

Ну, еще, конечно, есть в этом “вина” диетолога и хорошего тренера по йоге, но моему драгоценному бывшему муженьку до этих подробностей дела быть не должно.

– Тебе так очень хорошо, – миролюбиво улыбается Дима. Прямо очаровашка. Ух, как же бесит, а!

– Вот только твоих комплиментов мне для счастья и не хватало, – я раздраженно кривлю губы, промакиваю кожу на груди сухим краем блузки, а потом набрасываю на плечи жакет. Придется надеть его так, на голое тело. Одна проблема – вырез низковат, видно ложбинку между полушариями груди, но черт с ним. Лучше выглядеть сексуальной, чем недо-тепой.

Когда застегиваю жакет, замечаю, что Дима выглядит слегка разочарованным. Что, мало попялился? Может, все-таки и не совсем я потерпела крах в намерении произвести на него впечатление при встрече. Хотя... Ну вот чего он там не видел, а? И такое прям ощущение, что его актрисульки все сплошь плоскогрудые. Хотя, если и так – это вообще не мое дело.

– Нормально? – спрашиваю я у Эльки, та кивает и отпускает кнопку, давая дверям наконец разъехаться. Я шагаю к двери лифта.

– Не нормально, а отлично, – шепчет Дима интимно, склоняясь к моему плечу. – Так гораздо лучше, чем с блузкой, можешь поверить мне как мужчине.

Краем сознания я припоминаю, что Дима терпеть не может оценки “нормально”. Это, мол, слишком никакая оценка. Лучше, мол, сказать что все хуже некуда, чем “нормально”.

– Меня интересует мнение человека со вкусом, – отрезаю я, подавляя в себе острое желание пихнуть Варламова локтем в печень. Борзость характера у моего муженька как всегда запредельна. Но я держусь, ибо если дам волю рукам – точно проиграю в нашем с ним словесном поединке. Пусть этот поединок и ведется только с моей стороны.

– А ты хорошо держалась, – одобрительно замечает Элька, когда мы пробираемся вдоль по коридору среди спящих тут туда сюда людей. Здесь шумно, очень шумно. Краем глаза я замечаю Лолу Кравиц – молодую звезду нашей эстрады, но за автографом к той звезде не пробиться – и сама-то Лолла выглядит загнанной и уставшей, но великодушно раздаст автографы и позволяет с собой сфотографироваться. Вот где истинная слава, не то, что мои пара сотен подписей на литературных конвентах. И пожалуй – мне такой не надо. Не умру.

Хорошо ли я держалась в компании Варламова? Ну, для женщины, которая год начинала рыдать только от услышанного где-то имени “Дима” – да, наверное, неплохо. Я была бы рада, если бы он меня бесил меньше. Это бы означало, что я все-таки начинаю исцеляться от его предательства. Безразличие – вот настоящий показатель исцеления, а никак не неприязнь.

Мы с Элькой долго петляем по коридорам четвертого этажа, успеваем понять, что пошли не в ту сторону, и кофе в моем стаканчике все-таки заканчивается.

На обратном пути Лолу мы уже не видим, кажется, наша звезда устала и все-таки укатилась из поля зрения зевак.

Где-то даже вопреки хорошей звукоизоляции слышен сильный голос Александра Малкова, влажной мечты русских женщин от пятнадцати лет. Ну, он и моя мечта тоже, если брать меня в расчет, разумеется. Я бы сунула нос на него посмотреть вблизи, да кто бы меня пустил в зал во время съемок?

До сих пор не могу поверить, что нахожусь здесь. А когда вспоминаю, зачем я тут – верить становится еще сложнее. Но все-таки мысли об этом потихоньку восстанавливают мое настроение. Ну, подумаешь, столкнулась с Варламовым. Работать-то я буду не с ним, а со сценаристом Кирсанова.

– Даже не спросил, зачем ты в телецентре, – замечает подруга, будто подчеркивая, что Варламову все также плевать на какие-то мои дела.

– Да пофиг уже на него, – произношу я, хотя в копилочку это наблюдение откладываю. Вот когда на меня снова накатит тоска от скуки с Костей, когда будет казаться, что Дима был лучшим мужчиной в моей жизни – я с удовольствием достану свой список варламовских недостатков, перечитаю его, и мне полегчает. Всегда легчает.

А Косте, между прочим, не плевать. Вчера даже костюм для выхода мне выбрать помог. Два часа со мной по магазинам шастал. Даже от телефона взгляд отрывал не только когда я из примерочной выходила. Мужественнейший человек,

хоть памятник при жизни ставь. Вот тебе и еще один список в копилку Костиных достоинств. А ты, Полли, все еще думаешь, стоит ли тебе с ним съезжаться? Сколько он с тобой? Два года? И все еще ходит гостевать? Тебе не стыдно?

Боже, мы наконец-то видим перед собой заветную дверь с табличкой “Кирсанов”. Да не может этого быть! Нашли? Не запутали? А медаль героя можно?

Все лишнее тут же вылетает из моей головы. Особенно одна смазливая физиономия с пижонской бородкой. В конце концов, тут вопрос моей мечты решается, а я все Варламова никак из головы выбросить не могу.

Элька стучит в дверь кабинета, мы таки слышим густой кирсановский голос: “Да-да, входите”. Слушаемся. Да, мы иногда такие послушные бываем, прям жуть.

Вот только Элька останавливается прямо на пороге кабинета Кирсанова, мне приходится даже чуть подвинуть её плечом, потому что иначе мне не пройти. А потом я замираю вместе с ней.

– Говоришь, имя сценариста тебе не называли? – тихо спрашиваю я.

– Да, – слабым голосом откликается Элька. – Не называли. И, кажется, я поняла почему...

– Я, кажется, тоже...

Потому что... Да, знай я об этом еще вчера, наверняка бы отказалась от пункта в договоре, где требуется авторское присутствие на съемках и совместная работа со сценаристом.

Нужно сказать, Илья Вячеславович на этот наш с Элькой диалог и ухом не ведет. Он вообще сидит за рабочим столом и внимательно читает текст с лежащей перед ним распечатки. Ему, откровенно говоря, не до нас.

А рядом с его столом в черном кожаном кресле, соединив пальцы перед собой, сидит Дмитрий Денисович Варламов, собственной персоной. Выражение его лица – триумфальное. Он явно доволен произведенным эффектом. И нет, очевидно, что он здесь точно не по ошибке. И да, именно поэтому он и не спросил, зачем я в телецентре. Он знал!

Боже, как меня бесит его довольная физиономия.

Хотя да, пакость удалась прекрасно, с этим я даже спорить не буду.

Глава 4. Дима

Полли повзрослела.

Это я могу сказать совершенно точно.

Ей идет зрелость. Ей настолько идут эта зрелость и самооценка, что от одного взгляда на неё у меня перехватывает дыхание. И кто бы мне еще сказал: "Окстись, Дима" ...

Это не девочка для секса, не актриска, которой очень нужно, чтобы ты порекомендовал её режиссеру хотя бы на эпизодическую роль в сериале. Не та, кто упорхнет уже через пару недель.

Нет, Полину нельзя равнять даже с половиной рассекающих между студиями профурсеток. Передо мной настоящая шикарная женщина.

И, мать твою, Дмитрий Денисович, перестань сползать глазами в этот чертов вырез её пиджачка. Да, вкусный вырез. Не повод. Имей совесть, хватит пялиться на свою бывшую жену.

Что поделать, Полина совершенно точно знала, как выбить меня из колеи. И она-то, может, и не догадывалась, как я на неё реагирую, но этот взгляд... В нем была вся она, твердая, несгибаемая, дерзкая, какой я её помню. Такая, которую я чуть не убил своим чёртовым кризисом.

Отличница с факультета журналистики, которая могла переспорить любого лектора, если была убеждена в своей

правоте. Та, в которую я два месяца проходил безнадежно влюбленным, пока наконец не додумался пригласить в кино.

Красивая. Красивая была тогда, красивая и сейчас. Только сейчас она до того не моя, что хочется кого-нибудь придушить. Хоть ту же Кольцову, ну а что она, просто так приперлась, что ли?

Полли не говорит больше ни слова, просто безмолвно садится на диван напротив, закидывает ногу на ногу и смотрит на меня уничижительно. Мой счет, кажется, сейчас пополнился еще одной строчкой.

– Димочка, мы так скоро увиделись, я даже не ожидала, – Кольцова как всегда бросается в бой. И я вроде знаю, почему она так меня не переваривает, но всё равно. На неё мне плевать.

– Это очень крутой проект. Я работаю с Ильей Владиславовичем второй год. Да, я предложил ему свои услуги, – меланхолично замечаю я, разглядывая тонкие пальчики Полли. – Можешь сказать спасибо, Эльвира. Сейчас сценариста лучше меня вам просто не найти.

Да и не хочу я, чтобы к тексту моей Полли прикасался хоть кто-то из штата сценаристов Кирсанова. Чтобы кто-то другой проводил с ней день за днем, приводя сценарий к золотому сечению? Чтобы он, а не я, пускал слюни на эти красивые ноги, косил озабоченным взглядом в вырез блузки? А вот черта с два. Пусть выкусят.

Да, я сам предложил себя Илье на должность ведущего

сценариста. И дурак был бы, если бы не предложил. После начала работы с Кирсановым на меня ощутимо повысился спрос. Поэтому работал, работаю и продолжать с ним работать я буду. Нет, конечно, в своем жанре – я уже один из самых востребованных сценаристов Москвы. Но забраться повыше мне никто не мешает. И я заберусь.

Полина хмурится.

– Ты же терпеть не можешь со мной работать, Варламов, – спокойно произносит она. – Ты же понимаешь, что именно я буду читать твои сценарии, критиковать, находить косяки. Ты уверен, что твоя самооценка к этому готова? Раньше ты к этому относился весьма болезненно.

В яблочко, милая, в яблочко. Прямо стыдно становится за себя, молодого идиота. Был такой грешок. Когда моя девочка начала обгонять меня в творческом росте, она начала подмечать мои недочеты. В какой-то момент понял, что это я гонюсь за ней, пытаюсь соответствовать. И это было довольно неприятное открытие.

– Раньше я не был профессионалом, Польша, – безмятежно улыбаюсь я. – С удовольствием с тобой поработаю. Можешь критиковать, править, ни в чем себе не отказывать. Не откажусь повысить свой творческий уровень.

Сейчас уже эволюционировал и я, и моя самооценка.

Полина недоверчиво щурится. Сложно мне поверить? В принципе, могу понять. От того лишь сильнее хочется доказать, что я изменился. А изменился ли? Кажется, в глубине

моей души все еще живет тот идиот, который едва не задушил эту потрясающую женщину своим гнетом и проблемами с самооценкой.

Тяжелые были годы тогда на самом деле. Первые мои годы после университета. С работой то и дело возникали перебои, опыта у меня не было, денег, соответственно, тоже не водилось. В телецентр не брали. Я проваливал собеседование за собеседованием. А в театрах мне было катастрофически скучно. До написания самостоятельных пьес опять-таки меня не допускали, только до обработки какой-нибудь классики. Десять разных адаптаций одного только “Ревизора” за один год. Тоска, а не работа!

Хотя мозг я тогда ломал очень качественно, как сделать так, чтобы один сценарий отличался от другого.

А Полли... Полли творила. Кормила меня ужином после работы, а по глазам было видно, что она уже в мыслях о своих героях. Как я ей тогда завидовал, этой безумной творческой свободе – не описать. Ей не надо было ограничивать себя рамками, говорить “надо”, её не стискивала тесная клетка обстоятельств.

Когда я начал ворчать по поводу того, что она отнимает время у меня всякий раз, когда начинает писать? Я не знаю, но именно за этот шаг презираю себя сильнее всего.

О том, как я перед ней виноват, я, пожалуй, заикаться не буду.

– Илья Владиславович, я могу выпить кофе, пока вы за-

няты? Здесь немного душновато, – Полли это спрашивает у Кирсанова, а смотрит убийственно на меня.

Ну понятно, от кого она сбегает. Да, я в курсе, что сейчас она меня терпеть не может.

Ох, Полли, а ведь нам с тобой год работать. Не меньше. Да, сценарий я начерно почти написал, но ведь только начерно. Именно автор книги обычно вносит принципиальные акценты. Без тебя тут никак, или твои же фанаты не узнают твоей истории.

– Да, госпожа Бодлер, десять минут у вас есть, – Илья задумчиво отрывает взгляд от обработанного, уже обращенного в сценарий, текста и окидывает нас взглядом, позволяя “волне и камню” разойтись.

Кольцова торопливо вскакивает и идет вслед за Полли. Ну вот её уходу я, пожалуй, действительно рад. Она меня бесит. Хоть и сам виноват, и она тогда была права, но все равно бесит.

Самое паршивое, что бесит Эльвира не столько меня, сколько моего внутреннего собственника.

Я хотел когда-то подарить Полли весь мир. Чтобы именно со мной она поднялась и добилась признания, о котором моя девочка тогда еще даже не мечтала. А вышло...

А вышло, что на пятом году брака Кольцова зажала меня в угол на моей же работе.

– Ты что творишь, баран, – шипела она тогда, глядя на меня злющими ледяными глазами. – Полька опять отказалась

от издания. Ты понимаешь? От гонорарной, мать твою, Варламов, публикации. Её хочет издательство, ты понимаешь? А она не идет!

– А я при чем? – тогда поинтересовался я и этим еще сильнее опустил себя в её глазах.

– Это же ты, кретин, – тыкая острым пальцем мне в грудь, рычала Кольцова. – Ты её душишь. Она из-за тебя отказывается, потому что это ты комплексуешь, самец недоделанный. Потому что она может, а ты – ни фига.

Тогда я огрызнулся, но... Но после начал замечать и сам. Полина тосковала. Она уже не бросалась к клавиатуре всякую свободную секунду, она все чаще говорила о каких-то ужасно бытовых вещах, она выцветала день за днем, неделя за неделей. Не хотела меня задевать, не хотела нарываться на мое недовольство, не хотела травить себе душу и сама. Наверняка же вспоминала про предложения, от которых ей пришлось отказаться.

Она угасала, моя дивная мечтательная девочка, и именно я приложил к этому руки.

В общем, через две недели этих наблюдений мне до того стало тошно от самого себя, что я накатал какой-то совершенно мутный и адский сценарий для сериала. Через месяц мне пришел ответ со студии. Меня взяли в штат. Моя мечта наконец-то начала исполняться.

И я не придумал ничего лучшего, чем сбежать от Полли. Бросить её, предать, но освободить от себя, потому что ис-

правиться у меня никак не получалось.

– Дим, вы точно с ней сработаетесь? – медленно спрашивает Кирсанов, задумчиво глядя на меня. – Между вами слишком много нездоровой неприязни. Это не повредит работе?

От него не укрылся общий тон моей маленькой перепалки с бывшей женой. Впрочем, я его предупреждал, что так будет.

– Все нормально, – откликаюсь я. – Полина умеет держать себя в руках, а её неприязнь я как-нибудь переживу.

Как-нибудь. Между прочим, жить не хочется, когда Полли с такой ненавистью на меня смотрит.

Я ведь тогда рванул, подавая на развод. Самое живое рванул из души, с корнем. Крыл себя матом, четыре раза чуть не передумал, но пути назад не было. Я не умел вести себя с ней иначе, и оставаться с ней рядом, убивать её дальше просто не имел права.

Мы столкнулись сегодня в лифте, хотя я был уверен, что опоздаю и встречу с Полиной только в кабинете Ильи. Еще и налажал так кошмарно с этим её кофе, стоял и не знал куда себя деть. А она... Зараза, блин. И ведь так и хотелось сказать, пока она застегивала свой жакетик: “Зараза ты, Варламова”, вот только фамилию она после развода вернула свою. Это было неприятно. Хотя я и понимал, что не мне ей предъявлять за это. Уже не Варламова. Уже не моя.

И я старался не мучить её, не лезть, потому что себя я

знал прекрасно. Увижу и снова вспомню те чертовы два года. Два года её жертвы, принесенной ради меня. Смог бы я так же? Смог бы пожертвовать творчеством в угоду любимого человека? Не уверен. Не смог. Любил ли я Полину так, как она того была достойна? А вот это вряд ли. Мало было. Жаль, что иначе я так и не научился.

– Дим, ты уверен, что справишься? – настойчиво спрашивает Илья. Ему очень важен микроклимат в коллективе, он не любит даже каких-то легких склок.

– Да, уверен, – киваю я. – Не волнуйся, Илья, я тебя не подведу.

– Ну, причин тебе не доверять у меня вроде нет пока еще, – задумчиво замечает мой друг. Режиссер со сценаристом дружит далеко не всегда, просто мы с Ильей хорошо понимаем друг друга. Редко бывает такое космическое совпадение. И я очень ему рад, потому что наконец-то мне себя ограничивать не надо.

Хорошо, что Илья не настаивает на своем. В кои-то веки я хочу сделать хоть что-то для Полли. Не сделать ей хуже, а наоборот – исполнить её мечту.

Когда я еще ничего не испортил, когда мы всеми своими атомами принадлежали друг дружке, Полли призналась, что очень хочет, чтобы именно я написал сценарий для фильма по её книжке.

Нет, я правда сомневаюсь, что сейчас Полли бы согласилась именно на это. Дело было не в этом.

Мой котенок, моя мечтательная малышка мечтала о фильме по своей книге. Ну, сначала написать такую историю, которую кто-то захочет экранизировать, а уж потом – чтобы за дело взялся я.

Сейчас она уже написала не один такой роман. Прямо обалдеть же можно от заоблачной крутизны моей жены. Бывшей жены, да! Жаль, что не я помог ей добиться успеха, но и я кое-что могу для неё сделать. Исполнить ту её мечту, про которую она, наверное, уже и забыла. Вообще-то... Это малое, что я мог для неё сделать, после тех лет творческой голодовки, что я ей устроил. Да и после... После я тоже ничем хорошим не отличился.

И да, я легко мог помочь сделать её мечту явью, сейчас мне это действительно ничего не стоило. У Полли будет классная экранизация, достойная её самой. С режиссером её мечты.

Самое главное – мне не увлечься... Не забыть, что вообще-то возвращать её себе я не собираюсь. Убивать её второй раз мне совершенно не хочется.

Тем более что у моей бывшей жены уже давно налажена своя жизнь, и для меня там просто не найдется места.

Вот только с учетом того, как Полина и сейчас выбивает меня из колеи – кажется, остаться при этом своем намерении мне будет действительно сложно.

Глава 5. Полина

– Поль, что ты об этом всем думаешь? – Тон у Эльки – как у сапера. Да и подходит она ко мне бочком, будто к собирающейся взорваться бомбе.

– Я думаю, что у них тут кофе отвратительный, – я вздыхаю, и прошу у аппарата по продаже кофе еще одну порцию эспрессо. – Как думаешь, их эту гадость чем заставляют пить, плетьюми?

Я уже установила таймер на телефоне на десять минут, чтобы точно не упустить время – и стою тут. Медитирую в коридоре с чашкой кофе. Мне действительно полезно.

Элька принюхивается к содержимому моего почти пустого стаканчика и кривится.

– Не иначе, – ворчит она.

Хотя наблюдая за здешней суетой, за людьми с глазами разной степени вытарашченности, я понимаю – паршивый кофе самая меньшая из их проблем.

У них куда актуальнее: “Маша, где пятьдесят второй тональник?”, “Эй вы там, убавьте громкость, вы нам фоните”, “Михаил Александрович, вы не глянете новый концепт персонажа” и “Крановщик, кто видел крановщика? Найдите и убейте!”

Телецентр кипит, бурлит, захлебывается своей бешеной жизнью, и кофе не является для него лакомством, кофе для

него – кровь, текущая в венах местных обитателей, инструмент, необходимый для выживания. Его пьют не для удовольствия, а для того, чтоб успевать за хвостом вечно ускользающего местного дедлайна.

И нет, после того как я осознаю это, критиковать кофе уже язык не поворачивается. Я забираю свою вторую чашку и представляю, что, глотая эту гадость, я становлюсь здесь чуточку своей.

Приятно...

Я сбежала, потому что находиться лишние десять минут в одной комнате с Варламовым мне опасно. Это почти то же самое, что хранить в одной и той же коробке канистру бензина и зажигалку.

– Домой хочу, – устало произношу я. Настроение как-то скурвилось и вообще, стоять и думать на тему того, что мне придется работать в компании Димы – не особенно приятно. Не хочу! Не хочу-не хочу-не хочу. Великая нехочуха, ага. Могу ногами потопать, только разве это поможет?

– Как думаешь, чего хочет Варламов? – тихо спрашивает Эля, возвращая меня в реальный мир к реальным проблемам. – Зачем ему эта должность? Его ведь даже не назначили, он вызвался сам. Он ведь знал, что нужно будет работать с тобой... Может, он тебя вернуть хочет?

Я рассмеялась. На самом деле версия была забавная. Нет, вряд ли Дима этого хотел. Даже его заигрывания в лифте не были серьезными, Дима в принципе флиртовал со вся-

кой симпатичной особью женского пола, которую еще не за-тащил в постель, стиль общения у него был такой. И симпатичная физиономия этому очень способствовала.

– Эль, чтобы меня вернуть, – я сделала еще один глоток кофейной нефти из стаканчика – Варламову нужно врезать мне бейсбольной битой по голове, да так, чтобы я память потеряла. У меня безумно много претензий в его адрес, ты знаешь. Да и ему – ему нужна не я, а девочка, которая будет готовить ему борщ и смотреть в рот. Какой мне борщ, когда я пишу по восемь часов в сутки, гуляю три, сплю еще девять, а оставшееся время – жру и занимаюсь йогой. Когда я выбрала его, отказалась от творчества – я ему надоела. Скучной стала, так он тогда сказал. А сейчас он в мою жизнь просто не влезет. Да и зачем? Его последней девице было года двадцать два, он меняет их раз в два месяца. Скажешь тоже, заинтересую его я. Слишком старая.

Без комментариев. Да – я знаю. И не надо меня спрашивать откуда я знаю, сколько лет последней девушке Варламова. Все вы понимаете, в одном мире соцсетей с вами живем.

– Полли, – Элька укоризненно хмурится, – перестань нести чушь. Какая “старая”? Тебе тридцать лет, а не триста.

– В глазах Варламова – после тридцати женщины мумифицируются и перестают иметь ценность, – насмешливо замечаю я. – Зачем связываться с тридцатилетней? Девочка двадцати двух-двадцати трех лет от роду обеспечит тебя более здоровым потомством, и прочее бла-бла-бла.

По-крайней мере, когда мы расходились – он говорил так.

– Тьфу, – Элька кривится. – Вот серьезно, как ты жила с ним пять лет? Он же чертов шовинист...

– Эль, я была идиотка, – честно откликаюсь я. – Мне казалось – это любовь. А ради неё же не жалко каких-то там жертв. Ну, мелкая же была. Чего ты хочешь от двадцатилетней влюбленной клуши.

Если уж домогаться, мне далеко не казалось. С Димой у меня и была любовь. Такая безумная, что мне хотелось считать её единственной настоящей в мире. Такая бескрайняя, что мне иногда казалось, что я сгорю от чувств, захлестывающих меня с головой. И она была, просто потом закончилась. Но она была, точно была.

Как может реагировать девочка-отличница, если на неё вдруг обратит внимание первый красавчик с параллельного потока? Тот, на которого ты, вросшая в джинсы, еще не знающая слово “маникюр” серая мышь, даже не смотрела, потому что зачем мечтать о том, что заведомо невозможно?

А невозможность вдруг является к тебе, сияет на тебя широченной улыбкой и зовет в кино! Ну, а после кино все та-а-ак быстро завертелось... И вот никогда так не было, но пришел он, и оно взяло и случилось! Первая любовь, первый мужчина, первый муж...

Который должен был стать моим единственным, я об этом мечтала, я вообще не представляла, что все может быть иначе.

Я не училась литературе, я училась журналистике, это потом дошло осознание, что это слегка не мое, Дима же сразу учился на сценариста. Сразу знал, чего хотел от жизни, нужно сказать – этим его качеством я восхищаюсь и до сей поры. Я в свои восемнадцать категорически не могла похвастать особой осознанностью.

Мне нравилось писать тексты – вот тебе и все самоопределение.

И вот – был он, была я, и была какая-то лихорадочная зависимость двух творческих людей, безумно зависящих от мнения друг дружки. Молодой творец – голодный до чужого мнения творец. И мы были такие. Я видела все сценарии Димы, он читал мои эссе и статьи, и мы перлись от крутости друг дружки. Кукушка обожала петуха, петух – кукушку, и это было очень искреннее и безумно сильное чувство.

В какой момент все это вдруг исчезло? В какой момент я поняла, что союз двух творческих людей – это ужасное сочетание, потому что рано или поздно кто-то творить перестает? В нашем тандеме это была я...

Нас оттесняет от аппарата по продаже кофе девочка с загнанном лицом и гулькой на голове. Судя по макияжной кисточке, воткнутой в гульку, и мазкам помады на запястьях – гример. Судя по выражению лица “видала я весь мир в гробу и на белых шпильках” – гример какой-то очень-очень капризной певички.

– Может, Димочке по-прежнему поперек горла твой

успех? – задумчиво спрашивает Эля. – Ну, сама подумай. Кто он? Занюханый сценарист? Если бы он не был твоим мужем – я бы и не знала, что он пишет сценарии для центральных каналов. А тебя по всем утюгам передают, ты у нас звезда, Костик тебя очень качественно пиарит, радио, газеты всякие... В прошлом месяце ты вообще в шоу каком-то экспертом выступала.

– В позапрошлом, – я чуть морщу нос, вспоминая три адских дня тех съемок и жуткую аллергию, что полезла у меня на сценический грим. И было шумно, но... Костя говорил, что продажи после моего появления по ящику стали чуточку внушительнее. Месяца через два обещали снова позвать...

– Неважно когда ты там мелькала, – отмахивается Элька. – Важно, что ты везде. На конвентах, в телевизоре, в вирусной рекламе, везде. Шесть тысяч запросов “Полины Бодлер” было сделано только за тот месяц. А давай пробьем Дмитрия Варламова. Спорим, и двух сотен запросов не будет? Димочка тебе и тогда завидовал, а сейчас и подавно.

– Ну а смысл какой ему влезать ко мне в проект? – рассеянно спрашиваю я, разглядывая, как меняются пиджаками два парня в конце коридора. Там, кажется, кастинг, перед дверью кабинета длиннющая очередь, разве что на головах не сидят.

– Ну, Варламов же знает, что ты его терпеть не можешь, так? – задумчиво замечает Элька. – И всякий раз, когда вы пересекаетесь – происходит скандал.

– Увы.

Я бы и хотела сказать, что это не так, но то ли я была такая вздорная особа, то ли Варламов – никак не может уняться.

И на юбилее той же Нины мне было правда жаль, что так вышло, просто я не ожидала, что наткнусь на Варламова в компании тощей блондинки, а он сам возьмет и припрется, чтобы рассказать, как я испортила ему аппетит своим унылым парнем.

А я... Я ведь имела право ему ответить, да? И да... Я ответила. Тем более, что общий вид его модельки меня, знаете ли, тоже выбесил.

Самое паршивое было в том, что я тогда думала совсем не о платье той простигосподи, и не о Димочкиной стрижке, а о том, какие у этого ублюдка красивые глаза. И как я его ненавижу за это.

И да, это действительно была проблема. Но пока что я с этим почти ничего не могла сделать.

Человек со мной не смог, я его не устраиваю, да и он меня в общем-то тоже не устраивает ни по какому показателю. Вот только на кой черт пару раз в неделю во время серфинга по всяким соцсетям я заглядывала на страницу Варламова, с мазохистской целенаправленностью изучая фотки с очередной его пассией.

Девицы менялись с завидной регулярностью, бросивший меня мудака был “в полном расцвете сил”, и мне бы сделать из этого выводы и перестать уже так беситься при виде его

слащавой физиономии, а не получалось.

Мне и сегодня его видеть было неприятно, до зубовного скрежета. А он – и ухом не повел, и вид делал, что и не было того прошлогоднего скандала. И позапрошлогоднего тоже. Мачо еще включил на полную.

– Мне кажется, что он того и хочет, – шепчет Элька, чтобы поменьше народу слышали наш разговор. – Чтобы ты вспылила перед Кирсановым. Ты же давно мечтала о фильме по своей книге? А если Кирсанов откажется тебя экранизировать – в результате фигушки кто-то еще захочет это сделать. Ну разве что задрот какой. Димочка для Кирсанова свой, его и послушают, он будет пострадавшей стороной.

Наверное, будь я немножко наивнее, не зная насколько даже близкие люди могут тебе устроить подлость – я бы не поверила в Элькину версию. Я бы отмахнулась от неё, сказала бы: “Да не может быть такого!” – и полетела бы на своих прозрачных крылышках в страну волшебных единорогов.

Но вообще версия была довольно твердая. Циничная, неприятная, но... Я видела физиономию Димы, когда я вошла. Он явно был доволен произведенным эффектом внезапности. И с Элькой он упорно переругивался. И ухмылочка у него была довольно издевательская. Он будто пытался вывести меня из себя.

– Думаешь, он хочет, чтобы я отказалась от договора? Это сорвет съемки?

– На этом этапе твой отказ от сотрудничества наверняка

спровоцирует расторжение договора, – Элька кивнула, недовольно поджимая губы. – Кирсанов просто найдет себе другую, более податливую девочку с книжкой, подходящей для мелодрамы, а мы налетим на неустойку из-за расторжения договора по нашей вине.

Срабатывает таймер на телефоне. Десять минут закончились. И из дверей Кирсанова высовывается взъерошенная голова Варламова.

– Где вы там? – окликает он нас. – Давайте сюда.

И что мне делать? Возвращаться сейчас в кабинет с Кирсановым, проигрывать Диме, выторговывать себе отступление от договора? А может, вообще сбежать, как тогда – в ресторане, не выдержав волны поднявшихся эмоций?

А вот фигушки! Больше я своему бывшему не проиграю ни разу! Еще посмотрим, кто от кого сбежит.

Глава 6. Полина

– Ну, что Польша, как тебе наш кофе? – одна эта едкая ухмылка на физиономии Варламова – лекарство от хорошего настроения до конца этого дня. Вот реально, и не хочешь верить в его подставы, а издевка в его тоне все равно мерещится. Он-то знает мой задвиг на хорошем кофе.

– Потрясающая отравка. Но я выжила, – сухо откликаюсь я, а Элька сжимает мои пальцы, будто напоминая: “Держи себя в руках, Полина”. Держу. А что мне еще остается? Я хочу этот чертов фильм. Я хочу увидеть фильм по своей книге и прорыдаться при просмотре – от радости, от восторга, от мечты, претворенной в жизнь. Я пять лет с утра и до ночи пашу на издательство как конь, падаю в кровать, чтобы утром встать и снова начать пахать. Я не заслужила разве?

Ну, не бывает все идеально, и Варламов – да, это мой изъян на хрустальных узорах мечты. Ну и черт с ним. Пять лет я как-то мирилась с существованием бывшего мужа на одной планете со мной, ничего не изменилось, кроме того, что между нами больше нет нескольких десятков километров.

Из этого можно даже пользу извлечь. Может, я наконец возненавижу Варламова настолько, чтобы больше не вспоминать его в периоды обострения депрессии. Чтобы не лазить по страницам в его соцсетях, не листать фотки из семейной жизни, в которой мы на самом деле ужасно безмозг-

лые, но такие счастливые... Чтобы не набирать по памяти его чертов номер, который он так и не сменил за эти пять лет. А я пыталась забыть, вот только пальцы все равно помнят этот проклятый порядок цифр. Как хорошо, что я ни разу так и не нажала "вызов".

Вот честно, я ненавижу за это Варламова лютой ненавистью. Да и собой не очень довольна. Зачем было нужно настолько сплавляться с ним воедино, настолько отказываться от себя? Он-то себе абсолютно ни в чем не отказывал эти пять лет, а я... А я только через три года после развода решилась хоть как-то сблизиться с Костей.

– Итак, давайте к делу, господа, – Кирсанов собирает со своего стола бумаги, и поглядывает на нас мельком, – в сроках у нас год до стадии пост-продакшена.

– А можно для блондинок, пост-продакшен – это что? – виновато улыбаясь, уточняю я.

Дима закатывает глаза. Будто поперек широкого лба написал: “Как можно было прожить со сценаристом пять лет и не знать таких базовых вещей”.

А вот можно, Димочка. Я вообще все, что касалось тебя и твоей работы, отчаянно старалась вытереть из памяти. Если бы я хранила еще и воспоминания об этой чуши – до сих пор бы лежала на кроваточке и рыдала в подушку, оставленную Димочкой.

– Пост-продакшен – это этап после съемок, – милостиво сообщает мне Кирсанов. – Монтаж, обработка, озвучка и

прочее-прочее.

– Спасибо! – благодарно улыбаюсь я.

– У вас есть две недели, господа, чтобы подготовить сценарий в его рабочей форме. Справитесь? – Кирсанов смотрит сначала на Диму, потом на меня. – На этой стадии я вам мешать не буду. После этого мы его подредактируем и уже начнем.

– То есть должен быть готов чистовой вариант за две недели? – я немножко опешила от таких сроков и удивленно уставилась на Кирсанова.

– Это обычные сроки, госпожа Бодлер. Предполагается поработать над вопросом сценария очень плотно и без простоев. – Илья Вячеславович моей реакцией ничуть не удивлен, но отступать от своего явно не собирается. – Не будете успевать – сообщайте. Дима – с тебя отчетность о продвижении работы.

Ну вот. Отчетность, значит, с Димы. И я прекрасно представляю, кто у него будет виноват во всех задержках. Ладно. Две недели так две недели. Если Варламов думает, что я соскочу из-за необходимости две недели видеться с ним ежедневно, а вот выкусит, сладкий.

– У меня сдача книги через две недели, – сообщаю я сухо. – И кстати, в договоре было указано, что на период дедлайна моей авторской деятельности вы готовы пойти на смещение по срокам. Впрочем, я все-таки надеюсь, что задержек по моей вине не случится. Я выделю три, максимум

четыре часа в день на работу с господином Варламовым, надеюсь, что этого будет достаточно?

– Да, разумеется, госпожа Бодлер, – Кирсанов улыбается так доброжелательно, будто даже на это не рассчитывал. Ну, вот что за мужик, веревки из меня вить может.

А ведь потребуй он пять или шесть часов работы вместе с Димой – вот он, именно Илья Вячеславович с этой его харизматичной физиономией и улыбкой, оплавляющей сердце, и знаете...

А я бы согласилась. Нет, Дима мне, конечно, знатно изгадил настроение. Но Кирсанов – по-прежнему мой любимый режиссер. И в принципе привлекательный мужчина.

До одури привлекательный, на самом деле. Ему около сорока, но это тот случай, когда возраст становится его достоинством. Тот же Варламов рядом с Ильей Вячеславовичем выглядит все тем же мальчиком.

Ну... Да, Элька не зря напоминала про бессмысленность флирта с Кирсановым. Но даже осознание этого не мешало мне сейчас сидеть с прямой спиной, ненавязчиво развернувшись в сторону режиссера вырезом на груди. Может, и ничего, что таким позорным образом погибла блузка. По крайней мере, чувствовать себя привлекательной, когда сидишь напротив симпатичного мужчины, довольно приятно.

Нет, у меня не было на Кирсанова никаких планов. Но, в конце концов, имею же я право почувствовать себя женщиной, а не одним только приложением к клавиатуре?

Не напоминайте про Костю, ну пожалуйста. Знаю, со стороны кажется, что я совершенно потеряла стыд и совесть, но вообще я же сейчас просто наивненько мечтаю. Понятное дело, изменять своему нынешнему мужчине я не буду, даже если был бы вариант. Хоть в мыслях-то мне можно побыть девушкой, которая может привлечь внимание Ильи Кирсанова. В жизни-то я точно, что не могу. Кто из замужних женщин не представлял себя в объятиях своего кумира – тот может бросить камень, ага. Только не в голову, пожалуйста!

– Мы можем поработать прямо сейчас, – голос Варламова вновь приземляет меня на землю. Особенно занятно, что звучит он недовольно, да и смотрит он на меня раздраженно. Не знаю почему, но мне хочется показать ему язык.

– Если у госпожи Бодлер есть сегодня время, – Кирсанов смотрит на меня вопросительно. Я бросаю взгляд на часы.

– Есть пара часов до обеда, и пара часов после. Потом я уеду работать над книгой.

Дольше чем четыре часа в компании Варламова я все равно не вытерплю. Это и так больше, чем я очертила для сценарной работы, и больше, чем предусмотрено в договоре. Просто мне хочется разобраться со сценарием побыстрее, чтобы избавиться от необходимости часто видеться с Димой.

– Этого более чем достаточно для начала, – улыбается Илья Вячеславович. – Дима, вы можете идти. И не забудь проинструктировать госпожу Бодлер по поводу информационной безопасности.

– Разумеется, – Варламов кивает как-то отрешенно. – Идемте, госпожа Бодлер.

Как он резко съехал с “Поли”. Боже, неужели мой муженек вспомнил, что он мне бывший и домашние формы имени между двумя разведенными людьми, да еще и при ком-то постороннем – это некорректно. Да где бы записать такую эволюцию? Пять лет прошло, а до Димы дошло? Хотя, честно и объективно – он на самом деле выглядит почти обиженным. И физиономия мрачная, и руки в карманы джинс запихнул. Зайчик какой, сердитый. Не был бы моим бывшим – ущипнула бы за щечку.

Из кабинета Кирсанова мы выходим, и тут приходит пора прощаться с Элькой, которая вообще-то приезжала, в основном, чтобы мне не было страшно, в сценарной работе подруга не участвует. С Димой Элька обменивается только двумя очень красноречивыми взглядами. Со мной – еще и обнимается “на дорожку”.

– Удачи, – шепчет Элька мне так, чтобы Варламов не услышал. – И держись.

Я чуть улыбаюсь. Держусь. Я же хочу, чтобы все получилось, значит – у меня нет выбора.

И вот мы с Димой остаемся вдвоем. В некоторые моменты это ощущение “вдвоем” наступает посреди коридора, в котором то и дело, туда-сюда бегают люди. Дима тяжело смотрит на меня, я на него – бесстрастно, ожидая, пока наконец этот снежный король оттает и двинется с места. На самом

деле мне тревожно и беспокойно с ним. Он – прошлое, за которое упорно цепляется некая часть моей души. Он – в принципе не самый приятный мужчина, как я это ощущаю после развода.

Будет непросто.

Но я держусь!

– Идем. – Дима наконец трогается с места и шагает в сторону того конца коридора, где до сих пор толпятся собравшиеся на кастинг мальчишки.

Его кабинет чуть поменьше, чем у Кирсанова, но светлее. У Ильи Вячеславовича кабинет выглядел дорогой приемной, отделан темным деревом. Ощущалось, что кабинет для Кирсанова – место для встреч с людьми, работает он совершенно в другом месте.

У Димы же... Нет, особого рабочего беспорядка нет, на самом деле Дима аккуратист тот еще, это я и по нашей с ним семейной жизни помню. Вот и тут – стол почти свободен, в стеллажах у стен идеальный порядок. Светлые стены, серый паркет. На краю дивана рассыпаны-таки листы распечаток, и это единственное место, где порядок не соблюдается.

– Под тебя делали кабинет, или какой достался? – с интересом уточняю я, скользя пальцами по блестящему подлокотнику дивана.

– Под меня, – голос Димы чуть смягчается. – Присядешь?

– Сюда? – я, чуть подняв брови, бросаю взгляд на диван. – Нет, спасибо. Могу представить, сколько актрисок у тебя на

этом диване «получали протекцию».

– Не так уж много, – Дима чуть улыбается краем рта, но голос все равно звучит слегка оправдывающимся. – Я же не кастинг-директор.

– Но возможности-то есть все равно, – я пожимаю плечами, стараясь унять что-то внутри, что начало негромко скулить. Нечего раскисать. Я сама завела эту тему, сама и виноватая.

– Черновой вариант сценария я уже подготовил, – деловито сообщает мне Варламов, явно пытаясь сменить тему разговора. – Нужны авторские правки, твои уточнения мест действия сцен, возможно – редактура диалогов. Текст твой – его острые места ты должна чувствовать лучше меня.

– Уже подготовил? – я поднимаю брови, глядя на Варламова. – И когда ты успел, если контракт я подписала позавчера?

– Работу я начал раньше, – на губах Димы расплзается очередная усмешка. – Илья Вячеславович просил сделать ему синопсис до того, как решил вопрос – делать ли тебе предложение. Как посмотрел синопсис, сказал начинать работу уже над сценарием, чтобы не терять зря время.

– До моего согласия? – удивленно спрашиваю я.

Нет, я бы не отказалась. Не от работы с Кирсановым. Я не отказалась, даже уже наткнувшись на Варламова, но все равно это немножко странно. Я думала, сценарии разрабатываются ну... Месяц-два. Подгоняются, обрабатываются, уточ-

няются. А еще там как-то мудроно рассчитывается метраж фильма и его протяженность, тоже в зависимости от сценария. Поэтому я удивилась на две недели, назначенные Кирсановым. Но если был готов черновик – ничего удивительного.

– Слушай, я работаю с Ильей не первый год, – раздраженно огрызается Дима. – Он сказал мне выполнить задание – я выполняю. И не лезу в его творческий процесс.

– Неужели ты это умеешь? – не удерживаюсь я от выпада.

– Представь себе, – утомленно откликается мой бывший муж. – Поль, мы будем работать или нет?

– Будем, Дмитрий Денисович, разумеется, – прохладно откликаюсь я, напоминая про формальности.

– Тогда прошу, – Дима хлопает ладонями по спинке своего рабочего кресла. – Ты смотришь мой файл, делаешь правки, комментируешь. Я потом обработаю твои замечания и сделаю чистовой вариант. Ясно?

– Предельно.

Мне непривычно оказываться на Димином рабочем месте, и уж точно – сидеть там, где обычно сидит он. Это обычное кожаное компьютерное кресло, местами с протертостями, видно, что в нем действительно часто работают. В какой-то момент я чуть замираю, скользя пальцами по подлокотнику, думаю о том, сколько часов Дима проводит вот в этом кресле. На самом деле, я же им до сих пор слегка восхищалась, потому что он не перегорел, он работал по выбран-

ной специальности, делал карьеру, что творческому человеку сделать не просто.

И вот размышляю я об этом всем, а потом до меня доходит, что вообще-то Варламов стоит за моей спиной. Опирается на спинку. И у меня по спине из-за его близости бегут мурашки.

– Ты же можешь отойти? – тихо спрашиваю я, поворачиваясь к Диме. – Я не могу так работать.

Раньше могла. Гораздо раньше. Еще до того, как он начал докапываться до меня. Раньше он мог даже опустить подбородок мне на плечо и почитать, что я там пишу. Я не скрывала, не стеснялась, тогда он еще только почесывал мою самооценку.

И я вижу по его глазам, что он тоже это помнит. Но это было раньше.

Сейчас... Сейчас я не могла. Что-то во мне бурно протестовало против такой интимности.

– Хорошо. Без проблем, – ровно произносит Варламов и шагает в сторону дивана. – Тогда прокомментируй вслух, хорошо? Я буду обдумывать замечания.

– Ага, – я тихонько выдыхаю от этого облегчения, к которому почему-то прилагается легкое разочарование. Придвигаюсь к столу, опускаю кисти рядом с клавиатурой.

Ну-с, поработаем...

Глава 7. Полина

Первый мой “рабочий день” с Варламовым проходит так, будто мы, как два сапера, подошли с разных сторон минного поля и теперь делаем по ма-а-аленькому шажочку друг к дружке, бдительно тыкая перед собой миноискателем. Мне нужно терпеть, мне нужно быть бдительной – потому что если Варламов включит-таки своего мудака, то это же мне придется решать, как выкручиваться из конфликта с ним. Это мне думать о том, как бы сдать его Кирсанову так, чтобы господин-режиссер если что встал на мою сторону.

Впрочем, то ли Варламов толком не понимает, чего хочет, то ли он сам еще не в курсе был, как вывести меня из себя. Отвык же, за пять лет-то, забыл, как это делается, болезный.

Ведет Дима себя почти спокойно. Почти – это значит, что он практически не лезет в бутылку, и практически все предложенные мной правки обсуждает в режиме нормального диалога, лишь только пару раз сорвался и включил ехидство, но быстро сам опомнился. Потому что одна высокомерная дрянь на его выпендрож замолкала, откидывала в кресле и уставлялась на Димочку с видом: “Как давно я не была в террариуме и не слушала пение змей”.

Да, эта дрянь – я. Не стыдно.

С самых первых дней, приходя в телецентр, я с пару минут стою в холле у стойки гардеробной и гляжу на людей.

Потом еще минут пять занимаюсь тем же самым в коридоре у автомата по продаже кофе, и только после этого решаюсь шагнуть в кабинет к Варламову. В первые дни было ощущение, будто в пасть тигру голову засовываю, ей богу. Сейчас это ощущение уже сгладилось, но от привычки постоять и посмотреть на людей я так и не отказалась.

Я начинаю немного понимать Диму. Понимаю, почему он работает именно в телецентре, почему пять лет нашей с ним совместной жизни стремился именно сюда, а сейчас не желалет отсюда вылезать. Как и тысячи людей, что бегают здесь между этажами.

Хаос. Такой творческий, оглушительный яркий хаос, состоящий из мазков человеческих лиц, непрерывного движения и незамолкающих слов. Он завораживает, и хочется вплестись в этот буйный, вечно опаздывающий поезд, в котором все так удивительно по-настоящему.

Мне нравится сюда приходить, нравится пить местный дрянной кофе. От этого серьезно – чувствуешь больше вкуса собственной жизни, и хочется жить еще быстрее, ярче, сильнее, так, чтобы мало никому не показалось, чтобы никто не сказал, что ты жила не на полную катушку и просто бездарно тратила свое время, вместо того чтобы добиваться своей мечты.

Вы не поверите, но к концу второй недели моей совместной работы с Варламовым – я начинаю ценить даже время, проведенное в его кабинете, за его компьютером, занятое пе-

репалками и уточнением сцен. Ценю настолько, что несколько раз даже засиживаюсь с Димой за сценарием до вечера. Причем настолько до вечера, что умудряюсь три раза отложить ужин с Костей. И мне перед ним очень неловко, почему-то, хотя я просто работаю над сценарием, там действительно было над чем. Сроки-то поджимают.

Работа над сценарием – штука интересная, оказавшаяся для меня не очень простой с непривычки.

На самом деле, если ты умеешь писать книги – далеко не факт что из тебя выйдет хороший сценарист. Тут важно умение видеть происходящее в совершенно определенном ритме. Дробить ситуацию на ракурсы, на кадры, на детали.

Я – писатель. Автор женских романов. Я люблю истории о любви, я живу ими, на кончиках моих пальцев живут эмоции, сильные чувства, головокружительные страсти. Я пишу настолько эмоционально, насколько могу, потому что я должна заставить работать женскую фантазию. Это очень эrogenная зона женского мозга, на самом деле, мы очень любим мечтать, фантазировать, и делать это умеем прекрасно. Зачастую, нам далеко не всегда обязательно даже добавлять картинку. Ну то есть, окей, есть картинка красавчика? Дайте две. Нету? Ну окей, погодите, сейчас я его сама себе представлю. Ой, вы картинку нашли? Нет, простите, совсем нето!

И в моих книгах все – блики осеннего заката, капли дождя на стекле, сотня сотен мелких деталей, которые рисуют исто-

рию чьей-то любви до последней мелочи. Я не могу без этого, я балдею, описывая соприкосновения пальцев, неожиданную встречу взглядами, вибрации между героями, случайные выдающие чувство вздохи.

Одному лишь танцу главных героев я могу посвятить целую главу, потому что, а как иначе? Там же все – кипящий воздух, боязнь всякого лишнего вдоха и этот потрясающий ритуал, когда герои говорят друг с другом не словами, а чувствами, обращенными в жесты...

Дима – сценарист. В его строчках сухость, деловитость, четкая картинка. Жесты, краткие фразочки, которые помогают актеру изобразить именно ту эмоцию, которую я описала в двух абзацах текста.

Блики солнца? Кадр!

Танец? Две минуты экранного времени, расписать по курсам. Кратко. Никаких лишних слов. Из абзаца надо взять фразу, жест и эмоцию. И перейти к следующей сцене.

Варламов не врет, говоря, что за те пять лет что мы с ним не вместе – сильно вырос в профессиональных навыках. Это действительно так. Когда-то я имела наглость к нему придирается, тогда я чуть меньше понимала в художественных текстах, и в принципе гораздо чаще смотрела на сценарии. И я видела недочеты, да. Недожатые сцены, недописанные кадры, потерянные эмоции. Сейчас этого не было.

Варламов действительно качественно поработал с моей книгой, превратив четыреста шестьдесят одну страницу чув-

ственного коллапса, окунающего в историю о невозможной любви, о долге, о путешествиях – в двести одиннадцать страниц сценария, где выбраны самые эффектные сцены, а те, которые не прошли отбор – сокращены и сброшены в “дополнительные материалы”. Их тоже увидит режиссер, решит, что с ними делать, и может что-то и добавят для соблюдения хронометража.

И все же, я читаю Димин сценарий, и про себя им восхищаюсь. Нет, Дима, конечно, не во всем прочувствовал акценты моей книги, но все равно... Дело он свое действительно знает.

Нет, я женщина. Мне всегда есть что сказать, что добавить. Правда это желание приходится контролировать, и воображаемой линейкой стучать себя по кончикам пальцев, чтобы не перебарщивать со своими дополнениями. В принципе – я уже подстроилась под Варламова, поняла, что от меня нужно, он уже даже почти не корректирует, не “подсушивает” мои дополнения, убирая из них лишку информации.

– Поль, обед заказать?

Нормальная фраза, да?

А если представить, что её вам говорит не кто иной, а некогда до безумия любимый, и позже – бросивший вас му-
дак, ради которого вы были готовы на очень многие жертвы?
А если добавить к этому хриплый, приглушенный тон и факт того, что сказано это вам был прямо на ухо? Так что чертовы мурашки по спине так и побежали....

В общем...

У вас все еще есть вопросы к тому, за что Варламов получил локтем по носу? Вот! Я думаю, все вы понимаете и рады за меня. А вот у Димы вопросы все еще имеются.

– За что, блин? – трагично интересуется он, нашаривая в ящике стола упаковку бумажных платков и запрокидывая голову.

– Тебе краткий список или длинный, Димочка? – ехидно уточняю я, пытаюсь не сильно злорадствовать. – Ты совсем обурел, Варламов? Мог по нормальному спросить?

– Два раза спрашивал. – Хмуро огрызается Дима, косясь на меня мрачным глазом. – Ты же как всегда в творческой коме, ничего не слышишь.

Ох. Ну да, вообще водится за мной такое...

– А. – Я изображаю на лице виноватую улыбку. – Ну, тогда извини, Дмитрий Денисович. Но пугать меня так не стоило. Я уже говорила – на твое присутствие в моем личном пространстве я не подписывалась.

Раз пять говорила, между прочим. А он все равно так и норовит бочком подкрасться к рабочему креслу, а то и вовсе прижать свою пятую точку к его подлокотнику и все-таки смотреть на мою работу через плечо. Нет, он замечаний не делает, но... Но выбивает из колеи знаете ли. Вот представьте, что на подлокотнике вашего рабочего кресла, уселся мужик, которого вы вообще-то терпеть не можете. Он касается бедром вашего локтя. И пылает все плечо рядом с которым

он сидит. Вам до работы? Вот и мне нет. Особенно, когда я понимаю, что вообще-то принимаю к горьковатому запаху его туалетной воды, и понимаю, что это вообще-то мой любимый мужской аромат из последнего выпуска “DG”.

Вот какого черта, а? Он что, не мог выбрать какую-нибудь мускусную вонючку? И... И почему Костя этой водой не пользуется? На Новый год же дарила! Глядишь пользовался бы и кровать бы плесенью зарастала поменьше...

Ну, с Варламовым же срабатывает, я реально начинаю думать о сексе, приходится выгонять Диму из личного пространства и надеяться, что не спалилась.

– Скажешь тоже, пугать. Можно подумать, я прям такой страшный. – Вздыхает Варламов.

Вопрос я оставляю без ответа. Честность Варламов не заслужил, а врать мне не хочется. Не страшный. Но безумно раздражающий.

Знаете, иногда я теряю связь с реальностью, и подумываю, что Димочка не такой уж и козел. А потом его телефон трезвонит, на экране высвечивается какая-то Верочка – этакая милая девица с утиными губешками, и Дима, воровато на меня озираясь, высказывает из кабинета.

Как будто я собираюсь его за это убивать. Ну, травануть хочется, бесспорно, но... Нет, я не лезу не в свое дело. Ну есть у него личная жизнь. Можно подумать для меня это секрет. Нет. Это факт. Неприятный, но я с ним смирилась как-то, довольно давно. Живу.

С Костей я не созваниваюсь в телецентре, мы с ним так договорились. Правда о том, что я тут работаю с бывшим мужем, Костику я почему-то не сказала. С одной стороны, вряд ли бы он рванул пересматривать договор, он же просто менеджер по рекламе, договорами у нас юристы занимаются. С другой стороны, мне почему-то кажется, что он будет ревновать. Хотя в той же кафешке они с Димой чудом разошлись и никто никому не набил морду, это все-таки было... Неприятненько. Нине я потом высказала свое «фи».

– Ну, так что, закажем или пойдём в кафе? – повторяет Дима, когда кровь унимается и он с чистой совестью швыряет платок в мусорку.

– Знаешь, я пожалуй бы отвлеклась и проветрилась. – Задумчиво киваю я, – у тебя кровь на рубашке, кстати.

Знаете что меня безумно “радует” в мужчинах? Их полная незакомплексованность. Димочка без всякой задней мысли, бросает взгляд на те мелкие капельки, что долетели до белой ткани, сбрасывает с широких плеч свой стильный пиджачок, подходит к шкафу и начинает стягивать рубашку.

Кто заказывал стриптиз? Чур не я!

Я – воспитанная девочка, меня просить отворачиваться не надо. Я сама отворачиваюсь.

Вот только ай-яй-яй, миноискатель пропустил таки мину, с той стороны кабинета у Димочки внезапно находится зеркало, и я... Нет, я сразу же отвожу взгляд. Но я успеваю заметить его спину. Такую красивую, мать его, спину. До оду-

ри. К такой хочется прикоснуться.

Я помню эту спину. На ощупь. Два шрама на правой лопатке – ещё подростком лазил по заброшенный стройка и несколько раз неудачно упал. Родинки на пояснице. – восемь штук, четыре крупных, четыре мелких. Черт... Кажется, меня заносит.

Вот опять, к моей досаде, мой бывший мудака получает очко. Он по-прежнему в отличной форме. Чуть более подкачан, чуть заметнее подсушен. Я понимаю, на что в нем залипают юные двадцатилетние феечки. Нужно сказать, подачу с лифтом он сейчас хорошо отбил, хоть и не знает об этом.

А взгляд-то, взгляд-то мой... Так и норовят глаза-предатели соскользнуть влево, в зеркальную гладь, чтобы скользнуть по той рельефной спинке хотя бы взглядом.

Ах, Полина-Полина, и это при живом-то Косте ты пытаешься не пялиться на бывшего муженька. Хотя ладно, это так, эстетическое. Просто красивые мужские спины – моя слабость. И то, что пониже спины я тоже ценю, если оно такое поджарое, крепкое, загорелое, ну и можно слегка волосатое, м-м-м...

А знаете, что я сейчас думаю?

Я думаю, что сегодня смогу отбрехаться от Димочки и уехать пораньше, я на неделе перерабатывала. А так... Приеду домой. Приготовлю этот несчастный ужин для Кости. Надену красную шелковую комбинацию, месяц уже она лежит на полке, скучает. И плевать мне на то, будет ли Костя

пахнуть той туалетной водой или нет. Даже лучше если нет. Еще не хватало мне падать в одну постель с женщиной, от которого пахнет как от Варламова...

Глава 8. Дима

Иногда мне хочется сходить к психотерапевту. Вот к этим вот в круг анонимных... Круг анонимных идиотов мне прекрасно подойдет. Так и представляю, что прихожу туда, сажусь на стульчик, тяжело вздыхаю и представляюсь.

– Здравствуйте, я Дмитрий Варламов и я идиот.

– Здравствуй, Дмитрий, – весело прошелестят мне собратья-идиоты.

– Расскажите о себе поподробнее, – предложит мне психотерапевт, и мне придется открыть рот для этого чистосердечного признания.

– Я развелся с женой, а теперь самым безнадежным образом на неё залипаю.

И после этого все остальные идиоты торжественно меня коронуют.

Полли... Боже, как я по ней скучал, оказывается. Это невозможно было ощутить на расстоянии, это получилось ощутить лишь только вблизи, когда она оказалась в каких-то нескольких шагах от меня и начала проводить со мной время.

Я на полном серьезе, каждое утро ловлю себя на том, что жду появления бывшей жены. Что сижу и как мальчишка в ожидании Полины перекладываю ручки в настольном органайзере, чтобы они стояли как-нибудь поровнее и не раздра-

жали глаз.

На самом деле хочется больше, не просто оказаться к ней поближе во время её работы, хочется прикоснуться к ней, опустить запястья на её плечи, хотя бы. Но я за одно только предложение заказать обед сегодня получил локтем в нос, а за попытку легких объятий – Полли ведь не удержится, Полли ведь пошлет меня к чертовой матери, и может вообще разорвать договор с Кирсановым, налететь на кучу неприятностей и потерять шанс на реализацию мечты – и все только потому, что меня на ней клинит.

На самом деле клинит меня давно. Только Полли была той самой, что держала меня очень крепко. И после неё – ни одна не устраивала меня даже вполовину так же. Куда ни ткни – везде бабочки-однодневки.

Модельки, актриски, телеведущие – вроде симпатичные, а ни для чего кроме как для секса в итоге и не годятся. Со многими из них даже не приходилось рвать отношения, они уходили сами, не считая нужным объясняться.

И на них в общем и целом было плевать, сегодня была Вера, через неделю Вера соберет чемодан, потому что нашла себе поинтереснее, и я... Я выдохну, на самом деле, потому что не был согласен с Верой начинать хоть что-то серьезное.

А потом я приду на работу, и снова увижу здесь Полли...

Полли – едкую, самоуверенную, твердую как гранит, способную оттолкнуть меня одним только взглядом.

Полли – по-прежнему безумно способною. Ей совсем ни к чему была моя помощь, я ей только мешал когда-то. Даже сейчас она находит мои недочеты, и сходу вникла в то, что из себя представляет сценарная работа, а это понимание вообще-то давалось не всем.

Полли, которую каждый вечер от студии забирал все тот же... Унылый, и никаких других эпитетов я ему придумать так и не стал. В отличии от меня, Полли вполне была способна на серьезные отношения.

Полли – красивую до одури, особенно во время работы.

Я и раньше любил любоваться ею именно в такие моменты, когда работа захлестывала её с головой, у моей малышки становилось выражение лица такое, будто она не в экран ноута смотрела, а в другой мир через распахнутое окно.

Я и сейчас замираю, когда вижу это выражение на её лице, когда замечаю маленькую морщинку между нахмуренными бровями. Умница моя, талантливая...

Нет.

Не моя.

Это я был и есть волк-одиночка, не дающий нормально жить даже той единственной, из-за которой в груди ворочалось сердце.

А Полина – практичная, скептическая, трезво смотрела на мир. Она не пускала в свою жизнь кого попало, и на самом деле для меня это был приговор. Мне она ни единого шанса не даст. Зачем ей я, когда у неё есть этот её... Костя. Может,

он и унылый, но по крайней мере он её не душит, не выносит мозг, не придирается к творчеству.

Даже сейчас, обедая вместе со мной в кафешке, Полли не до меня, она закопалась в свой телефон, строчит СМС-ки, пропускает мимо ушей уже третий прикол из закулисной жизни сериальных съемок. Полли на меня пофиг. Нет, я не спорю, она имеет полное право на это безразличие, а я... А я хочу в свой клуб анонимных идиотов, или выпить, что ли, от этого проклятого отчаяния.

– Знаешь, Дмитрий Денисович, я что-то сегодня очень устала, – произносит Полина, отрываясь от телефона. – Ты не возражаешь, если я сейчас поеду домой? Мы с тобой закончим в понедельник.

Вообще-то я возражаю. Я очень сильно возражаю, но именно те возражения, которые я могу сформулировать, мне надлежит заткнуть куда-нибудь поглубже. Как ей объяснить, что я сейчас чувствую, будто меня пытаются обокрасть. У меня пытаются отнять два часа с Полиной. Кого можно убить, чтобы не жалко было? Кольцова, вот где тебя носит, когда ты так нужна?

– У нас сроки вообще-то, – напоминаю я Полине. – И у нас еще финал совершенно не обработан. Ты же понимаешь, что нужно закончить это и начать кастинги. Там твое присутствие будет тоже нужно, кстати.

Не хочу, чтобы она уезжала сейчас домой. Вот хоть хватай её в охапку и не пускай. Я даже не рискну предположить,

сколько “ласковых слов” ею будет сказано, если я все-таки попытаюсь это сделать. Да и не буду я пытаться. Ибо не имею права. Я на Полину не имею права.

– Дим, ну брось, – Полина недовольно хмурится. – Ну какой от меня прок от уставшей? Тем более что Илья Вячеславович, насколько я поняла, может пойти нам навстречу и дать пару дней. Так и быть, вали все на меня, когда будешь ябедничать.

Вот от этого заявления еще сильнее хочется вспылить. Интересно, за кого она меня принимает? За того, кому прямо необходимо найти козла отпущения?

– В понедельник придешь пораньше? – тихо спрашиваю я, глядя мимо неё. – Поработаем вплотную, закончим быстрее.

– Да, хорошо, – Полли кивает, очевидно, для того, чтобы скорее от меня отвязаться, а потом смотрит на экранчик завибрировавшего смартфона и вскакивает из-за столика. – Все, до понедельника, за мной Костя приехал.

Знаете, даже фразе “Добро пожаловать в ад” я бы сейчас больше обрадовался.

Полина все-таки уходит, а все, что мне остается – это провозжать взглядом её спину. Ну... Как сказать, спину...

Мне хочется окликнуть Полли, остановить её, а лучше сгрести в охапку и утащить к себе в берлогу. И все, что есть внутри, не замолкая твердит, что она – моя, и нужно бы оторвать унылому его длинные клешни, раз он тянет их к чужой жене.

И только мозг – точнее его едва живые остатки – устало талдычил: “Дима, ты сам на развод подал. Сам. Так что это уже тебе надо оттяпать клешни. Потому что вот прямо сейчас Полли – женщина этого Кости”. М-мать, как же тошно.

Аж аппетит испортился. Если честно, так хотелось перекусить именно в компании Полли, что после её ухода на еду даже смотреть неприятно.

Разумеется, есть два выхода. Можно и самому забить на работу и поехать домой. Там, наверное, уже приехала Вера, и если прикрыть глаза – то сбросить напряжение наверняка получится. Хоть это и по-свински по отношению к девушке, но есть такие моменты, когда ничего с собой поделаться я не могу. Выполоть из мыслей Полли я как раз не в силах. Черт возьми, а ведь раньше я думал, что сильнее. Что меньше от неё завишу. Как оказывается – это все ровно до той поры, как Полли начинает регулярно появляться на моей орбите.

Второй выход я пытаюсь претворить в жизнь. Возвращаюсь в свой кабинет и пытаюсь работать. Действительно пытаюсь, тем более что желательно ко вторнику подготовить и сдать сценарии для трех эпизодов сериала, а то мне же напомнят, что вообще-то за опоздания и сдачу сценариев с задержками мне могут долбануть санкции. Например, могут послать ноту протеста Илье, что он меня от основной работы отвлекает. А потом впясть мне неустойку за простой оборудования.

Нет, я старался. Я очень старался. Вот только к третьему

часу зависания на одном и том же эпизоде, который я переписывал четырнадцать раз, установив новый рекорд творческого ступора, пришлось признать свое техническое поражение.

Нет, все-таки надо к психиатру, мда. Зацикленность – это очень плохо.

Мысли все равно сворачивают к Полли. Что она сейчас делает? Отдохнула ли уже? Или, может, у неё с её Костей нарисовались планы? Или её позвали герои из её книжки, вот она и решила предпочесть их моей сомнительной компании? Ну а что, я бы на её месте, пожалуй, предпочел бы!

Хочу её увидеть, до того, что аж дышать не хочется. И спасу никакого нет от этого настырного желания.

Только увидеть, ничего больше!

Ох-хо, я об этом пожалею...

Ну в конце концов, почему нет-то? Ну, не сожру же я её. Не украду. В постель тащить не собираюсь. И унылого её не придушу даже, вот где настоящий героизм и сила выдержки. Бесит же, ужасно!

Я не могу заявиться к Полли просто так, мне нужен повод. Причем желательно, чтобы повод был стоящий, а не “я ехал мимо и решил заглянуть, вдруг ты утюг не выключила”.

Последние главы сценария? Сообразить на понедельник себе какую-нибудь задержку или дела? Или... Нет, это ж мне её лишние два часа придется ждать. Просто: Илья Вячеславович попросил ускориться? В принципе, сгодится. Ну, не

будет же Полина звонить Кирсанову и скандалить?

Вариант кстати очень удачный. Согласно правилам информационной безопасности – я не имею права отправлять даже куски сценария по e-мэйлам и соцсетям. И вообще, работа со сценарием должна вестись только в здании телецентра.

В виде исключения, мне разрешается выносить сценарий – распечатанный, в закрытом конверте без опознавательных знаков, правда при этом я не буду упоминать, какой меня ждет штраф, если сценарий я все-таки потеряю и он утечет в Интернет.

Впрочем, никуда он не утечет, доеду до Полли, передам из рук в руки, под её подпись, может быть, выпрошу чашку кофе. Черт, я даже по её кофе скучаю, потому что лучше Полины кофе не варит ни одна московская кофейня. Если унылый только отвез её домой и уехал на работу – думаю, Полли и не откажет. А может, даже глянет в сценарий, пока я растягиваю чашку кофе на пятнадцать минут. А там, слово за слово – может, и удастся вернуть себе два часа с ней. Или хотя бы час.

На дороге, слава богу, концентрироваться получается, а вот к светофорам у меня сегодня возникает пара вопросов. Они будто караулят, когда к ним подъеду именно я, чтобы взять и перемигнуть на «красный», и мурыжить меня перед пешеходкой целую маленькую вечность.

Как пацан. Вот правда. И лихорадит от предчувствия

ужасно. Будто не на одну мимолетную встречу еду, а на поздний ужин, переходящий в завтрак. Ох, Полли, сумасшествие ты мое, знала бы ты, как я сейчас изгаляюсь ради того, чтобы ты послала меня к черту – наверняка занялась бы изобретением пары новых матерных словечек, чтобы послать меня еще дальше.

Полли живет в городе. Нет, у неё есть и загородный дом, насколько я знаю, но студии она оставила городской адрес, и это хорошо. Обосновать необходимость поездки за город я смог бы с куда большим трудом. Да и, честно говоря, хотелось добраться до неё побыстрее.

У подъезда Полины я, если честно, замираю и топчусь некоторое время, прежде чем подойти к двери и нажать кнопку вызова на домофоне.

Что если её вообще нет дома? Ехать обратно на студии или, может, посидеть и подождать? Ну, должна же она вернуться сегодня, так? Или она поехала к своему Косте? Ой, паршивый вариант, сразу руки зачесались...

Хотя, с чего я вообще взял, что ей нужно к нему ехать, в конце концов, может, они уже вместе живут? Вариант этот мне и моим кулакам нравится еще меньше.

Может, все-таки не стоит? Я ж могу не удержаться, наверное... Особенно если ублюдок при мне Полину хотя бы раз обнимет, ох, тогда сдержаться и не дать ему по морде будет действительно сложно.

Так, нет, это вообще никуда не годится.

Димка Варламов, конечно, так костенел при мысли о Полине Ивановой, а Дмитрий Денисович так делать не будет. Взрослый дядечка уже. Не солидно.

“Решительно” набираю на домофоне квартиру “84”, внутренне себя обстебав и сосредотачиваясь. Я же не должен выглядеть подозрительно. И телячьими глазами на Полину смотреть тоже не должен. И вообще сейчас должен четко обосновать, на кой черт приперся.

Домофонный замок пищит, впуская меня в дом. Вот так просто? У Полины что, видеозвонок?

Ну, с богом, что ли?

Глава 9. Полина

Как бы мне ни хотелось приступить к реализации своих эротических планов без задержек, Костю я все-таки отпустила на работу, чтобы неторопливо и с очень большим вкусом готовить ужин. В конце концов, это мне было необходимо, чтобы подготовить свое настроение.

Прошло то время, когда я могла настроиться на секс без каких-то ритуалов. Увы, не двадцать лет, сердечко не пылает. Сейчас его уже не обманешь, не заставишь провалиться в мужчину без остатка, но вот вам неприятная побочка – секса разочарованной мне хочется не так уж и часто. Гораздо реже, чем его хочется Косте. И я вроде понимаю, что с ним уже даже не первый год в отношениях, что надо бы уже подстроиться под него, а все равно что-то не получается.

Сегодня день исключительный. То ли луна в созвездии Венеры, то ли мне очень не хватало зрелища крепкой мужской спины, но... Мне хочется, да.

И я очень многообещающе целую Костю на прощанье и мурлычу ему, чтобы разгребался на работе побыстрее, потому что я его буду очень ждать.

Очень-очень, котик.

Костя косится на меня с изумлением, но кажется польщенным. Улыбается и обещает сделать все, что сможет. Ура!

Итак, ужин. Который я готовлю неторопливо, медитативно, сбрасывая Косте, какое именно ему следует прихватить вино к цыпленку. Люблю колдовать на кухне, врубив какую-нибудь романтическую музыку и пританцовывая во время нарезания салата. Как я еще пальцы себе не оттяпала? Не знаю. Привычка!

Несложный салат и цыпленок в медовом соусе. Я бы вообще обошлась только салатом, но мужчина приходит с работы точно голодный, так что...

Готовить я люблю. Хотя, честно говоря, до нормальной готовки у меня дело доходит сейчас нечасто. Ага, зажралась и пользуюсь доставкой еды. Хорошей доставкой, с домашней кухней, сбалансированным рационом и посчитанными калориями у каждого блюда. Шикарный вариант на самом деле. И для работы остается достаточно времени.

И все-таки готовить я любила всегда. Для Сами-Знаете-Кого готовила много и часто – нам тогда покупка готовой еды казалась признаком зажравшегося человека, а сейчас я понимаю – нифига. Нифига я не зажралась, я просто слишком много работаю. И иногда хочется, знаете ли, отчебучить что-то такое, что мужчина с удовольствием захомячит, да еще и недоверчиво спросит: неужели ты сама этот шедевр приготовила? Ага, сама. Я еще и на кулинарные курсы шлялась время от времени. И никто не бубнит, что ты после ужина норовишь к компу кинуться. Накормила – имею право вообще-то. Хотя ладно, сегодня я к клавиатуре торопиться не

буду. «Бабочку-многодневку» я все равно уже почти закончила. Один вечер я могу и своей личной жизни посвятить.

Пока цыпленок томится в духовке на о-о-очень медленном огне, я принимаю душ. Депиляция, маска для лица, выдернуть пару непослушных волосков из бровей – в общем, стандартный пакет процедур, чтобы чувствовать себя идеальной.

Сколько времени я уже с Костей? Два года? Капец. Капец, как долго он терпит радиоактивное количество моих тараканов. Никуда не торопит, ни на чем не настаивает, не выносит мозг. И вроде пора уже. Пора довериться, Полли. Да, он не сносит тебе крышу, но не хватило ли тебе пяти лет, которые прожила “со снесенной крышей”? Вот это – спокойное, умеренное, ровное – это то, что нужно же.

Нужно.

Сказать-то на самом деле безумно легко, а куда деваться от этого настойчивого ощущения, что “не то”? Не то меня обнимает, не то со мной спит, не то со мной разговаривает.

А кто то, Полли? Смешно. Смешно даже сравнивать Костю с Варламовым, потому что у последнего одни только недостатки, а у первого – достоинства. И все же почему я такая дура, а?

Серьезно. Варламов же меня еще своими регулярно сменяющимися девочками заколебал. Такое ощущение, что за нас двоих отдувался. Первый год меня из-за этого особенно сильно крыло.

Ну, вот посудите сами. На развод твой заветный подал, напоследок сказал, что ты стала ужасно скучной, а потом пустился во все тяжкие, сменяя одну девицу за другой... А ты сидишь, вся из себя такая скучная, дома и не знаешь, как тебе жить дальше вот с этим.

И вот с этим мне сравнивать мой тихий причал, Костю Анисимова? А не многовато ли чести для упыря Варламова?

Так, все, стоп, этот вечер принадлежит Косте. Ни о каких мудаках я сегодня думать не буду. Мне их в сценарной работе хватает за глаза. Так что, Полли, вычисти из мыслей ненужный мусор – особенно смазливую физиономию этого мусора – и сосредоточься на вечере. У тебя в программе романтический ужин, надежный мужчина и секс. Что тебе еще нужно вообще?

И все-таки, какая же забавная штука – это эротическое настроение. Когда ты расставляешь по комнате свечи и включаешь свой любимый медляк не потому что тебе без этих свечек прям не жить, и в постель не упасть, а просто потому что это дань ритуалу. Без неё не хочется. Можно, конечно, но это же насколько должно сорвать крышу от страсти? Так только в кино бывает да у молодых балбесов с кипящей кровью. Но предвкушение – вот это легкое, щемящее ожидание удовольствия от всего этого вечера все равно разливается по крови. Соскучился не только Костя. Соскучилась и я сама, видимо. Потому что, ну а почему еще я так взволнована? В принципе давненько так не было.

Когда звонит звонок у домофона я удивленно кошусь на часы. Ничего себе...

Кажется, Элька права, и я действительно слишком часто Костю динамлю, иначе почему еще он примчался так рано? Ну и ладно, рано так рано, так даже лучше. Я уже готова все равно. Остается только свечи зажечь и тарелки с кухни принести. Ну ведь лестно же, что мужик так по тебе соскучился, что даже от начальства так старательно отбрехался и явился по твою душу и тело так скоро. Бегу открывать!

Дисплей у видеозвонка накрылся третий раз за месяц. Ей богу, надо было ставить американский, это Паша мне насоветовал. Возьми, говорит, Поля видео-звонок отечественный, поддержи наше Сколково. Поддержала, блин.

Я не спрашиваю, кто пришел. Честно говоря, это для меня будто подчеркивает, что Косте я все никак не отдам ключи. Он заходил бы сам! Его уже мой консьерж знает лучше, чем мужа моей соседки по площадке. А я все морожусь и оттягиваю. Впускаю, поворачиваю ключ в двери и бросаюсь на кухню за тарелками, чтобы вернуться с ними к столу в гостиной. Тарелки, вилки, салфетки в полотняных кольцах... Так, все лежит на своих местах, и даже вазу для цветов я уже приготовила.

На самом деле, каждый сам себе устраивает цирк. Хочу я романтический ужин со свечами, музыкой и лепестками роз в постели – он у меня будет. Необязательно даже чтоб организовывала это все я, Костик тоже меня иногда балует –

он уже понял эти мои “эрогенные зоны”. Но раз уж я сегодня заинтересованное лицо – мне это все и делать.

Ставлю тарелки, слышу стук в дверь. Ох ты боженьки, Костя, ну когда уже ты привыкнешь заходить сам? Бедный мой котик, так заботящийся о моей дистанции.

– Открыто, – кричу я, а сама зажигаю последнюю незажженную свечу на столе. – Проходи, я уже заждалась.

Часть свечей ароматические, и в воздухе прямо плывет изысканный аромат нероли. И медляк мой любимый негромко играет из колонок аудиосистемы. Нет, вот люблю же я заморочиться, а! Но...

Идеально. Картинка просто идеальна, вся – от дрожащих огоньков до мягких музыкальных перекатов и хриплого баритона солиста.

Я слышу шаги за моей спиной, Костя прошел и замер в дверях гостиной, видимо, впечатленный моим вдохновением. Да, я сегодня превзошла себя, сама знаю. Но хотелось, чтобы именно сегодня у меня все было идеально. Чтобы я потом этот вечер вспоминала, тыкала себя в него носом и спрашивала: “Вот, Полли, вот это ты мечтала бы потерять ради сомнительной чести быть женщиной Варламова?”. Может, поможет хоть это. Красивый вечер, красивый секс... И можно наконец попробовать удалить свадебные фотки.

Костя все еще стоит там, безмолвно и тихо, будто не решаясь подойти.

– Иди уже ко мне. Я заждалась между прочим, – говоря

это я медленно спускаю с плеч красный шелковый халатик, оставаясь в одной только комбинации.

Она у меня кстати классная. По чистой длине – до колена, но основная длина подола приходится на кружево. В общем видно все, что только можно, все равно. Ну и красный шелк, дизайнерская вещь... Никогда бы не подумала, что смогу себе позволять такое белье, а вот надо же какая Полина теперь взрослая и самостоятельная.

Костя подходит ко мне со спины, и от него дышит жаром так, что у меня аж мурашки по спине бегут.

Занятно. От него пахнет именно той туалетной водой. Той, которой пользуется Варламов, той, которую Косте подарила я. Он решил меня сегодня побаловать? Именно сегодня, когда я решила, что мне это не обязательно? Занятно. Судьба любит такие шутки. Хотя можно подумать, что этот запах меня преследует.

Костины пальцы скользят по моим плечам, и я прикрываю глаза, оставляя себе только тактильное восприятие. Горячие пальцы, чуть дрожащие, будто кто-то переволновался. И еще один плюс к тому, что работать мне надо чуточку поменьше и побольше обращать внимание на своего мужчину.

– Может, сначала поужинаем? – предлагаю я, чисто для проформы на самом деле. Просто я должна предложить. Я бы предпочла сначала “заняться делом”, а уж потом восполнить потраченные калории. Всегда предпочитала именно так. Костя, напротив, считал, что раз уж я заморочилась с

ужином, сначала он употребит его, а уж потом меня, чтобы воздать должное моим кулинарным талантам. Это, на мой взгляд, немного плохо сказывалось на длительности нашего “приключения”, но в принципе не критично. Меня все устраивало.

Но-о-о... Кажется, сегодня мои усилия не пропадут втуне. Видимо, я измучила Костю настолько, что он сейчас ждать уже не готов, потому что сейчас он прижимается к моим волосам лицом, а сам опускает ладони на мой живот и притягивает к себе.

Я растворяюсь в нем, в его таких сильных (а я и не замечала раньше) руках, в его тепле и хриплом дыхании. Он обнимает меня, он жадно дышит мной, а я прижимаюсь к нему спиной, по-прежнему не раскрываю глаз.

Мой крепкий, мой надежный. Как же я тебе благодарна, что ты у меня есть. Обними меня еще крепче. Отпугни от меня этот чертов призрак прошлого, что тянет за живые, еще недооборванные нити моей души. Не хочу думать про Варламова, хочу думать про тебя. Про твои ласковые ладони, мнущие шелк моей комбинации, про твои горячие губы, впивающиеся в мою шею.

Боже, никогда еще Костя так близко не попадал к точке, от которой я прямо ахаю от удовольствия. И волнение, предвкушение – прокатывается по моим венам волной горячего жара. Хорошо как... Так, стоп!

Его подбородок неожиданно колется и именно поэтому я

и вздрогнула, и напряглась. Нет, Костя, бывает, не бреется дня по два, но во-первых – я же целовала его в машине. Я же касалась собственными ладонями гладко выбритых щек. А во-вторых, уровень колкости – не двухдневной щетины, уровень колкости – выбритые по всем правилам эспаньолка и усы. Я знаю! Я пять лет была замужем за бородатым придурком.

Я дергаюсь, поворачиваясь лицом к мужчине, что меня обнимает. И встречаю взгляд серых глаз Варламова. Сердце пропускает удара два...

Глава 10. Дима

Что делать, когда мозг отключается до состояния комы? Что делать, если ты знаешь, что тебе нельзя, а твои ноги шагают к ней, твои руки прижимают её к себе, и все что ты можешь – это не рвать на ней эту чертову ночнушку прямо сейчас. Нельзя! Это – точно нельзя. Но удерживать себя сложно. Очень. Лично я не могу удержать. Меня тянет к Полине, будто маленький гвоздик к магниту.

Полли. Моя Полли.

Красивая. Желанная. Заветная.

Моя, моя, моя. Это хочется рычать, жадно стискивая её в своей хватке. Хочется. А надо, чтобы мне перехотелось.

И я ведь молчу. И делаю это совершенно осознанно. Я прошел к ней, не говоря ни звука, я радовался как мальчишка, что не стал с ней здороваться, когда зашёл в квартиру.

Я ведь не идиот, я ведь понимаю, что ждала она не меня. Не для меня этот ужин, не для меня ласковый голос, не для меня шелковый пеньюарчик. Да черт бы с ним, с пеньюарчиком, мне на него плевать. Я сходил по ней с ума даже когда она носилась по дому в растянутых серых спортивных штанишках и в футболке с оленями.

Вот зачем она уехала так рано. Соскучилась по благоверному и решила устроить ему романтик с перетеканием в горизонтальную плоскость. И знаете, сейчас мне даже не до

ревности, ревность догонит меня потом, сейчас я дажедохнуть боюсь, чтобы не спугнуть этот невозможный сон.

Я мог сказать хоть слово, мог поздороваться, мог не допустить всего того, что сейчас происходит. Но тогда и этих десяти секунд с ней в моих руках не было бы. А так они у меня есть! И она – есть. Моя нежная девочка в моих объятиях есть.

Я могу притвориться, что не понял. Что поверил, что все это сказано мне. Что передо мной она снимала этот свой халатик. Мне бы хотелось. Чтобы скучала она по мне. Чтобы мне предлагала поужинать, хотя я бы сейчас трём ужинам предпочел её. На первое, на второе и на десерт сразу.

Накрыт стол, вокруг горят свечи, в воздухе пахнет какими-то аромамаслами и едой. Запах нероли – я узнаю без напряжения, он у Полины любимый. Такая домашняя уютная романтика, которую я совершенно не ценил, когда мы с Полиной еще были вместе. Где там дьявол с его договором? Продам душу за одно только лишь, чтобы этот ужин приготовили для меня – и чтобы Полина сейчас тоже была для меня. Хотя... Ну и кому к черту нужна моя душонка? Кто согласится отдать мне за неё Полину? Это же все равно что малахитовую гору за медяк продать. Лохов нет. Только я, разве что.

А что там играет из колонок? Наш, наш с ней медляк, самый первый, самый заветный. Мы всегда включали его на каждую годовщину – свадьбы, отношений, первого похода в кино. Не жирно ли нам было три годовщины в год? Помни-

ли бы дату первого секса – праздновали бы четыре. И сейчас Полина включает эту песню для другого мужика. Уже с ним потихоньку покачивается в ритм музыки. А ведь самое паршивое – она имеет право. Никакое это не предательство. Ведь нет у нас с ней уже нашего, ничего нет. Благодаря мне же. Даже не спросишь ведь.

Полинка. Теплая, заветная моя Полинка, еще не заметила подмены, прижимается ко мне, утопает в моих объятиях. Жмурится, на мое счастье, давая мне еще несколько мгновений с самой собой. Давая еще пару секунд иллюзий, что то, что сейчас происходит – оно по-настоящему. Для меня.

Нежится в моих руках – моя непрожитая жизнь, моё упущенное счастье, мое весеннее сумасшествие, которым я никак не переболею. Как же мне тебя отпустить, Полинка? Как же дать тебе быть счастливой? Ведь я хочу, хочу, чтобы ты была счастливой, вот только... Хочу, чтобы счастливой ты была со мной, и ни с кем больше. Не умею я в эту беззаветную любовь и “будь счастлива без меня”. Только со мной. Вот только нафиг я тебе не сдался...

Господи, вот что мне было надо, а? Что еще могло быть надо, когда рядом была она? На кой черт мне понадобилось на неё давить? Ведь она и так была вся для меня, и днем, и ночью, всегда была моим надежным тылом, моим домом, в который хотелось возвращаться, моей тихой гаванью, в которой, разгоняя любую тьму, горел маяк. Вот что мне, ненасытному идиоту, было мало? Как могло было быть мало ее?

Дышу ею – и не могу надышаться. Под губами – её волосы, под пальцами – гладкая ткань её комбинации.

Моя, моя Полинка! Та, без которой я горю в чертовом аду каждое утро, каждый вечер. Та, которую просто невозможно никем заменить. Как ты ни пытайся.

Боже, как же мне хочется сдохнуть от этого бессилия. Как же хочется придушить себя своими же руками. Зачем я от неё ушел? Зачем позволил себе отказаться от неё?

Я знаю зачем, на самом деле. Затем, что не хотел быть тем мудаком, что заставит мою девочку отказаться от себя окончательно. Зато стал тем мудаком, что бросил её. Тем, кто позволил чужому мужику занять свое место. И вот хоть волком вой от досады, ведь все, что у меня есть – еще несколько секунд, а потом... Потом рванет бомба.

Стискиваю Полину крепче, прижимаю к себе. Из последних сил сдерживая себя – жалю губами в шею, слышу её тихий стон. И боже, каким же гулким радостным эхом отдается он во мне. Я все еще помню. Помню её тело, этот мой любимый инструмент, каждую её чувствительную точку. И я мог бы...

Додумывать нельзя и некогда. Никакого “мог бы” мне судьба не предлагает, кажется, она и так мне слишком щедрый подарок сделала. А сейчас Полина все-таки вздрагивает и костенеет в моих руках и оборачивается, смотрит на меня. Смотрит колючим, колким, с каждой секундой все более разъяренным взглядом.

Время платить по счетам, да, Дмитрий Денисович?

Полли дергается, вырываясь из моей хватки. Честно говоря, зря. У меня руки добровольно просто не разжимаются. Стоял бы так и стоял.

– Отпусти сейчас же, – рычит Полина и со всей силы наступает мне босой пяткой на ногу. О, а вот это сработало. Я отвлекаюсь на эту неожиданную боль, Полина напоследок пихает меня острым локотком в печень и высвобождается. Больно? Да плевать. Ну на ногу наступила, ну локтем двинула. Это и вполтину не так больно, как быть без неё.

Полина разворачивается ко мне, пытается испепелить меня яростным взглядом своих ореховых глаз. А я... Я просто стою. И молчу. Адекватных оправданий у меня нет, да и не хочу я оправдываться. Я ни секунды не жалею о том, что позволил себе лишнего, хоть и нарвался этим на неприятности.

И сейчас – я повторил бы это еще раз, глядя в её глаза. Если бы она не глядела на меня с такой ненавистью, будто отталкивая от себя, парализуя. Многое я могу пережить, через многое – перешагну, не заметив. Но вот эта ненависть моей девочки ко мне – она отравляет сильнее всего. Потому, что я её действительно заслуживаю.

– Что. Ты. Здесь. Забыл? – чеканит она, произнося каждое слово, будто оно было гвоздем в крышке моего гроба.

Тебя, Полинка, я забыл здесь тебя. Можно я заберу свое и утащу его в свою берлогу? Знаю, что нельзя, знаю, что ты не согласна, но может, если очень хочется – то можно?

– Я привез последние главы сценария, – пасмурно произношу я. – Нужно, чтобы ты вычитала их к понедельнику.

Это, разумеется, не объяснение всему, что произошло. Но здесь я “поэтому”. Ну, по официальной версии. Не могу же я сказать бывшей жене, что приехал сюда, потому что мне кровь из носу приспичило её увидеть.

– Какого черта ты полез меня лапать, Варламов? – разгневанно рычит моя пантера, яростно сверкая глазами.

Самое лучшее, что я могу в этой ситуации сделать – это пожать плечами. Что я могу ей сказать? Про затмение? Про то, что повелся у собственной импульсивности? Что не смог отказаться от этого искушения? Ага, а может, еще признать-ся, что до сих пор по ней сохну? Она, конечно, разрыдается от умиления, бросится ко мне в объятия, снова выйдет за меня, родит троих детей, и умрем мы в один день. Прекрасный финал.

В сериале оно бы так и сработало. В жизни же – один её звонок Кирсанову, и меня снимут с этого проекта. Договор уже подписан, спонсоры уже найдены, остановить машину целого проекта или заменить меня – один винтик в механизме? Заменят. Без особого удовольствия, но заменят, поставят вместо меня того, кто Полину доставать не будет. И у меня уже не будет возможности видеть её каждый день.

– Это что, объяснение, по-твоему? – Полина щурит глаза. – Какого черта, Варламов? У тебя слабоумие? Ты, может, конченный идиот? С чего ты вообще решил, что можешь вот

так подойти и меня потискать?

– Нет у меня объяснений, – ровно отрезаю я, убираю руки в карманы. – Мне захотелось. Все. Можешь считать это обострившейся сентиментальностью.

По лицу Полины я прямо четко могу прочесть адрес, куда мне следует запихнуть свою сентиментальность. Подробный такой адрес. До самого последнего, самого темного закоулка.

– Да ладно, Поль, не переживай, – ухмыляюсь я. – Унылому твоему я не скажу, что ты с ним меня перепутала. А хочешь, объясню ему, как тебя удовлетворять надо? А то он, кажется, не справляется.

Я не знаю, что за шлея мне попала под хвост, но я точно не намерен ни бежать, ни раскаиваться. Если меня и убьют, то пусть убивают под музыку. Все равно, мне тут ничего не светит, априори, так что, ложиться и подышать? А так, может, дождусь унылого, получу официальный повод набить ему морду. Ну, точнее это он получит, а я всего лишь хорошенько дам сдачи. У меня уже давно руки чешутся.

– Беги. Вот просто, беги, Варламов. – Полина потянулась, прихватывая со стола бутылку с вином.

– Не жалко вина? Денег стоит, поди.

– Ничего. Я могу себе позволить, – ощеривается Полли. – И ради тебя, дорогой, мне вообще ничего не жалко. Я тоже сентиментальна, знаешь ли.

– Тебе слабо, – заявляю я. И зря. Тут же приходится ша-

рахаться в сторону, потому что нет. Полине не слабо. Бутылка летит мне прицельно в голову. Ну, точнее туда, где была моя голова.

– Мимо.

Полли резко дергается, подхватывая с тумбочки какую-то вазу.

– Ай-яй, дорогая, да тебе и правда ради меня ничего не жалко, – смеюсь я, – сколько стоит этот антиквариат? Тысяч пятнадцать?

– Двадцать. – И ваза тоже летит в мою голову. Впрочем, с реакцией у меня по-прежнему все в порядке.

– Ты безумно щедра, дорогая. Сразу видно, что я тебе по-прежнему не безразличен.

Вот тут в меня летит абсолютно все, что попадает Полине под руку. Вилки, бокалы, свечи, которые, слава богу, тухнут в полете. Что-то даже долетает. Мелкое. Я не обращаю внимания. Впрочем, не могу же позволить ей разнести всю её квартиру, так?

Я в несколько прыжков сокращаю расстояние между мной и Полиной, толкаю её к стене, прижимаю руки, прижимаю саму её всем своим телом, причем даже не знаю, для чего на самом деле это делаю. То ли хочу лишить подвижности, то ли попросту не могу не воспользоваться такой удачной возможностью снова ощутить её в непосредственной близости от себя.

И мир замирает, потому что, между прочим, между моим

лицом и лицом Полины сейчас всего сантиметров пять, и я смертельно хочу её поцеловать. Мое падение в бездну все еще продолжается...

– Даже не вздумай, кобелище!

Полина смотрит на меня, и её глаза – как шипы ледяного терновника: холодные, колючие, злые, под стать шипящему тону.

И все вдруг резко становится совсем плохо.

Её глаза. Её безумно красивые глаза. В первые секунд пять они были полны лишь только ошеломления и уязвимости, видеть их вот такими я, оказывается, не был готов. И я замираю, боясь напугать её еще сильнее и сделать еще хуже. Я почти готов просить у неё прощения, вот только нафиг ей не нужны те просьбы. Ей не нужен я. А мне вот нужна именно она. Вопреки тому, что я ей противопоказан.

– Убери руки, – убийственно холодным тоном произносит Полина, и я отшатываюсь от нее. Не просто так. Именно из-за тона.

Не только я помню её слабые места. На меня вот такая её холодность, её игнор всегда действовали сильнее всего. Просто потому, что, ну, Полли же ураган страстей, если она не взрывается сразу, если может говорить вот так – значит, произошло что-то очень исключительное. Однажды, когда я проигнорировал такой тон – Полли на целый месяц уехала от меня жить к Кольцовой. И я прекрасно помню, сколько было потрачено усилий и нервов, чтобы вернуть её обратно.

Первые две недели она даже смотрела сквозь меня и напрочь игнорировала.

– Проваливай, – четко бросает Полина, и это слово на меня действует сильнее пощечины.

– Полин, – бессильно произношу я, делая к ней шаг. Я хочу её успокоить. Хотя, что там, я хочу её обнять, снова. Только чтобы в этот раз она не отшатывалась от меня как от прокаженного. Очень многого хочу, я знаю.

– Не подходи ко мне, – Полина шарахается от меня, отскакивая на несколько шагов. И еще с минуту стоит, обнимая себя за плечи, будто желая оказаться не тут. И не со мной, естественно. Полли... Как же горько видеть тебя такой, девочка ты моя. Хоть волосы на голове рви, от того что я с тобой вытворил. И тогда, и сейчас.

– Давай, я помогу тебе убраться? – виновато предлагаю я, окидывая взглядом царящий в комнате погром. От былой романтики не осталось и следа. То тут, то там валяются осколки, столовые приборы, кажется, что тут что-то взорвалось. Хотя нет, не кажется. Взорвалась Полина.

– Уберись отсюда сам. Пожалуйста, – тихо отвечает Полли, поворачиваясь ко мне спиной и глядя в окно.

И больше ничего. Ни слова. И мне и вправду лучше уйти, на самом деле. Это не мое место. Не мой дом. Не моя женщина. И как бы мне ни было паршиво от этих утверждений, но так и есть. И все-таки просто так уйти мне не можется.

Я бы коснулся плеча Полины, но, честно говоря, не смею

беспокоить её еще. Не смею. Замираю, как провинившийся мальчишка. Ага, мальчишка. Тридцать три, а дури как у пятилетнего.

– Поль, прости, – тихо прошу я. – Я не думал, что так все выйдет.

– Ты думал? – Полина саркастически кривит губы. – Не извиняйся, Варламов. Где ты – там всегда разгром и разруха. Ничего нового я о тебе не узнала.

Этот диалог можно продолжить, и все же я не из тех, кто будет принципиально оставлять последнее слово за собой. Я тут натворил более чем достаточно. Оправдываться смысла нет. Это нужно только мне.

– Сценарий в прихожей, – добавляю я напоследок. Полина не двигается, все также смотрит в окно и ждет моего ухода.

Уже выходя из квартиры я все-таки натыкаюсь на унылого.

Все-таки сцена в духе “К нам едет ревизор” – случилась. И как и там – все участники замирают, глядя друг на дружку и решая, что делать.

Унылый смотрит на меня ошарашено, я на него – с нарастающей неприязнью. Ну вот что она в нем нашла, он же... Типичный менеджер. Физиономия скучная, вытянутая, очки эти... Волосенки зализанные. Ни фигуры, ни фактуры. Тренажерку наверняка видит в страшных снах, потому что бицепсы дохловаты. Вот что? Оставлять Полли вот этому недоразумению почти что стыдно. Полина заслуживает

самого лучшего.

Боже, как я хочу его придушить. Но я не могу. Мне нельзя. Это не мое дело.

Я сейчас уйду, а этот кусок дерьма будет выносить Полине мозг, потому что наверняка что-нибудь там поймет не так. Съездить бы ему по роже хотя бы заранее, но и этому моему желанию исполниться не судьба.

В руках у унылого цветы. Я опускаю на них глаза, разглядываю.

– Между прочим у Полины на розы аллергия, – раздраженно кривлю губы я, оттесняя унылого со своей дороги и сглатывая «кретина», которым очень хотелось закончить фразу.

Рожа у соперника вытягивается – он явно обрабатывает, что я ему вообще сказал и задается вопросом, откуда я это вообще знаю. Он еще и тормоз.

– Ты кто такой вообще? – сложно удержать себя в руках, когда тебя хватает за локоть человек, которому ты едва-едва не бьешь морду за все хорошее. Сложно. Но ради Полли я могу иногда заткнуть внутреннего эгоиста.

– Отвали, – яростно рычу я, успешно справляясь с порывом двинуть этому недомачо в нос, и топропливо ныряю в лифт, пока еще не сорвало последние саморезики с самоконтроля.

И все-таки уже сев в машину я долго сижу за рулем, смотрю перед собой, не замечая абсолютно ничего. Руки еще

помнят, как обнимали мою девочку, я сам помню её тепло, её запах. Господи, как же я лоханулся, влезая в этот проект с её книгой... Почему? Потому что сейчас, в тысячу раз сильнее, чем раньше, я хочу вернуть себе Полину. Насовсем. А права я на это не имею!

Глава 11. Полина

– Что здесь случилось? – медленно произносит Костя за моей спиной. Теперь точно он. Капец. Не могу представить, что было бы, если бы он пришел на десять минут раньше, но даже сейчас предстоящий разговор с объяснениями мне не нравится.

– Мой бывший апокалипсис тут случился, – устало отзываюсь я. – Проходи в кухню, сейчас я приду.

Я не хочу говорить. Вообще ничего и никому. Я хочу забиться в какой-нибудь уголок и разрыдаться, потому что в моей груди пустынный сухой жар. И тишина. Мне нужны слезы. Чтобы смыть все это. Утопить в них эту пустоту, что сейчас раздирает мою душу. Но хочу ли я говорить или нет – не важно. Костя имеет право на объяснения.

Костя несколько секунд молча стоит за моей спиной, а потом все-таки шагает из гостиной. Я ему ужасно благодарна за это понимание.

Повернуться и увидеть руины, там, где еще двадцать минут все было готово к романтическому ужину... Почти физически больно. Ступаю осторожно, на полу осколки – распороть ноги в мои планы совершенно не входит.

Не могу оставаться в этой клятой комбинации, поэтому переодеваюсь в плотное фланелевое платье-рубашку.

Костя задумчиво шурится на меня и я могу его понять

на самом деле. Приехал-то он совершенно с определенной целью и я сама его пригласила. И тут на его глазах перелезаю из эротического бельишка в домашний скафандр.

С другой стороны, это вообще не проблема. Какая разница в чем, сними – и проблема решена. Проблема в том, что как раз снимать-то платье мне уже и не хочется. Я бы еще халат сверху накинула. Какой-нибудь серый, махровый, чтоб уж точно даже позывов в мою сторону ни у кого не возникло.

– У тебя правда аллергия на розы? – спрашивает Костя.

– Ага. На розы и на Варламова, – устало откликаюсь я, сползая на стул напротив Анисимова. – Какая жалость, что ты не пришел чуть раньше, я бы дала ему букетом по морде. Все не жалко было бы твоих денег.

– Что вообще произошло? Почему такой погром в гостиной?

Иногда мне кажется, что Костя вообще ни разу в своей жизни не психовал. Но вот это ледяное спокойствие иногда выводит из себя. Я бы на самом деле не отказалась, чтобы он дал Варламову по морде. Даже просто так, еще ничего не узнав, для профилактики.

Ты натыкаешься в квартире своей женщины на левого мужика, который почему-то лучше тебя знает, на какие цветы у твоей желанной аллергия. И нет, ты не даешь ему по роже, не задерживаешь его, ты позволяешь ему уйти. Не то чтобы я прям хотела этой драки, но я бы не отказалась, если бы Варламову хоть кто-нибудь дал по морде. А тут – хоть сама это

делай. Ладно, Поля, остынь. Ты же на самом деле не хотела драки, так? Да, это вообще по привычке, потому что Варламов был ревнивый как черт, и как-то раз едва с моим преподавателем не сцепился, потому что тот, мол, слишком пристально на меня пялился. Извиняться тогда пришлось долго. Сначала перед преподом, потом перед Димой. Потому что он оказался прав, и препод в итоге пытался ко мне подкатить. Скандал на кафедре был знатный, нужно сказать.

Нет, Костя хорош. Там, где Варламов выел бы мне мозг чайной ложечкой, Костя сидит и молча слушает, барабанив пальцами по стеклянной столешнице. Думает. Хотя лучше бы обнял, право слово. Я бы спряталась в нем! От всего того, что меня сейчас одолевает, о чем даже говорить не хочется.

Объясняя, что случилось, я ощущаю, как пощипывает в глазах. Нет, я не буду плакать из-за Варламова, я уже разучилась это делать, но все равно как-то не очень приятно. Облапал, гадостей наговорил и свалил. О, извинился перед уходом, будто это поможет. Будто это заставит меня забыть как я сама к нему прижималась, как обмирала в его руках. И хочется выругаться, потому что вспоминать об этом не только стыдно, но и, блин, неожиданно волнующе, аж до мурашек.

Дослушав, Костя стаскивает с носа очки и сжимает переносицу пальцами.

– Почему не сказала, что сценаристом у Кирсанова работает твой бывший муж? – устало интересуется он.

Я пожимаю плечами. Почему-почему. Не хотелось мне об

этом говорить. Я вообще не люблю говорить о Варлаамове и будь моя воля – я бы переселилась на отдельную планету от него, потому что он меня самым лютым образом бесит.

А как может не бесить этот смазливый оборзевший кобелище?

У него же есть его Верочка, какого черта вообще он вдруг решил полезть ко мне? Ведь идиоту же ясно, что все что было – было не для него. Нет же. А мне теперь чем отмываться? Где я возьму столько спирта, чтобы обеззаразить все места на моем теле к которым прикасались наглые лап Варламова?

– Только поэтому? – Костя поднимает брови. – Ты уверена?

– Ты издеваешься? – устало уточняю я. – Нет, Костик, разумеется, я не уверена. Я ж с ума по нему до сих пор схожу, сплю и вижу, как бы прыгнуть в его постельку, снова забить на саму себя, простить ему его кобелиную сущность, завязать с издательствами и так далее. Мужик моей мечты, ты меня раскусил.

– Ладно, извини, извини, – Костя поднимает кверху ладони, а затем встает из-за стола и подходит к чайнику, щелкая кнопкой включения. – Просто пойми меня, как это для меня выглядит...

– Кость, ну, правда, не надо вот этого. Как оно выглядит? Я Варламова уже нахлебалась до горлышка, – я качаю головой. – Как вспомню, как писала тайком, чуть ли не в туалете, лишь бы Димочка не заметил – так все. В глаза бы его не

видела. Увы, он влез в этот фильм. А теперь – лезет ко мне.

– Знаешь, это ведь можно исправить, Польш, – хмуро замечает Костя, придвигая ко мне чашку с чаем. – То, что он к тебе лезет...

– Ты знаешь, как вылечить кобелизм? – саркастично интересуюсь я. – Дорогой, срочно патентуй это лекарство. И разбогатеешь, и кучу семей от разводов спасешь.

– Нет. Как вылечить кобелизм я не знаю. Да и бывшего твоего я бы лечить не стал, – недовольно морщится Костя.

– И как ты предлагаешь это исправить? – скептически уточняю я. – Я не могу проломить ему голову, чтобы вправить мозги на место. И от контракта я отказаться не могу. У них там такая неустойка – я год свои гонорары буду Кирсанову перечислять, я уже прикинула.

– Да нет, не надо тебе отказываться от контракта, – Костя нетерпеливо качает головой. – Просто нам с тобой надо пожениться, Польш.

Пару минут после этого заявления Кости я некоторое время сижу и просто на него смотрю. Вот это маневр... Не ожидала, вот правда.

– Кость, ты серьезно, что ли? – слабо спрашиваю я.

Костя вздыхает, переплетает пальцы на ладонях, и смотрит на меня в упор.

– Какой смысл мне такими вещами шутить? – терпеливо интересуется он. – Твой бывший явно не ощущает, что ты не свободна. Ты не свободна. Ты со мной. Что крепче женитьбы

это для него очертит?

– Он и так знает, что у меня есть ты. Давно знает.

– Не очень заметно, чтобы до него это дошло, – Костя встает из-за стола и отходит к посудомойке, скрещивая руки на груди. – Поль, тебе с ним год работать. Минимум. Если съемки не затянутся. И все это время он будет считать, что может к тебе подкатывать? Серьезно – это смешно. Я так понимаю, он меня вообще за мужика не держит. Но на него мне плевать. Но ты, Поль. Ты меня за мужика держишь вообще?

Ох, кажется, вот прямо сейчас мне аукнутся два года регулярного динамо и невыданные ключи от квартиры. Я гляжу в мрачное лицо Кости, в его нахмуренные глаза и прямо вижу, что он на взводе. Ничего мне не забылось, пока я в ус не дула – у меня тут целый счет претензий скопился.

– Котик, – я устало вздыхаю и встаю из-за стола, чтобы подойти к Косте. – Конечно, считаю, тут двух вариантов ответа нет.

Он дуется. Вот серьезно, это иначе и не назовешь. Стоит себе, деревянный и неприступный. Но парой поцелуев удастся разрешить и эту проблему. И вот уже он меняет положение рук, чтобы я прижалась к нему, а он опустил мне ладонь на поясницу.

– Тогда давай распишемся, Поль, – серьезно произносит Костя. – И съедемся уже наконец.

– Я не хотела торопиться с этим. – В ход идет мой последний аргумент. Честно – не так их у меня и много. Поди

попробуй объясни нормальному человеку, почему ты не хочешь с ним съезжаться, но и расставаться тоже не хочешь.

– Поль, мы два года как не торопимся, – Костя закатывает глаза. – Seriously, еще чуть-чуть, и можно будет даже не планировать детей – к тому времени как мы решим, что готовы, пора будет выходить на пенсию.

– Я не настолько старая, – обиженно откликаюсь я.

– Поль, – я ощущаю раздражение в его голосе. Проблема из разряда, если я сейчас продолжу увиливать от ответа, – и он выйдет в дверь вслед за Варламовым. И очень не исключено, что этим отношениям в моей жизни придет конец. А я... Я, вроде бы, не хочу этого. Костя удобен во всех смыслах этого слова. У него нет буйного темперамента, он уступчив, спокоен и не пытается меня подавлять. Ну и плевать ему на мои творческие успехи, он – карьерист до мозга кости. Вот там, на поле рекламных битв и продаж – он воин, герой и знаменосец. Соревноваться со мной в достижениях ему бессмысленно, это все-равно что соревноваться друг с дружкой спортсмену и певцу.

Просто... Эх, кажется, не выветрилась из меня вся эта дурь, и мне почему-то думается, что не такое уж это и романтичное предложение. Впрочем, ну вот нафига мне сдавалась та романтика? Ну вот было у меня “романтично”. С серенадой под окном общаги журфака, с кучей шариков-сердечек, которыми подняли ко мне на третий этаж коробочку с кольцом, с взъерошенным идиотом, глядящим на меня

влюбленными глазами и целовавшим меня губами со вкусом игристого вина.

Все было. И белое платье принцессы, и нежный букет, которым я зарядила в лоб нашей деканше – вот она угорала, глядя на тот букет. Правда, насколько я знаю – до сих пор хранит, как талисман, ведь замуж она вышла в течении года после этого.

Ну вот было у меня это все. Как надо, как правильно, как мечталось. И что? Помогло оно мне? Чем оно закончилось? Годичной депрессией? Ну и к чертовой матери всю эту романтику. И церемонии эти все. Пустое это все. Мне хорошо с Костей? Хорошо. Спокойно. Все! Больше ничего не имеет значения.

– Только давай без банкетов, платьев и всего остального, – умоляюще смотрю я на Костю. – Не хочу, вот правда. Вроде и можем себе позволить, а все равно денег жалко.

– Поль, ты правда согласна? – удивленно переспрашивает Костя.

– Ты правда переспрашиваешь? – я утыкаюсь носом в его плечо. – Да, я согласна. Давай распишемся. Без церемоний же обойдемся?

– Ну, конечно, – в Костином голосе в кои-то веки слышится радость, и он крепче сжимает меня в своих руках. – Только обручальные кольца купим завтра, ладно? Чтобы бывший твой увидел.

Я не против. Если уж у Варламова ум зашел за разум, что

он полез меня лапоть – такая символичная вещь как обручальное кольцо может щелкнуть этого ходока по носу. Он же у нас го-о-ордый. Орел. До чужих баб не опускается. Может себе позволить шляться только по свободным.

– Давай хотя бы поужинаем, ладно? – предлагаю я, отстраняясь от Кости. – Я же, блин, готовила.

– Да, я принесу тарелки. – Костя кивает и уходит в гостиную, а я достаю приборы.

В душе какой-то идиотский раздрай и нужно взять себя в руки. На душе ликования нет, но это и нормально, наверное. Мы же не подростки, с их гормональной бурей. Два взрослых зрелых человека, которым хорошо друг с другом, так? У нас все получится!

Я твержу это будто мантру, чтобы это крепче врезалось в мысли.

А на моей шее до сих пор пылает огнем то место, куда меня целовал Варламов...

Глава 12. Полина

В понедельник я еду в телецентр без особого настроения. Даже как обычно с таксистом не треплюсь. Может, и правда так действует магия обручального кольца на безымянном пальце, что стороннего мужика я уже не интересую, может, просто у меня слишком мрачное выражение лица, чтобы со мной кто-то хотел разговаривать.

Так или иначе...

Сегодня мы с Костей должны подать заявления. В конце недели он ко мне въедет. Через месяц, или когда там поставят сроки в ЗАГСе распишемся. Все это обговорено, порядок действий "согласован".

Вроде, что плохого? Хорошо же! Мама будет рада. Костя ей нравится по-крайней мере.

Блин, но почему у меня ощущение, что обручальное кольцо мне палец то ли натирает, то ли жжет? Что это? Посттравматический синдром после депрессии из-за развода? Вот и тут Варламов мне свинью подложил. Может, и сходить сходить на пару сеансов психотерапии... Глядишь, и выдохну вот это все. И перестану так переживать из-за свадьбы. Ну, подумаешь...

Ну, ерунда же!

Ну, чего можно бояться при мысли о замужестве за хорошим надежным мужчиной? Ну... Ну, не кружится у меня

голова от его прикосновений, не особо я в восторге от некоторых его привычек, но боже, кому нужны те гормоны и кто из нас идеален?

В голове этот кавардак, а я должна куда-то ехать, идти и работать. Да еще и физиономию Варламова наблюдать и подавлять раздражение от этого прискорбного факта.

Ладно, переживу. Сегодня – обрабатываем финал сценария, потом начнутся кастинги, работа со съемочными локациями и съёмки, наконец, съёмки! Момент, которого я ужасно жду, на самом деле. Ужасно мне не терпится увидеть, как обретает объем та картинка, которую я себе только в голове и представляла.

Насколько будут похожи актеры на моих героев? Насколько кино будет соответствовать сценарию? Будут ли съемки в Париже? Там происходит немало финальных сцен, и, несмотря на то, что я предалагала перенести съемки куда-нибудь в наши реалии – Кирсанов отмахнулся и сказал, что в бюджет заложат и Париж. И меня туда тоже возьмут.

Нет, у меня нет проблемы с тем, чтобы куда-то слетать, но блин... Одной? Сама по себе я жуткая домоседка, не люблю разъезды. С Димой ещё, бывает, мечталось, что вот, разрешим мы наши финансовые проблемы и объедем полмира, но до этого мы вместе не дожили. Со скучной мной ему ехать никуда не захотелось. А я решила, что скучной мне тоже просто так болтаться никуда не хочется.

С Элькой ездили как-то в Прагу, пару раз в год доезжали

до Сочи, чтобы обгореться и накопаться, а потом я с удовольствием возвращалась домой, к своему любимому ноутбуку и полке с коллекцией слоников. О Парижах грезилы мои героини, не я. Я была практична. И романтическая столица мира меня особенно не интересовала, потому что в гробу я видала ту романтику.

Но ведь эта поездка будет ни разу не романтической. Рабочей. Целое приключение, которое было приятно предвкушать. Под это предвкушение даже настроение выровнялось, и не так тошно думалось о предстоящем рабочем дне. Я его проживу, а потом начнется новое и интересное.

В телецентре меня ждало прекрасное. Запертый кабинет Варламова.

Я честно проторчала у аппарата по продаже кофе двадцать минут, задумчиво прикидывая, где может носить моего бывшего муженька и не собеседует ли он сейчас за закрытой дверью какую-нибудь дешевку для проходной роли в сериальчике.

Вот чего он добивается? Чтобы я вышла из себя? О, это у него прекрасно получается. Даже неловко, что я так веду на его провокации. Думала, что спокойнее к нему отношусь. Ровнее. Безразличнее.

Не дождалась явления Господина Ведущего Сценариста, набрала Кирсанова. Интересно, а если я ему пожалуюсь, Димочку сильно натянут? Хотелось бы, чтобы посильнее.

Эх, Полина-Полина, ты же никогда не была ябедой, что

это такое вообще? Хотя я знаю что. Это мстительность!

– Чрезвычайно рад вас слышать, госпожа Бодлер, – Кирсанов действительно звучит бодро и радостно.

– Илья Вячеславович, я приехала работать над последними главами сценария, а Варламова нет на месте, – честно говоря, выговариваю я это с максимальным недовольством. Во всем, что касалось Варламова, я превращаюсь в редкостную стерву. Ничего хорошего я Димочке не желаю, на самом деле. Проблем с мужской силой желаю регулярно, когда замечаю очередную новенькую на аватарке в фейсбуке. Не работает, правда. Ну, не ведьма я, не ведьма.

– Ох, госпожа Бодлер, – виновато вздыхает Кирсанов, – это я виноват на самом деле. Я отправил Диму на объект, чтобы он посмотрел – подходит ли нам дом для съемок. Он же знает большинство мест действия, кому как не ему в этом разбираться.

– И что мне делать? – резко теряя в раздраженности, спрашиваю я. – Ехать домой и отложить сценарий до завтра?

– Полина, вы же должны были обработать финал, да? Вам нужно просто передать главы Диме?

– Ну... Да, – осторожно подтвердила я.

– Так может, вы доедете до объекта? Заодно тоже посмотрите, подходит ли нам та локация для съемок. Там замечательный концертный зал, вполне для сцен репетиций вашей Аси подходит. Такси я вам оплачу, разумеется.

Черт возьми. Ехать куда-то снова... Тем более – к Варла-

мову. И с одной стороны – меня одолевает раздражение, в духе: “Ну что я ему, девочка на побегушках?”, с другой стороны – это обычный рабочий момент, ничего сложного с меня не просят.

– Может, я подожду его? – спрашиваю я. – В принципе я могу найти, чем заняться в этом районе.

– Я боюсь, что Дима сегодня уже в студию не приедет, – с сожалением отзывается Кирсанов. – У него дела после обеда. А хорошо, если бы сценарий завтра уже пошел в работу.

Дела у него, блин!

Раздражение на моего удивительно дельного бывшего муженька пришлось не только подавлять, но и связывать и затыкать рот кляпом. И ничего в этом удивительного нет, Я еще злилась на него за пятницу. А разведенка во мне тут же начинала бубнеть на тему того, какие у этого бабника в реальности могут быть «дела».

– Полина, ну я вас очень прошу, – почти взмолился Илья Владиславович, правильно трактуя мое молчание. – Ну, я не хочу еще один день простоя, вы меня поймите, я тоже творец, я уже хочу начать съемки. Дима недавно выехал, он подойдет полчасика, пока вы подъедете.

– Хорошо, хорошо, я съезжу, говорите адрес, – сдаюсь я. Ну, в конце концов, Кирсанов сам у себя был козырным тузом. Отказать ЕМУ я не могу. Да и в принципе, он явно умел добиваться от людей нужных решений. Я не была ему прямой подчиненной, у меня не было жесткого графика работы,

поэтому со мной работал вот этот вот тон любезного и обязательного мужчины. Я практически уверена, на съемочной площадке Кирсанов совершенно преобразается.

– Спасибо, госпожа Бодлер, какая жалость, что не могу прямо сегодня угостить вас обедом за такую услугу. Но я надеюсь, мы еще наверстаем. – Даже по телефону Кирсанов умудряется обдать меня своим лучистым обаянием.

Эх, вот и почему он женат, а? Хотя ладно, об этом три миллиона его поклонниц в одной только России страдают, не только я.

Вообще я, конечно, зря выпендривалась. Перспектива-то была хороша.

Мне ж до жути интересно сунуть нос, и посмотреть, что за локацию подобрали для съемок.

Зал для выступлений – нужен, да. Крестница главной героини, юная начинающая певичка, которая в ходе книги добивалась успеха и победы в конкурсе, должна в одном таком большом зале проходить кастинг. И да, эту локацию не выстроишь в студии, как строят там сейчас городок из декораций домашних сцен. Я точно знаю, что кто-то сейчас рыщет в округе Москвы в поисках нормального лесного пейзажа с озером. Как они это делают в начале весны, когда еще снег не сошел? Я не знаю, они профи просто. Кстати, грозились меня и по тем озерам покатать, чтобы я повыбирала.

Вместо четырех часов в компании Варламова мне предполагается потратить час, чтобы отвезти ему сценарий, и потом

я свободна и могу ехать к Косте, а потом – домой, к проклятому финалу книги, который из меня уже все жилы вытянул.

Люблю свою работу, обожаю просто, да, но эти финалы... Их всегда так сложно прописывать, ведь историю персонажей от себя приходится отрывать. Как крылья себе отрзаешь, а потом – начинаешь растить по новой, а крылья – их уже носят другие люди, те, которые тебя читают. И тебе странно и непривычно, и ты ходишь и беспокоишься – а впроу ли ты вырастила крылышки. Не натирают ли они любимым читателям?

Да, я привыкла. Я знаю, что нужно сесть и дописать, и ничего в этом страшного не будет – все будет хорошо. Героям будет хорошо, читателям будет хорошо, мне будет хорошо, ведь одной точкой в моей голове станет больше, и освободится место для новой истории. Это ведь хорошо. Очень хорошо.

И то, что у меня сегодня будет больше времени на книгу – это хорошо. Это замечательно. Так что спасибо, Илья Владиславович, что решили занять Варламова чем-то помимо просиживания штанов в кабинете. Его пятой точке подобное сиденье вряд ли было полезно.

Вот кстати, еще один бонус от этой внезапной поездки. Сегодня у меня будет меньше Варламова. Ура же? Ура! Серьезно, это для меня большое облегчение. Я могу себе представить, как он проедется по Косте, когда заметит обручальное кольцо на моей руке. Вот казалось бы, какое ему дело,

да? А нет же, лезет ведь. Еще и прозвище это идиотское для Кости придумал.

Меня прислали в школу искусств. Внезапно – даже новую. Пятиэтажную и выпендречно-стильную. Вижу, вижу, амбиции у спонсоров огромные. Правда, сейчас почему-то школа была пуста и тиха, как украинская ночь.

– Мы еще не сдались, – виновато сообщила мне девушка, стоящая то ли на ресепшене, то ли на вахте, – лицензию получим скоро, начнем набор, но пока – еще не сдались.

Логично, а чего площадям простаивать, почему не арендовать их киношникам? Тем более что киношники хорошо оплачивают нанесенный ущерб, если вдруг...

– А концертный зал для киношников у вас где? – вздохнула я.

– Пятый этаж, – немилосердно сообщает мне это эфемерное, полуэльфийское создание с дивным нежным профилем. Надо будет героине следующего романа такой выписать.

Пятый этаж, лестницы и мои каблуки сочетаются плохо.

– У нас есть лифт, – тоном великой спасительницы говорит мне девушка.

Честно говоря... Честно говоря, я и лифты сочетаются не лучше. Нет, когда я еду в чьей-то компании – еще ничего, а вот одна – я предпочитаю на лифтах не ездить. Клаустрофобия у меня, короче говоря. Легкая, но есть.

И моя квартира расположена не где-нибудь, а на втором этаже. Я спускаюсь пешим ходом. Вот так вот. Я даже не ста-

ла покупать машину и учиться на права, потому что это же регулярно придется запихиваться в железную колымагу и находиться в ней. Одной! Такси – мой выбор, да.

И сейчас, глядя на лифт, я взвешиваю “за” и “против”. Забираться по лестницам на пятый этаж на каблуках – это садо-мазо. Плюс надо учесть, что потолки-то здесь высокие, и лестницы наверняка высоченные, с кучей ступенек. А тут лифт...

Ладно, пять секунд отмучиться и уже отправиться домой.

Ладно.

Я решаюсь. Шагаю в чертову металлическую клетку, жму на кнопку с цифрой “5”.

Нужно всего-то немного... Закрыть глаза и досчитать от пяти до нуля. А потом двери разъедутся, и я буду свободна.

Пять. Четыре. Три. Два...

И вот надо же было именно между четвертым и пятым этажом лифту вздрогнуть и остановиться. И у меня, разумеется, тут же сердце подскочило чуть ли не в черепную коробку. И тут же обдало паническим жаром, а кожа покрылась липким потом.

Черт, черт, черт, ну почему все это именно сегодня, а? Вот за что?!

Глава 13. Полина

Что такое приступ клаустрофобии, когда ты застреваешь в маленькой клетушке между небом и землей?

Это жаркая, липкая, противная темнота в глазах. Это паника, от которой сводит легкие и дышать с каждой секундой все сложнее.

Кнопку вызова лифтера я жму с остервенением, раз за разом, будто невротик. Хотя не будто, я сейчас чудом дышу, на самом деле. Хоть бы с кем-то... Вот почему я сегодня не прихватила с собой Эльку? А я же работать в телецентре собиралась, мне и в голову не пришло, что там я могу оказаться в лифте одна. В телецентре в иной час в тот лифт было не так уж просто уместиться.

Лифтер не отвечает. И я разъяренно рычу и изобретаю для этого мира новое многоступенчатое ругательство.

– Полина?

Голос Варламова громкий и доносится откуда-то сверху. Видимо, моя изобретательность и изощренность в нецензурных выражениях его впечатлила.

– Дима!

Честно, я сейчас ужасно рада его слышать. Вопреки всему тому, что в девяноста случаях из ста я предпочту избежать времени в компании бывшего мужа. Только не тишина, только не она, не эта удушливая пустота, выжимающая

из легких воздух.

– Застряла? Одна?

– Никого не было, – тихо всхлипываю и оседаю на пол лифта.

Мне наверняка мерещится тревога в его голосе. Ну, с чего бы ему и обо мне беспокоиться. Ну, да, он знает, что со мной происходит в таких случаях. Но будто есть ему дело до меня.

– Твою ж мать... – вполне искренне произносит Варламов. – А лифтер?

– Не отвечает. – Мне хочется расплакаться на самом деле, но пока здесь Дима, пока он со мной разговаривает – мне по крайней мере не так плохо, как могло бы быть.

Хрен его знает, где шляется тот лифтер, может, набухался, может, просто не явился на работу. А зачем, если школа еще не функционирует даже?

– Подожди, – кричит мне Дима.

– Дима, нет, не уходи... – с паникой восклицаю я, прекрасно понимая, что значит это “подожди”. Он сейчас убежит до той девочки на ресепшене, чтобы выяснить, в чем дело, и оставит меня, а на меня снова навалится приступ.

Но поздно. Дима уже сорвался с места и меня снова крепко обнимает тишина.

Душная.

Тугая.

Тесная.

Невыносимая.

И снова накрывает волна жгучей паники, снова оглушительным звоном наполняется голова. И сжимайся в комок на полу, не сжимайся – легче не станет. Только хуже.

Из сумки я все вытряхиваю довольно неаккуратно. Мне не до реверансов и не до тряски над тем, как бы не разбить зеркальце. Мне нужен телефон. побыстрее.

Когда тебя трясет, когда в глазах темнеет, а пальцы сводит мелкими судорогами, набирать номер довольно неудобно. Даже ткнуть в единичку на автонаборе и то получается с третьего раза.

Четыре гудка – почти вечность для меня сейчас. Воздух такой густой, такой тяжелый, что совершенно не вдохнешь. Ну же, Костя, ну, отвечай... Вот сейчас мне ты как никогда нужен. Ну пожалуйста. У меня сейчас голова взорвется!

– Полин... – наконец-то Анисимов снимает трубку. Но я не успеваю сказать ни слова, потому что Костя торопливо тараторит: “Я сейчас на совещании, давай позже, увидимся в загсе”.

И сбрасывает, заставляя меня выругаться еще раз.

Я не могу позже.

Мне нужно сейчас!

Мне бы уцепиться за чей-нибудь голос как за якорь, сосредоточиться на нем, получится нормализовать дыхание...

Я не смогу сама!

Такими темпами до ЗАГСа я просто не доживу.

Лифт вздрагивает, будто от удара. Вроде несильно, едва

заметно, а для меня – сейчас практически девятибалльное землетрясение. Мне конец, мне точно конец! Уже глюки начались...

Под очень изощренное Варламовское ругательство открывается люк в потолке лифта. А потом в этот люк ужом проскальзывает и осторожно опускает ноги на пол лифта сам Варламов.

– Полинка! – тревожно восклицает он и бросается ко мне, забившейся в угол лифта, по пути чудом не спотыкаясь на какой-то помаде, так и оставшейся на полу после моего издевательства над сумкой.

Боже, я не могу в него поверить, это какой-то глюк моего паникующего мозга, ведь не может же он быть тут. Не может!

Но Дима тут, крепко сжимает мои плечи, прижимается лбом к моему лбу, смотрит прямо в глаза.

– Тише, тише, малышка, ты не одна.

Его голос – тот якорь, которого я так хотела. Мои пальцы вцепляются в его тонкий джемпер и сама я подаюсь к нему, утыкаюсь лбом в плечо, потому что так лучше, однозначно лучше.

– Дыши, Поля. Ртом дыши, – тихо приказывает мне Дима. Знает, что во время приступов – я бестолковый суррикат и ничего не могу решить сама. Ни одной мысли в голове не помещается. А вот указание – оно в тему. Очень.

Дышу. Вместе с ним дышу. Вдох-выдох, вдох-выдох. Боже, как же сложно делать такие простые вещи.

– Ты как вообще тут? – вырывается из меня на выдохе. Не Варламов, а Кашпировский какой-то.

– Аварийный люк в шахту. Тут невысоко было. – шепчет мне Дима.

– Спрыгнул? – рвано выдыхаю я.

– Слез, – Дима качает головой. – Какие прыжки, трос же оборвать можно. Нет, я, конечно, не против умереть с тобой в один день, но будет неплохо, если этот день случится не сегодня.

– Все равно нельзя же, – едва слышно пишу я, – штраф впать могут.

– Дыши давай, не отвлекайся, – ворчливо откликается Дима, – не бросать же тебя тут было. Одну? А кто будет продолжение “Любви без тормозов” писать, если у тебя тут дышалки не хватит?

Чокнутый мужик. Ему ж за такую самодеятельность потом могут какую-нибудь административку нарисовать. А если выйдет из строя лифт – еще и возмещение ущерба потребовать. А лифт может, у них там очень чувствительная система противовесов. Откуда я знаю? Я писатель, блин. Энциклопедия самых неожиданных фактов.

Я и не такое знаю. Знаю, например, что Андерсен немножко приукрасил, и Герда у него Лапландию и Финляндию за те пару ночей, что упомянуты в сказке, преодолеть не могла. Особенно верхом на олене без седла.

– Ты читал? – удивленно переспрашиваю, когда до меня

через три вдоха доходит, что он сказал. Откуда он вообще знает, что “Любовь” предполагает продолжение?

– Есть такой грешок. – По губам Димы пробегает улыбка. – Искал, до чего докопаться. Не нашел. Ты оклемалась?

Почти. Не сказать, что меня отпустило до конца, но наличие рядом со мной живого человека существенно облегчает мое состояние. И вот я уже понимаю, что крепко стискиваю пальцы Димы. И вообще сижу рядом с ним, утыкаюсь лбом в его колени.

Видел бы хоть кто-нибудь эту сцену со стороны – наверняка бы воззвал к моему стыду и совести. Я вообще-то обручена. А близость такого интимного характера внезапно допускаю с бывшим мужем, о котором никак лестно не отзываюсь..

Ладно. Лифт никому не расскажет. А я если шевельнусь влево-вправо – мне поплохеет.

Дима берет мой телефон и звонит. Сначала по телефону, который указан в объявлении на стене, потом выматерившись на не отвечающую диспетчерскую службу – звонит в МЧС.

– Минут через сорок должны подъехать и выковырнуть нас отсюда, – тихонько сообщает он мне, и я еще крепче жмусь к коленям Варламова, пытаюсь спрятаться от паники. Сорок минут этого трэша... Долго. Почти вечность. Блин, хорошо, что Дима здесь, без него я бы точно не дожила. И спасателям бы не додумалась позвонить.

– Спой мне, Дим, – даже для самой себя неожиданно прошу я. Мне нужен его голос. Его постоянное звучание. Только так я смогу отстраниться от паники почти полностью. Тишина и молчание только усугубляют.

Как-то раз мы застряли в лифте именно с Димой – мне регулярно ”везет” на застревания на самом деле. Тогда-то он и познакомился с моей клаустрофобией. Пятнадцать минут до явления лифтера сидел на полу лифта, крепко меня обнимая и напевая мне какие-то дурацкие песенки. А я кусала его запястье и дышала, пока звон в моих ушах отступал под натиском его голоса.

Сейчас предстоит ждать подольше.

Сейчас Варламов на секунду замирает, а потом стискивает мои пальцы крепче – сейчас мне до лампочки, если честно. И потихоньку запекает.

И все, что мне хочется сказать: “Ну и гад же ты Варламов”. Хотя... Ну какая разница же, да? Какую песню вспомнил, такую и запел, но мне почему-то это мнится коварным планом. И вообще лифт тоже застрял по этому плану, обязательно.

Он поет тот самый романс, который орал под моим балконом, перед тем как сделать мне предложение. И в сердце будто раскаляется тот гвоздь, что в нем давно торчит. Его так и не выдернули. И больно, больно это слышать, больно вспоминать то время, в которое любовь из меня выплескивалась через край, но я не могу найти в себе силы Диму остановить.

Он – моя адская сковородка, на которой мне нравится

подпрыгивать. Даже не думала, что я такая мазохистка.

Дима поет негромко, только для меня, но этого хватает.

У него по-прежнему классный голос. Боже, как я от него всегда тащила. Даже спрашивала, почему он не пошел в музыкальное училище, на что Дима неизменно отвечал, что готов петь для меня и ни для кого больше. И сейчас – отступает звон тишины, но подступают эти воспоминания. Интересно, пел ли он хоть для кого-нибудь из своих актрисок? Отступался ли от тех слов, что говорил мне.

Я не спрошу. Ни за что на свете.

– Ты бы еще “Я вас любил” спел, – тихонько и с иронией шепчу, когда заканчивается последний куплет. – На сентиментальность пробило?

А он недовольно пыхтит и начинает тихонько напевать: “Не отрекаются любя”. Понятия не имею, что он этим хочет сказать. В нашей-то парочке “отрекся” именно он.

Вот серьезно, иногда он меня бесит. Особенно когда напоминает мне, что вообще-то у меня было, за что его любить. И эти его достоинства по-прежнему никуда не делись. Вот сейчас – что это? Взял и полез ко мне через аварийный люк. Просто потому, что хотел отвлечь меня от приступа. Не захотел бросать. Он мне уже не муж, и вообще не обязан ничем, куда же мне записать вот такие вот подвиги?

Сорок минут спасателей на самом деле превращаются в полноценный час. И за этот час я сама себе начинаю напоминать мочалку. И когда лифт, наконец, приходит в движение,

и поднимает меня все-таки до пятого этажа – я уже только тихонько похныкиваю на коленях у Варламова, а он гладит меня по спине и напевает про рюмку водки на столе. Мой личный музыкальный автомат – я заказала, он поет.

– Живые? – весело спрашивает мужик в форме МЧС.

– Не все, – хрипло отзываюсь я и поднимаюсь, ужасно сильно опираясь на Варламова. И хотела бы отстоять какие-то свои позиции, но мной сейчас можно полы помыть, а вот на ноги поставить – гораздо сложнее.

Честно говоря, я еще с полчаса сижу в коридоре школы на стульчике, а Дима стоит и обмахивает меня конвертом, в котором лежит распечатка сценария. И глаза у него тревожные-тревожные. И вот хоть матом на него ругайся. Хотя он же не виноват, что я на него так смотрю. Что по-прежнему мысленно допускаю попускать слюни на его широкие плечи.

Это я допускаю, это я смотрю, это я о нем думаю. И я никак не могу его отпустить. Ведь какое мне дело, до всех его Вер-Анджел-Снежан? Мы уже тысячу лет как не вместе. И сейчас он помог, потому что захотел помочь. И ни почему больше. Он просто знал, что я могу вполне долбануться в обморок, а валяться в обмороке долго не очень-то полезно для сохранности жизни. Просто по сути Дима – неплохой человек.

А я...

– Спасибо, Дим, – тихо произношу я. Честно говоря, столько плохого о нем сегодня надумала. Даже немного

неловко.

– Пожалуйста, – Варламов пожимает плечами. Какая ерунда, мол. Всего лишь совершил трюк, достойный какого-нибудь каскадера, всего лишь уже почти полтора часа от меня не отлипает. Всего лишь...

– Ты успеешь зал мне показать, или тебе уже по делам пора? – слабо спрашиваю я.

– Дела... – растерянно произносит Дима и бросает взгляд на часы, – дела были, да. Но бесполезно, Поль, я еще час назад должен был выехать на это собеседование, чтобы успеть.

– Собеседование? – ошалело повторяю я. – Куда?

– Ну так, – Дима пожал плечами, – Уже неважно, Поль. Все-равно опоздал же. Люди там серьезные, второй раз вряд ли позовут. Хотя демки я им по электронной почте отправил, может, прокатит.

С пару минут я смотрю на Варламова открыв рот. Нет, есть же какие-то пределы адекватности, да? Карьерист Варламов из-за меня пропустил собеседование.

– Чувствую, я теперь с тобой до конца жизни не расплачусь за такие подвиги, – мрачно вздыхаю я.

– Забей, – Дима отмахивается. – Я не особенно надеялся на то место. Если им не зайдут мои эпизоды – так и плакать не о чем. Хотя... Хочешь расплатиться?

– Хочу, – устало откликаюсь я.

– Тогда пообедай со мной, Поль, – широко улыбается Дима.

Внезапно!

Глава 14. Полина

Первое, что делаю я после этих слов Варламова – смотрю на часы. Тут же жалею, на самом деле, что не подумала перед этим. Уж слишком это красноречивый, знаковый жест. И до него, я могла бы вежливо покачать головой и сказать, что нет, я не могу и вообще опаздываю, то сейчас даю понять, что обдумываю предложение. И Дима смотрит на меня выжидающе.

И тем не менее, эмоции потихоньку укладываются на привычные рельсы и начинают бодренько об них постукивать. Обед? С Варламовым? А такая ли это удачная идея вообще?

Ага, акции Варламова сейчас взлетели в цене почти до олимпийского уровня. Впервые за последние пять лет я хочу сказать ему что-то хорошее, а не послать к чертовой матери.

После этого часа в лифте и не могло быть иначе. Но это же только сейчас. Завтра я все это пересплю, загляну на страничку Варламова в фейсбуке, полюбуюсь на аватарку, где его обнимает его Верочка, и исцелюсь. И по-прежнему буду жалеть, что на встрече с некоторыми людьми нельзя носить сковородки.

Или можно? А то у меня, если что, чугунная есть. Бабушкина. Я в ней не готовлю, но для благого дела, типа “вправь мозги кобелю” – точно могу пожертвовать.

– Если тебе надо куда-то ко времени, я же могу тебя отвез-

ти куда надо, Польша, – добавляет он и “включает” обаятельную улыбку. Поганец. Всегда любила его улыбающимся, а не загнанным и мрачным – каким он был в последние годы нашей семейной жизни, вот и сейчас – на душе прыгают солнечные зайчики. Правда, что ли, ему со мной было так паршиво и скучно, что вот не лезло это все?

В ответ на эту улыбку я закатываю глаза. Из принципа. Мол, не малолетка поди, заканчивай свой пикап. Хотя нужно сказать, да – не малолетка, но по-прежнему эффект имеется. Но я ж не глазами думаю, а головой. Поэтому Дима и не поймет ничего.

Он меня отвезет? К загсу? О-о-о, я представляю его лицо. При том, что я ему вообще не нужна, чувствую – по поводу брака с Костей Варламов проедется еще не один раз. Просто из принципа. Я ж у его недобритого величества разрешения не спросила, а у него на всех баб взгляды как у вожака стаи: что в постель упало – то уже мое и никому ни шагу влево-вправо не положено. И фигня, что к некоторым он заглядывал в спальню пять лет назад. Все равно “мое”. Рабовладелец чертов.

А руку-то с кольцом я тихонько ныкаю в кармане жакета...

От греха и длинного Варламовского языка подальше.

Интересно, еще не заметил или просто проигнорил?

Ну, раз мозг не выносит, значит – не заметил. В то, что Дима может из ревности не выносить мозг – я не верю. Быст-

рей поверю, что у него сейчас менее ранимое самолюбие стало, но чтобы он и перестал ревновать?

– Ну, один обед, Поль, неужели думаешь, я тебя отравлю? – не сдается Варламов. Его даже мое задумчивое молчание не отпугивает. Хотя... Никогда не отпугивало, он всегда был редкостная птичка-задолбай. Вот как попугай, только задолбай.

– Ну, вот скажи мне, на кой черт тебе это нужно, Варламов? – Я задумчиво качаю головой. – Ну, серьезно, я для этого мотивации никакой не вижу. У тебя актриски кончились, что ли? Так я не вариант.

– Хочу извиниться за пятницу, – Дима пожимает плечами. – Ты хоть поужинала тогда?

– Нет, конечно, – я не удерживаюсь, хихикаю. – Вообще все выходные мне кусок в горло не лез, отбил мне аппетит на трое суток, ирод. И как тебя еще земля носит?

Дима смотрит на меня странно. Будто бы все понимает, но при этом слегка жалеет, что я сейчас не шучу. Или кажется мне это?

Эх, знал бы он, сколько я в ту пятницу коньяка приняла, чтобы выбросить из головы его чертовы руки... Сильные, крепкие, страстные такие руки...

Вообще мне не хочется отказываться. Тем более что в загс мне еще через два часа всего, а тут вроде как недалеко.

И, в конце концов, это просто обед.

И мне вообще-то с Димой еще год работать, не помешает

навести мосты, на самом деле.

И... Я обещала, что его отблагодарю.

В конце концов, у него так-то жертва во имя меня принесена. Вдруг ему потом это собеседование в карьере аукнется? А я в его компании тарелку супа съесть боюсь?

– Ну, думаю, один обед в меня влезет.

Я улыбаюсь, он улыбается мне в ответ, в меня будто отрикошетила моя же улыбка, только у Димы получается как-то лучистой.

– Только давай уже зал посмотрим, наконец, а то зря я, что ли, через все это прошла? – с неприязнью кошусь в сторону лифта.

Дима кивает и оттопыривает локоть.

Эмоционально я по-прежнему не до конца в форме, поэтому хватаюсь за этот локоть как-то по инерции. А уже потом чувствую себя не то душой, не то лохушкой.

Вообще я приучена. Как собака Павлова, блин. Постоянно с ним мы ходили вот так – под руку. Я после развода еще полгода отвыкала – привычка ходить с укремом влево осталась, а опора исчезла. Элька еще долго на меня ворчала, что я её во время прогулок норовлю утолкать влево. Оказалось быстрее привыкнуть вставать слева самой, чем перестроить мозг с его привычками.

Ну и... Подставил локоть Варламов сам. Значит, и лох тоже он сам. А я пройдуся, шарахаться не буду, вот еще. Еще палиться, что до меня дошла вся интимность этого прикос-

новения. Не дошло. Не интимно – и не волнует.

...А когда по вечерам Дима мыл посуду – я могла “треть ладошки” в передних карманах его джинс...

Почему я это вспомнила именно сейчас?

Ох, Полина... Почти замужня женщина. Еще не взятая фамилия Кости грустно смотрит на тебя, как побитая собачка.

Концертный зал в этой школе на самом деле неплох. Просторный, современный, светлый. Новый – и комар тут нигде не сидел.

– Прожектора слабоваты, но мы заменим лампы во время съемок, – замечает Дима. – Декораторов напряжем и можно сделать из него как зал кастинга, так и репетиционный. И концертный тоже, я думаю.

Вот это чуть более профессиональный подход, если честно. Я-то что, я только внешне оценить и могу. А по внешним показателям мне любой зал подойдет.

– Репетиционный зал должен быть меньше, – я оглядываюсь, рассматривая помещение. – Там же что-то вроде небольшого дома культуры...

– Да, я помню, – Дима кивает. – Ты не думай, даже из такого уровня можно сделать что-то более колхозное. Портить наши декораторы умеют прекрасно. Только попроси.

Придется поверить на слово. Опыта у меня нету вообще. А Варламов как раз в курсе, что нам требуется от этого помещения, и может оценить все как надо.

– Я до сих пор не верю, что это все реально, – задумчиво произношу я, касаясь пальцами правой руки черной кожаной обивки кресла.

– Что именно?

Сейчас мне хочется назвать Диму занудой.

Ну, вы только гляньте, какой сухарь вырос из моего восторженного молодого жениха, стоит тут, смотрит на меня как на дурочку.

Я ведь даже не думала, что когда-нибудь буду участвовать в съемках.

По моей книге.

Да еще и с ним...

После развода последнее казалось самой недостижимой частью этой мечты.

Кто не мечтал работать со своим благоверным? Ну, когда еще был юн и наивен и твердо веровал, что супруги не должны расставаться. Вот и я мечтала. Глупой, розовой мечтой, что мой всемогущий и крутой муж когда-нибудь будет работать со мной локоть к локтю.

Ну вот. Работает. По-прежнему крутой, по-прежнему всемогущий, если судить по его трюкам с проникновением в лифт, но уже не муж. По-прежнему это меня дергает, хотя должно бы уже перестать.

– Пойдем уже есть, а? – Вопрос Димы так и остается без ответа. Неохота мне сейчас об этом. Я и так сильно расклеилась в лифте, но панические атаки штука бесконтрольная.

Обнажаться душой еще сильнее я не могу, да и не нужно это.

Оказываясь рядом с лифтом, я втягиваю голову в плечи по инерции. Нет уж, нет уж, спасибо, сегодня острых ощущений хватило. Да и вряд ли его уже починили. Или сколько его там чинят-то?

Спускаемся по лестнице. С каждой ступенькой я клянусь забыть про каблуки до старости. А в старости заболеть склерозом и не вспомнить.

Когда Дима шагает ко мне и подхватывает меня на руки – я не замечаю. Поэтому едва не прикладываюсь затылком об перила и недовольно взвизгиваю.

– Варламов, отпусти, – пишу, цепляясь за его шею, потому что он-то не останавливается, он продолжает спускаться по лестнице.

– У тебя вид больной, ты еще не отошла, – невозмутимо отзывается этот чертов наглец. – Не дрыгайся, Поль, а то на плечо закину.

Ага, не отошла. Сейчас отойду. В мир иной, потому что напугал этот придурок меня ужасно. А какому невротiku понравится, когда земля из-под ног уходит?

И кому вообще понравится быть на руках у бывшего мужа, которому в любой другой день недели ты хочешь дать по голове чем-нибудь тяжелым и который вообще-то до сих пор выводит из равновесия самым лютым образом.

Но оказаться перекинутой через плечо я не хочу. И так-то не хочу, но я же знаю упертость этого барана – он же слово

сдержит, с него станется. Приходится терпеть. Ну и... Так ему и надо, пускай поработает мышцей, отработает всю эту пыль, пущенную мне в глаза.

– Выпадет грыжа у тебя, мандарины в больничку носить не буду, – едко сообщаю я.

– Мандаринов не надо. Надевай костюм медсестры и приходи так, – Дима расплывается в похабной улыбке. Зараза! И хочется смеяться и треснуть этого идиота побольнее.

– Ты все равно не донесешь до первого этажа, – мстительно бурчу я. – Тут лестницы высокие.

– Если донесу, ты со мной не только пообедаешь, но и потанцуешь, – насмешливо откликается Варламов.

– Тебе слабо, – железобетонно откликаюсь я. – Так что сдавайся сразу же.

– Спорим? – Дима с иронией смотрит на меня и поднимает одну бровь.

– Спорим! – Я вцепляюсь в его шею крепче. И тут же об этом начинаю жалеть – потому что Варламовская близость деморализует мое самоуважение еще сильнее. Сразу начинается хотеться очень странных вещей – уткнуться носом в его джемпер, например. И приняться к туалетной воде. Все та же? Моя любимая?

А нельзя, Полина, страдай. И не подмахивай этому павлину. Переживет. А то вон как хвост распушил, бицепсы свои выпячивает. Тоже мне, нашел чем похвастаться.

Повелась на спор я на самом деле безумно легко, и это не

было удивительно. С Костей особо не подурочишься, а я по жизни, вот в таких бытовых вещах жутко азартный человек.

Игры и прочее не увлекают ни разу, на деньги не спорю, а вот на "слабо и кто из нас моет посуду" – был мой любимый спор. Дима мне регулярно поддавался, знал, что я не особенный фанат этого дела. И по-прежнему не фанат. Посудомойка прекрасно справляется за меня.

И вот плыву я такая, на руках у бывшего мужа. Пользуюсь его дурацкой самцовостью, спасаю ноги от убийства каблукками. Перебираю в мыслях всякую ерунду и мечтаю, чтобы Дима сдался, но не уронил меня по дороге. У меня явно в сегодняшнем гороскопе ничего хорошего, так что лбом об ступеньку приложусь наверняка.

А Варламов пялится на меня, лыбится, скотина такая, удовлетворенно, самоуверенно, будто уже выиграл. И ведь даже не споткнулся ни разу.

– Слушай, ты точно каскадером не подрабатываешь? – задумчиво интересуюсь я, когда он шагает через холл школы искусств. Где-то там восхищенно и завистливо ахает девочка с ресепшена. А я хочу показать ей язык, хотя, конечно, она вообще не о том думает. Это тебе не романтика, детка. Это я нагло пользуюсь бывшим мужем, и мне не стыдно. Хорошо, что Костя не видит – вот тут совесть бы почесалась. Хотя я больная и пострадавшая, мне можно!

На мой вопрос Варламов только невозмутимо улыбается, выходит сквозь разъезжающиеся двери и чешет через пар-

ковку к своему выпендражному синему лексусу.

На землю он спускает меня только перед машиной. И смотрит на меня победоносно... Да, не ожидала. Нет, он всегда был сильный, а сейчас, кажется, вообще терминатор. Из качалки, что ли, не вылезает, а протеин употребляет вместо сахара в чай?

– Я выберу ресторан с приличной музыкой, не переживай, Польша, – ухмыляется Варламов.

Хочу его убить. Мучительно. Но быстро! Чтобы не бесил так вот, как сейчас.

Но я сама проспорила!

Черт!

Глава 15. Полина

– Ну что, по счетам платить будешь? – насмешливо интересуется Дима, когда я допиваю кофе. Кстати, луковый суп в этом ресторане был дивный. Чудом вспомнила про диету и отказалась от того, чтобы повторить.

– Ну, иди заказывай музыку, – я пожимаю плечами. Если он думал, что я спрыгну, ему придется выкусить. Но он даже свой кофе не стал допивать, сразу поднялся из-за столика. Так не терпелось?

– Только вальс, и ничего больше, – добавляю уже ему в спину.

С Варламова станется – он ведь и танго закажет. Благо от нефиг делать мы когда-то учились его танцевать. Он сегодня отчаянно бьет по моей сентиментальности, не знаю уж, намеренно он это делает или нет. Если да – то я оторву его безмозглую голову. Потому что зря он это делает.

Впрочем, даже с вальсом я на самом деле ужасно рискую. Потому что вопреки всему – для меня-то этот танец куда интимнее, чем другие.

Самый классический вальс натянет танго по одному только эмоциональному посылу. Если это, конечно, не конкурсный, не постановочный вальс.

Здесь нет страсти, плещущейся во все стороны, никакого пресловутого “секса на танцполе”.

Вальс – это уединение. Будто молчаливое сближение на максимально допустимое расстояние, которое дает тебе шанс подумать. Тебе нравится твой партнер? И нет вариантов, ты это обязательно обдумаешь, потому что сейчас и здесь – есть только ты и тот, кто тебя ведет. А весь остальной мир – он происходит в другой параллельной реальности.

Танго танцуют для зрителя, вальс – друг для друга.

Вся магия в этом – в пионерском расстоянии между двумя телами, когда между моей грудью и грудью Варламова можно уместить томик большой советской энциклопедии. И его ладонь – нет, она даже не на талии – она на моей лопатке. Все приличия соблюдены, все неприличия – только в моей голове.

Шаги? Шаги до простого банальны. Просты. Все продумано так, чтобы ты быстренько поняла, в чем суть, и сосредоточилась на партнере.

На его глазах, например. Взгляд "глаза в глаза" тоже может быть разным. Он бывает сражением, бывает дуэлью, бывает обещанием страсти, а бывает тонкой связующей нитью. Пуповиной между двумя общающимися душами. Теми, кто не могут друг без друга. Так я воспринимала танец с Димой. Всегда. До развода. Потом мое "всегда" закончилось.

Он слишком близко. Я в какой-то момент понимаю, что с огромным трудом сдерживаю дрожь. Немалая часть моей души помнит руки Варламова и сейчас наслаждается тем, что оказалась в них вновь.

Все-таки это мой провал. Я сама себе вырыла яму, позволив Диме оказаться так близко к себе, потому что сейчас я реагирую на него неадекватно.

Он – не мой мужчина.

У меня есть Костя.

Вот только это нифига не помогает, потому что именно сейчас я едва чувствую свои ноги. Все тело будто двигается как-то само, а я пытаюсь вспомнить, как вообще дышать.

Нет, нет, не может такого быть, чтобы он меня по-прежнему волновал...

Но он волнует. От его взгляда воздух в легких густеет и выдохнуть его чудовищно сложно.

И мои пальцы, которые сейчас лежат в Диминой ладони, будто колют раскаленными иглами.

Казалось бы, с чего мне вообще думать в его сторону?

Он от меня ушел тысячу лет назад, я его не интересую.

Все, что он делает сейчас – пустой выпендрез. Варламов не умеет не рисоваться. Димочка же любит чувствовать себя самцом, желанным призом, который хотят абсолютно все особи женского пола, на которых падет взгляд его серых глаз.

Дима останавливается, заставляя замереть и меня. Музыка закончилась. До меня это доходит как-то с запозданием.

Варламов смотрит мне в глаза, и от его ладони на моей спине, кажется, вот-вот вспыхнет ткань моей блузки. И чем дальше, тем тяжелее становится моргать. И тем страньше становится эта ситуация.

Нет, мне точно надо к психиатру, у меня же явная ма-
ния...

Варламов подается вперед резко, как будто падая на меня. И его губы успевают пройтись по моему лицу горячим бар-
хатом его дыхания. Бо-о-оже...

– Дима, нет, – ровно произношу я, отклоняясь от поцелуя.

– Полин...

Боже, вот за что мне это? Вот этот его голос, переполнен-
ный жаждой, от которой у меня коротит в мыслях. И его чер-
товы пальцы, ползущие вверх по моей шее, прожигающие
кожу насквозь.

Некая часть меня ведь соскучилась по нему. Смертельно
соскучилась. И пять, четыре, даже три года назад я бы хоте-
ла, чтобы он ко мне вернулся, и чтобы было вот так – неж-
но, романтично, с подвигами и страстным примирением. Вот
только мне уже не столько лет, как тогда, я не отчаявшаяся
влюбленная дура. И эмоции... Я ими владею. Пришлось на-
учиться. Ведь видеть Варламова и его баб – даже на фотках
было больно, а я видела их и в реале. И каждый раз, каждый
раз моя душа истекала кровью, глядя на него.

И сейчас – да, я хочу этого поцелуя. Не вся я, только та
часть, что дура. А еще одна часть хочет Варламова убить,
потому что я только-только потеплела к нему душой, а он
все скурвил и снова напряг свою кобелиность.

– Почему нет, – хрипло шепчет мне Варламов и тянет ме-
ня к себе ближе. – Почему нет, Поль?

– Потому, что сейчас я себя уважаю, Дим? – Я безмятежно отвечаю вопросом на вопрос. – Потому что мне не нужно, чтобы ты почесал об меня свое самолюбие и двинул дальше.

Он выглядит таким уязвимым сейчас. Смотрит на меня и молчит. Нет, я не буду в это бить, хотя...

А почему собственно я не буду?

– Дим, я ведь выхожу замуж, понимаешь? – ровно произношу и легонько давлю на его плечи, заставляя разжать руки.

– Да, – спокойно откликается Варламов, – я сразу заметил кольцо. Еще в лифте.

Нет, стоя слушать это невозможно и разбираться, стоя посреди ресторанного танцпола – тоже такая себе идея. Организовывать гостям заведения живую мелодраму в мои планы не входит. Возвращаюсь к столику. Варламов не отстаёт. Но у меня есть время подумать.

Вот оно как. Заметил? И вот это все, все это пижонство с ношением на руках, разводом на спор, танцем этим – это все просто его спланированный маневр, чтобы подвести вот к этому? Молодец, Варламов, давно ты меня так не разочаровывал.

Нет, он меня хорошо знает.

Он знает меня – которая всегда после приступов клаустрофобии, редких, но очень острых, отходила эмоционально даже не по одному часу. И теряла во всем – в циничности, в бдительности, даже просто во внутренней силе. Разумеется, я повелась, расслабилась, поддалась его напору.

И нет ничего удивительного в этой массирующей атаке по моим слабым точкам.

– И, заметив, ты решил повернуть все это? – уточняю, опускаясь на стул.

– Да, – Варламов пожимает плечами. И все объяснение. Волшебное. Как всегда.

– На кой черт? – говорю я медленно-медленно, очень старательно подбирая цензурные аналоги всем лезущим на мой язык словам.

– На тот, что я тебя никому не отдам, – невозмутимо общается Варламов, делая глоток из своей чашки кофе. А я себе чуть язык не прикусываю, опешив от такой наглости.

– Мне кажется, ты что-то попутал, – раздраженно сообщаю я. – Я не твоя собственность, Варламов, мы с тобой в разводе, я для тебя скучная, ты забыл?

– Не переживай, Поль. Все, что касается моих косяков, я помню прекрасно. И отвечу обязательно, как только ты ко мне вернешься.

У него удивительная способность – отбалтываться до последнего. Вот сейчас он пьет свой кофе, бесит меня своей зашкаливающей самоуверенностью, с которой на меня смотрит. Будто я ему уже уступила, будто как одна из его молоденьких длинноногих куриц – уже сижу у него на коленях или вишу на шее.

И нет, я не буду с ним разговаривать! Бесплезно. Тем более, что этой его наглостью я ошарашена настолько, что чув-

ствую себя рыбой, выброшенной на берег и жадно хватающей воздух.

Просто хватаю со стула сумку и делаю самое разумное, что могу. Ухожу, швырнув на стол тысячную купюру для оплаты своей части обеда. И пусть там будут не кислые такие чаевые, не особо заслуженные официантом, но разбираться у меня времени нет. И желания продолжать общение с Варламовым тоже в наличии не имеется.

Забираю из гардероба пальто, вылетаю из ресторана, даже не застегнув его.

А как все хорошо начиналось...

Я-то думала, что, может, зря я так поношу Варламова. После того как он бросился ко мне в лифт – реально думала, что зря я это все. А он...

Он догоняет меня уже на улице. Будто выждал время, дал мне фору и догнал.

Хватает в охапку, вжимает в кирпичную стену.

Меня будто накрывает огромной, тяжелой морской волной. Неожиданно – горячей.

Отчего так барабанит сердце в моих висках? От страха! Точно от страха. Этот идиот меня напугал своей очередной выходкой. И ни из-за чего больше!

– Какого черта ты творишь? – шиплю я, пытаюсь его отпихнуть. – Отпусти, меня жених ждет.

Оттолкнуть бы его, отпихнуть подальше, лишь бы так не кружилась голова, но он же сильный, как черт, прижимает

меня к стене, не вырвешься.

Дима смеется бесстыжими глазами, наглыми губами, всем своим ехидным существом.

– Никуда ты не поедешь, дорогая, – шепчет он мне, касаясь губами моей шеи, – я видел твоего женишка. Я не могу отдать мою потрясающую жену этому идиоту.

– Бывшую жену, – выдыхаю я, а в глазах темнеет. Какой же обаятельный гад – этот мой бывший муженек...

– Пока что бывшую, – самоуверенно поправляет Дима, – но все равно мою.

И мне хочется выть на самом деле, потому что я ведь ощущаю, как улетаю все дальше и дальше от привычной колеи. И нет, я должна рвануться, должна сбросить с себя это наваждение, но пока я собираюсь с силами – Дима уничтожает мое сопротивление еще одной своей фразочкой.

Он все-таки это делает, он меня целует. Жалит мои плотно сжатые губы своим языком, будто бьет тараном в ворота. Раз, другой, третий...

И это хуже нокаута.

Боже, как я ненавижу саму себя, потому что с каждой секундой я все слабее. С каждой секундой ближе к тому, чтобы уступить ему хоть в этом.

Его губы – терпкие на вкус и колкие, будто между нами сейчас проскакивают миллионы маленьких, но таких горячих искр. У его поцелуев всегда вкус вина из можжевельника. Свежий, крепкий, хмельной. И кажется, что я в жиз-

ни не целовалась вкуснее, чем сейчас. Это – невесомость. Безмолвная, густая, в которой все не так, и всякое твое движение выходит не таким, как ты ожидаешь, а тело – легкое, невесомое, будто пушинка. Боже, как мне этого не хватало, оказывается...

– Поинка, любимая, – выдыхает Варламов, отрываясь от моего рта.

Безмозглое сердце в моей груди от этого тона, от этих двух слов выполняет сложный акробатический трюк. Как хорошо, что думаю я не им.

Любимая?

Левая моя рука выписывает Варламову звонкую пощечину.

Для меня это слово – как удар под дых.

Любимая? С любимой он разводился? От любимой уходил, для того чтобы начать прыгать по бабам, как будто пять лет супружеской жизни страдал от неудовлетворения?

– Ты от меня ушел, – ядовито выдыхаю я, змеей выворачиваясь из хватки Варламова и отскакивая от него на пару шагов, – ты! Я тебя любила – тогда! И только тогда была готова ради тебя на многое. Сейчас ты мне не нужен, Дима. Я не дура. Мне предатели не нужны. Оставь меня в покое. И привет Верочке.

Сейчас он меня уже не догоняет. Сердце в груди бухает, ноет, ему жаль на самом деле, оно просит меня вернуться, туда, обратно, к Диме.

Всегда знала, что именно этот орган у меня – источник всех моих идиотских поступков.

Я целовалась с Варламовым... Я все-таки с ним целовалась. Черт-черт-черт. Но об этом я лучше подумаю позже.

Сейчас даже не до рефлексии. Это можно потом, когда останусь одна, когда не нужно будет срочно бежать и догонять опаздывающий поезд. А мне ведь нужно, я ведь опаздываю. Я позволила себе это забыть, обидевшись на Костю, а совершенно зря, он же не виноват, что меня понесло в тот злополучный лифт, он не виноват и в том, что работает.

Такси я вызываю, уже отлетев на приличное расстояние от ресторана. Впрочем я не особо и хотела добираться до ЗАГСа с Варламовым, с него бы случилось отчудить какой-нибудь фортель. Тем более, что он тут явно намерен мне палки в колеса вставлять. Но что бы там Дима о себе не возомнил – я не дам своим заскокам мне все разрушить. И замуж за Костю я выйду.

Я не особо слышу, что мне рассказывает таксист, а он рассказывает, на самом деле. И обычно я слушаю, такие вот разговорчивые собеседники рассказывают много жизненных историй, которые потом можно вплести в книги.

У меня шумит в ушах. И если в пятницу на моей шее горела только одна точка, в которую меня целовал Варламов, сейчас пылает все тело.

Пальцы, кожа, губы... Он будтодохнул на меня огнем, опалил до костей, и этот огромный ожог не дает о себе за-

быть. А мне нужно забыть, мне нужно не заморачиваться так на нем.

И меня трясет – от ярости, от волнения, от всего этого. Ты посмотри-ка, “я не отпущу“, “я не дам”, “моя”, “любимая”, и хочется спросить – а на кой черт ты тогда разводился? Скольким еще он гнал вот эту вот свою немислимую чушь? Убила бы!

Верю ли я ему?

Что не хочет отдать – верю. Кобель на сене – что поделать. Я же прекрасно понимала, что он меня к Косте ревнует – еще со стычки на пресловутом юбилее. А я-то надеялась, что он исправился хотя бы чуть-чуть.

Вот только малыш действительно попутал, потому что он меня «не отдать» не может. Не средние века, слава богу.

По губам ползет мстительная улыбка. Ну... Может, это действительно его проймет?

Так, к черту Варламова. Подъезжаю уже.

К черту, я сказала!

Костя ждет меня у ЗАГСа, уже нервно поглядывая на часы: я опоздала почти на сорок минут.

– Я уж думал, что ты не придешь.

– Извини. У меня тут обострение апокалипсиса произошло, – я прихватываю Костю за лацканы пальто, прижимаюсь к нему. – Обними меня немедленно.

Он обнимает. Ох, еще бы сильнее... Чтобы вытеснить из моей головы наглого сероглазого монстра. Вот. Вот этот

мужчина должен меня волновать. Ясно там? Душа, сердце, вы меня поняли? Вот от его прикосновений у меня должна кружиться голова. А не от того, что вы выбрали.

– Поль, он что, снова? – тихо и раздраженно уточняет Костя, верно трактуя мою нервозность.

Я не хочу отвечать. Я не отвечаю. Просто молча прячусь в Костиных руках. Слишком близко опасность. Слишком близко эмоции.

– Поль, может, тебе на него заявление написать? – осторожно предлагает Костя. – Ну в конце концов, это тянет на домогательство.

Ну... Возможно, тянет. Вот только мне то заявление писать совсем не хочется... Нужно бы, наверное, но не хочется. Варламов меня, конечно, бесит, но устраивать ему проблемы такого рода я не хочу. Пока что, по крайней мере.

– Пойдем уже, подадим заявление, а? – устало произношу я, отстраняясь.

В ЗАГСе тихо, уютно и почему-то пахнет мандаринами. Понедельник – день не свадебный, видимо, поэтому тут кроме нас только одна парочка, колдующая над заполнением заявлений. Бланков на столе в коридоре полно, заполняем и мы.

Улыбчивая девушка в кабинете регистратора просит наши паспорта. И Костя тут же протягивает ей свой, а вот я не настолько быстра, я закапываюсь в сумке. Там жуткий бардак. Выходя из лифта я покидала все свои вещи кое-как, потому

что уж очень хотелось выбраться из чертовой клетки.

Ну где же? Я же с утра положила его в сумку, точно помню. Как можно вообще собираться в ЗАГС, да и вообще – на выход из дома и не взять с собой документы?

– Поль... – вежливо, но слегка недовольно произносит Костя.

– Сейчас. – Снова раздраженно вытряхиваю из сумки все её содержимое, теперь уже на стол девочки-регистратора. Извинюсь позже, надеюсь, меня поймут.

Три раза перебираю все вещи, выпавшие на стол, даже прощупываю стенки и дно сумки – вдруг в подкладке дыра и паспорт туда провалился.

Нету.

Нету моего паспорта в моей сумке.

И... Кажется, я догадываюсь, какой именно козел помог ему исчезнуть... Прямо там, в лифте, пока я отходила от приступа.

Да. Без паспорта я заявление не подам...

Интересно, Варламов вообще понимает, что я его за это урюю?

Глава 16. Дима

– Подлец!

– Щербакова, ты переигрываешь, – хладнокровно сообщаю я.

Руки практически выгребают из шкафа все Верины шмотки до последней пары трусиков. Когда она успела столько сюда натащить? И месяца же нет, как меня угораздило с ней познакомиться.

– Урод.

– Моральный? Тогда согласен. – Швыряю последнюю Верину блузку в её чемодан.

Так, тряпки вроде кончились, что осталось? Косметика и украшения? Так, и в ванную еще заглянуть надо, там было полно её тюбиков и флакончиков.

– Я с тобой...

– А что ты со мной, Вер? – Уточняю с легкой заинтересованностью. – Трех детей воспитала?

Если вы мне хотите сказать то же самое, что мне сейчас выдает госпожа Вера Щербакова— ну, в принципе ладно, я согласен. Мудак, урод, и так далее. Просто как сделать так, чтобы девушка реально с тобой рассталась, а не продолжила звонить по пятницам, пьяная в хлам? Правильно, включить морального урода на полную. Чтобы она вспоминала, не как круто вам было вместе – значительно приукрашивая

при этом, а именно то, как мерзко ты с ней обошелся напоследок.

Да, я серьезно. Не самый джентельменский подход, но знаете, именно за джентельменами и числится больше всего леваков и побочных романов. Так что к черту воспитание. Рвать – так в клочья. По морде я за это сегодня уже огреб. Дважды.

Зато теперь не обязательно сдерживаться, можно же даже дать унылому по морде, чтобы отвадить его от моей женщины. И пусть Полина ерепенится сколько ей нужно. Все равно моя. Я это сегодня очень ясно ощутил. И она ощутила, это было очевидно. Но, конечно, Полли не бросилась ко мне на шею. Ой, нет, только не она. Только не после того, как я её предал. Ума не приложу, как это исправить, но придется соображать по пути.

Она мне нужна. Даже странно, что я так долго предполагал, что смогу обойтись без неё. Не могу. Все существо нацелено на неё, каждым нервным окончанием. С любой другой девочкой я прощался легко, вытирая её из памяти вместе с удалением номера телефона. И только Полли забыть никак не мог, как ни пытался врезать себе в мозг, что я ей не пара. Все равно бредил ею.

Но как она сегодня дрожала в моих руках, моя напуганная фея! Как все-таки позволила мне сорвать поцелуй с её медовых губ... Как я сам хотел сжать её в руках еще крепче, до того изголодался по её теплу. До того чтобы ощущать

Полину моей...

Все это здорово, черт возьми, но мне надо не только отвязаться от своей женщины её унылого кавалера, но снова стать для Полины нужным. И что я могу ей предложить? У меня все карты крапленые, любимая бывшая жена знает меня как облупленного. Её уже давно не впечатлишь серенадой под окном и связкой гелиевых шариков. Что-то придется менять... Все, блин!

А претензии у Полины были верные. И финальный “привет Верочке” – тоже. Действительно, сначала надо было освободить постель, а уж потом начинать все эти маневры по возвращению жены. Кто ж мне виноват, что для того чтобы понять, что я в лепешку расшибусь, а не отдам свою жену очкастому унылому, потребовалось увидеть обручальное кольцо на пальце моей заветной. До меня некоторые вещи ужас как долго доходят.

– Никуда я не пойду, – плаксиво всхлипывает Верочка.

– Не пойдешь, а поедешь, дорогая, – хладнокровно замечаю я, – В свою родную Электросталь, или к любимой подруге в общагу на окраине Королева. Выберешь сама, я не тиран, этим распоряжаться не буду. Но в моей квартире тебе делать нечего.

– Я не хочу никуда уходить, – хнычет Щербакова. – Ди-и-им, нам же так хорошо вместе было.

– Поди выпей чаю, Вер, – сухо пожимаю плечами я. – Как раз такси успеет приехать.

Она послушно линяет из моего поля зрения – по глазам вижу, надеется, что я одумаюсь. Ага, конечно, одумаюсь, выброшу из своей головы Полинку, расскаюсь и принесу сердце Верочке, на блюдечке с золотой каемочкой. Тьфу, ересь какая. Даже думать на эту тему мерзко.

По звону, который доносится с кухни, кажется, Щербакова совсем не верно понимает, какими методами можно заставить одуматься мужика, который решил тебя бросить. Ну, да, разумеется, сейчас она мне посуду перебьет, а я испугаюсь потери любимой чашки и срочно расскаюсь!

Чашки новые куплю. Так что пусть Щербакова напоследок отведет свою душеньку.

Вера-Верочка, ну вот какого черта я вообще с ней связался? Можно подумать, что после развода мне отшибло мозг и я тащил в постель все, что только под руку попадалось. Типа, все равно, все не то, так чего разбираться?

В кармане вибрирует телефон. Мельком бросаю взгляд на дисплей, губы сами в улыбке разъезжаются.

– Слушаю тебя, родная. Спасибо, что позвонила. Ужасно соскучился.

– Варламов, у тебя там совсем кукушка съехала? – шипит в трубку Полина. – Верни мой паспорт.

Значит, все-таки заметила пропажу? Я даже отпираться не собираюсь. Я заметил кольцо на пальце Полли, я заметил паспорт, валяющийся на полу лифта. Далее – только ловкость рук и никакого мошенничества. Я так могу оттянуть

подачу заявлений хотя бы на неделю. О, а если постараться – можно и на две, если заглянуть в Полинкин паспортный стол и поговорить с паспортисткой. Ну, там... Букву в фамилии не ту поставить, не тот год рождения... Переделать же придется, так? А я в честь паспортистки положительную героиню в сериальчике назову. Ну, к примеру. Или, может, пробью для неё эпизодическую роль какую. Многого же не надо, звездных пяти минут чаще всего хватает.

– Милая, может тебе еще и свадебную фату в ЗАГС привезти?

Дальнейшая фраза Полли в приличных местах произнесена быть не может. Но я впечатлен на самом деле. Столько уничижительных слов и ни одного повторения!

– Обожаю, когда ты ругаешься, Поль, – сообщаю в трубку, а сам бросаю в чемодан Веры последнюю помаду. – У тебя это так вдохновляюще получается. Надиктуешь мне пару ругательств? Я распечатаю и над рабочим столом повешу. Глядишь, на премию в этом месяце заработаю. Тебе процент как музе.

– Варламов, верни мой паспорт, я тебя по-хорошему прошу.

– Милая, сдается мне, ты уже давно забыла, что такое просить меня по-хорошему, – откликаюсь я. – Впрочем, даже если ты бы меня попросила как хорошая моя девочка, я тебе бы ничего не вернул. Знаешь почему?

– И почему же? – ядовито интересуется с той стороны

трубки Полина.

– Потому что со дна Москвы-реки теперь твой паспорт фиг достанешь, – я ухмыляюсь. – Я, видишь ли, ехал мимо. И случайно потерял твой паспорт именно там. Плохая новость – рыбки могут взять кредит на твоё имя. Хорошая новость – паспорт я, перед тем как случайно потерять, ещё и случайно разорвал, так что если что – любой суд на твоей стороне.

– Я тебя убью, – рычит моя волшебная. Вот серьезно, вроде злится, а я все равно чертовски рад её слышать. Век бы слушал. Хотя лучше бы, конечно, было её не злить.

– Адресок скинуть? Может, прямо сейчас подъедешь? Я как раз Веру почти выставил, чаю попьём. Или белье на кровати перестелить? Убивать себя позволю только лежа.

– Да пошел ты, Варламов!

– От Варламовой слышу, – ехидно откликаюсь я.

– Я давно уже Иванова, – раздраженно огрызается моя девочка.

– Не переживай, милая, это у тебя временно. Мы это обязательно вылечим, – обещаю я, ухмыляясь.

И это добивающий фактор – Полли швыряет трубку. Ай-яй, я-то надеялся подольше поболтать. Впрочем ладно, как раз такси приехало.

Судя по грохоту на кухне – Вера перешла с чашек на тарелки. Ладно, туда им и дорога. Пусть не отвлекается, под ногами не мельтешит, так хоть стресс снимет. Ерунда из ванной в чемодан не вмещается, приходится найти для неё па-

кет. Квартиру осматриваю придиричиво, не дай бог какая булавка останется, и это чудовище явится за ней, ну и мозг решит мне вынести за компанию.

Не-а. Ни булавки, ни зубочистки, ни волоса Веры в моей жизни не останется. Тем более – это бессмысленно. Ни одна вертихвостка мне не даст того, что нужно. Перебирая – не перебирай, слушай – не слушай, только Полина меня любила по-настоящему. Только её любил я. Неважно любил, криво, не так, как она того заслуживала.

Вот почему я был такой идиот, а? Почему вообще развелся и не взял себя в руки сразу, как мне предложили контракт?

Оставляю вещи Веры у двери, иду в кухню. Девушка замирает с каким-то блюдцем в руке.

– Молодец, дорогая, хорошо поработала, – с иронией замечаю я, отмечая бардак и зашкаливающее количество осколков на полу. – Надо ураган в честь тебя было называть.

– А будешь знать! – высоко вскрикивает Вера, встряхивая русой копной. Клинеров не забыть бы вызвать, насыпала мне тут волосья... Оправдывайся потом перед Полли, почему на моей, в перспективе полинкиной, территории чужие волосы валяются.

– Буду, разумеется, – я киваю головой. – Машина подъехала. Тебе как – помочь вещи вниз спустить или до лестничной клетки вынести, потому что ты уходить не хочешь?

– А если я не уйду? – скидывается Вера. – Ты мне обе-

шал...

– Любовь до гроба? – саркастично уточняю я. – Извини, дорогая, точно не обещал, у меня это эксклюзивная вещь, уже отдана в добрые руки. Я тебе пару ролей помог получить, ну и все. Дальше ты оставалась уже по своей воле. Я тебя только не выгонял.

– Какой же ты козел, Варламов, – с чувством произносит Щербакова, выпрямляет спину и гордо шествует мимо меня.

Нет, Верочка, конечно, симпатичная. Фигура у неё имеется, мордашка тоже ничего, но и все на этом. И это совершенно не то. И ни минуты я больше никому не позволю занимать Полинино место. Даже если для этого придется год обойтись исключительно самоудовлетворением. Бессмысленно от себя бежать, бессмысленно прикидываться, что хоть одна женщина кроме Полли может загасить мой внутренний пожар.

С эпитетами Щербаковой в свой адрес не спорю. Мне, если честно, вообще до лампочки сейчас, что подумает обо мне Вера. Чем хуже подумает – тем лучше. Чемодан с её вещами я вниз все-таки спускаю.

Зря. Верочка, разумеется, сразу воспринимает это на свой счет, решает, что я чувствую себя виноватым, и тут же начинает кукситься.

– Дим, может, все-таки не надо нам с тобой расставаться? – смотрит на меня кукольными глазищами, хлопает длинными ресничками. Тьфу, кукла куклой, как вообще такую в жизнь-то пустил? Вообще же никакого сравнения.

– Не надо, Вер, а очень надо, – скептически откликаюсь я, запихивая её чемодан в багажник машины, – все, езжай. Как доедешь – не перезванивай. Волноваться я все равно не буду.

– Хамло, – в сердцах бросает Верочка.

– Стараюсь, – пожимаю плечами я.

Она наконец-то зло хлопает дверью такси, наконец-то сваливает с моего горизонта. Ну, что ж, одной головной болью у меня стало меньше.

Меня, наверное, должна мучить совесть, но у меня такое ощущение, что я вскрыл какой-то нарыв на душе и мне потихоньку легчает. Все становится как надо.

Лишних женщин в моей жизни больше нет.

Осталось вернуть Ту Самую.

Глава 17. Дима

Алина Вербицкая, кастинг-менеджер Ильи, сидит за своим рабочим столом, постукивает длинным ногтем указательного пальца по лежащему перед ней конверту со сценарием “Феи-крестной”, прошедшим через редактуру. И смотрит на меня как на идиота.

– Дима, ну ты издеваешься, да?

Тыщу лет с ней знакомы. Даже в кино-кружок ходили один и тот же. Сначала Аля работала кастинг-директором для какого-то криминального сериальчика, носилась вся в мыле, искала все новых актеров на роль “трупов” и убийц. Прикиньте, даже при том, что актеров на рынке труда было более чем достаточно, и еще на “убийц” худо-бедно найти было легко кандидатов, с “трупами” был острый недобор. Актеры не преуспевшие – народ ужасно суеверный.

“А вдруг я сейчас труп сыграю, а потом умру сразу же. Вселенную не обманешь!”

Вселенной, как по мне, было до лампочки. Детективные сериалы снимались на куче каналов, и каждый день в одной только Москве играли “трупы” человек пятнадцать. И ничего. Мне кажется, если Вселенная и выдавала “фатум” по тому, кто какие роли играл – то сейчас она уже забила, не желая перерабатывать.

Но факт оставался фактом. Трупы играли “неохотно”.

То и дело попадались неадекваты, желающие даже задушенную домохозяйкой бабушку играть “с самовыражением”. А это жуткий ад и лишнее время операторов, лишнее время режиссеров, лишние дубли, будь они неладны – и задолбанное фейспальмовое состояние всей съемочной группы, которой завтра серию собирать, сцены уже нарезаны. А у них все ещё “труп” носится по всей площадке и предлагает “новую историю для его героя”. А нужного дубля снять так и не удалось. И режиссер, с дергающимся глазом и сорванным голосом, мечтает о ружье, а ему положен лишь только черный кофе.

Раньше Аля отсеивала именно вот таких придурочных экземпляров, обзванивала проекты, в которых они светились, спрашивала мнение, искала пригодных. Не очень известных. Зачастую – даже еще без диплома, актеров второго-третьего курса. Чтобы нарциссизм был не заоблачного уровня.

Сейчас мы с ней работаем вместе. На Кирсанова и по договору – уже третий сезон мелодрамы про девочку-кондитера. Сколько раз мы друг дружку выручали – не пересчитать.

Впрочем, сейчас речь не об Алинкиной работе. Речь о заговоре уровня масонов.

– Ну, а что такого? – пытаюсь нахально улыбнуться я. Подумаешь, просьба. Ну, нехилая такая просьба. Но в конце концов, я вообще первый раз прошу о такой услуге, а не за кофе сгонять, пока я сцену по-горячему переписываю.

– Варламов. Я собиралась назначать эти пробы на следующий четверг. Мне бы еще хоть пару предварительных кастингов для второстепенных ролей успеть провести. А ты мне – пробы предлагаешь сделать. На главные роли. Это ж все-таки второй эшелон. У них, знаешь ли, расписание. Думаешь, мне не хватает возни?

– Да брось, Аль, треть из актеров этого уровня все равно прилетит сегодня даже, потому что работа лишней не бывает. Еще треть сделает то же самое, когда ты напомним, кто у нас режиссер. Оставшиеся подскочат к концу проб. Будут в мыле, будут орать на весь коридор, но ни за что не откажутся. И заткнутся, как только войдут в кабинет, потому что ты для них богиня. Сдвинь пробы на эту неделю, ты же можешь.

– Дима, – Алина опасно щурится на меня. – Вот серьезно, ты меня заканал. Со всем уважением! У меня не составлен дримкаст для основных персонажей.

Дримкаст – перечень актеров, которые, по мнению кастинг-директора, идеально впишутся в роль того или иного героя, – штука муторная. Сначала подбираешь человека по три-четыре на роль, исходя из кастингов, потом назначаешь пробы, на которых актеры репетируют уже с готовыми сценами. И смотришь – кто въехал лучше.

– Аль, я Полину уже неделю не видел, – устало откликаюсь я и тру переносицу. – Знаешь, я уже готов как пацан караулить её у подъезда. Но я ж не могу как пацан, повод же нужен. А она по договору должна будет приехать на пробы

актеров главных ролей. Кирсанову важно её мнение по этому вопросу.

Не говоря уже о том, что после того, как мне все-таки удалось повернуть тот замут с “ошибкой” в паспорте – мне не очень долго жить останется, если я сунусь сейчас Полине под руку. Так что лучше пока организовать свидания при свидетелях.

– А прикинь, она за эту неделю смоталась в Лас-Вегас и уже там замуж выскочила по их законам? – зловредно улыбается Алина. Мне кажется, у неё в трудовой не “кастинг-директор” прописано, а “коза горная, полорогая”.

– Аль, ты сериальчиков пересмотрела? – хмуро разглядываю серебристый мобиль на её рабочем столе. – Начни уже наши смотреть, там хотя бы тупости не показывают. По крайней мере в тех сериях, которые я пишу.

– Какие мне сериалы, – Алина закатывает глаза, – Дима, проведи в день два кастинга, одни пробы, да еще успеи при этом зачесть новый сценарий и составить дрим-каст. Какие тебе будут сериалы? И это я еще даже не замужем.

– Я сам тебе дримкаст составлю, Аль, – осеняет меня, каким именно маневром убедить эту козу. – Сегодня же. Пришлю вечером. Завтра уже можешь согласовать его с Ильей Вячеславовичем.

– Дримкаст за вечер не делается, – скептически шурится Алинка. И она, конечно, права: для полного метра – это обычно занимает время.

– Я знаю свой сценарий до последней сцены. Я примерно представляю, какие типажи нам нужны. А ты же можешь скинуть мне портфолио тех из второго эшелона, чья игра тебя устраивает? Ты же уже присматривала, так?

Плох тот кастинг-директор, который начинает лихорадочно пересматривать кастинги актеров, чтобы посмотреть их данные. Большинство уже знает, кто из актеров нормальный, кто не очень.

– Да, могу, – задумчиво кивает Вербицкая, скрещивая руки на груди.

– Я уже делал тебе дримкасты, между прочим.

– Не для полнометражки. Тут ролей больше.

– Так я тут не по всему же списку буду работать. У нас всего семь осевых персонажей, человек двадцать пять выбрать. Всего-то.

– Всего-то, – Алинка самоуверенно ухмыляется, – Димочка, ты всю ночь сидеть собрался?

– Да хоть и да. Нужно же себя чем-то занимать ночью.

– Ох, – Алина закатывает глаза. – Да уж, и вправду, как я забыла, что ты у нас теперь свободен, как ветер, и у тебя теперь море свободного времени по ночам.

– Алин. – Гляжу на Вербицкую в упор. Друг она мне или не друг? В конце концов, с моей историей отношений с женой она боле-менее знакома. Сколько раз мне пеняла, что я – баран, вообще не пересчитать.

– Успеешь завтра до десяти – значит, пробы будут в этот

четверг. Я подорвусь, подпишу дримкаст у Кирсанова, обзвоню агентов. Успеешь после обеда – так и быть, попробуем в пятницу. – Алинка прячет лицо в ладонях, впрочем, спорить она толком никогда не умела. – Так что будет тебе встреча с Бодлер. С поводом, как ты и хочешь.

– Ты чудо, Вербицкая.

– А ты неизлечимый потаскун, Варламов, – хмыкнула Алинка. – Надеюсь, Бодлер тебя вылечит. А то такой был положительный мужик, пока не развелся. А сейчас меня все спрашивают, сколько раз я с тобой спала. Я уже даже не говорю парням, что с тобой дружу, из-за твоего кобелиного имиджа.

Развожу руками. Ну что поделать, идиотизм лечится не очень эффективно. Кто же был виноват, что я так быстро уставал от них – секундных пустышек, которым только и нужно от меня было, что продвижение и знакомство с той же Алинкой.

– Сценарий на вечер возьму?

– Да-да, конечно, – Алинка толкает ко мне ведомость передачи сценария. – Распишись только, что его забрал. Все-таки готовый вариант. Чистойой. Сам понимаешь, у Кирсанова паранойя.

Я понимаю. В конце концов, реально уже не первый год с Ильей работали. Он терпеть не мог утечек его сцен в сеть и жестко судился со всеми, кто их допускал. До крови.

“Наши сценарии достаточно хороши, чтобы делиться ими

бесплатно”, – сухо говорил Кирсанов, и я ощущал вполне заслуженную гордость. Мои сценарии хороши, что есть – то есть.

Ставлю подпись, забираю конверт со сценарием, иду в машину. Пора домой. Пахать. Ради встречи с Полинкой – дело благое.

Моя помешанность цветет чем дальше, тем ярче.

Наверное, будь Поинка в курсе, насколько часто я проезжаю мимо её дома, уже бы сдала меня санитарам из Склифосовского. И все же уже неделю всякий раз, когда я еду с работы, проезжаю мимо её дома, паркуюсь у дома напротив и выпиваю один стаканчик кофе, глядя на Поинкин подъезд издалека.

Вот. Обычно – не везет, она проскакивает раньше. Впрочем, удача штука такая... Я ей не особенно верю.

Один раз я успеваю вовремя, чтобы все-таки увидеть Полину, возвращающуюся с прогулки, красивую, до сумасшествия. Не задерживаюсь подолгу – на мою голову я купил слишком приметную тачку, а так стоял бы и стоял, хоть до утра, дожидаясь, пока она выйдет.

Чувствую себя кретином, на самом деле. Но у меня сейчас из козырей – только совместный проект с Полиной. Без него мои дела труба, я могу в следующий раз увидеться с ней, когда она уже замуж выйдет.

За кофе заезжаю всегда в один торговый центр неподалеку от дома Полины. Традиция такая. Почти ритуал. Тут есть

кофейня, которая дает не просто большие стаканчики с кофе, а огромные – на шестьсот миллилитров. В моем случае “чтоб на подольше хватило” – этот маркетинговый ход работает на ура.

С собой я обычно ничего не беру, сценарий сегодня тоже оставляю в машине. Еще успею с ним сегодня натискаться вусмерть.

Поднимаюсь на второй этаж торгового центра, размышляю.

Надо что-то делать. Что-то более активное. Но не брать же мне Полинкину квартиру штурмом, в конце концов? И не сворачивать же унылому шею, хоть и хочется. Уголовно наказуемо, все-таки.

Банальщины творить не хочется, бред типа “встретить её с утра верхом на белом коне и объявить себя её принцем” – отбрасывается сразу. Вот плохо, когда женщина знает все твои косяки, все недостатки. Какой там принц, когда твоя принцесса знает, что у тебя вредная привычка все зубные щетки на удачу “на север” поворачивать. И это еще самый невинный из всех твоих тараканов.

На Кольцову я налетаю внезапно – сходя с эскалатора.

И сначала я бросаюсь извиняться, а потом затыкаюсь, когда до меня доходит, кто на меня смотрит.

– Варламов. Извиняется, – недоверчиво повторяет Эльвира, поправляя на плече ремешок сумочки. – В мире кто-то сдох очень важный, наверное.

Интересно. Что она тут делает? Насколько я помню, она в другом районе живет.

– И тебе привет, Эльвира, – стараюсь выглядеть невозмутимым. – Одна тут?

– Варламов, разведчиком тебе не быть, – ехидно откликается Кольцова. – Нет, пока одна, иду к Полли. Хочешь со мной?

Вот это неожиданный вопрос.

У нас же с Кольцовой взаимная ненависть, ядовитыми парами которой можно уничтожить одну не самую маленькую европейскую страну.

– В чем подвох? – подозрительно спрашиваю я.

– Никакого подвоха, – Эльвира пожимает плечами. – Полли выбирает платье. На день рождения Кости. Он завтра. Хочешь поздороваться – погнали. Не хочешь – иди куда шел.

Встретиться с Полинкой вместо того, чтобы как дураку торчать у её дома в тщетной надежде увидеть её хотя бы издалека?

Ну что я, дурак, чтобы отказываться?

Глава 18. Дима

Четвертый этаж ТЦ, выпендренный бутичок, и Полинка, которая от скуки начала мерять все, что ей попадется под руку. Потому что я не могу поверить, что она всерьез напялила на себя вот этот вот чудовищный мешок ядовито-желтого цвета – при её вкусе.

– Я знаю, ты меня ждала, птичка моя, – радостно орет Кольцова чуть ли не от магнитных рамок у дверей магазина.

Полина оборачивается, и при виде меня её довольная мордашка мгновенно киснет.

– А ты-то что тут делаешь, Варламов? – хмуро спрашивает моя девочка. Все еще злится из-за паспорта, по глазам видно.

– Мимо ехал, – я пожимаю плечами, умалчивая о подлинной причине моего присутствия в этом центре. – Смотрю – Кольцова. А вы ж с ней как близнецы, расстаетесь только на ночь. Решил поздороваться.

– Поздоровался? – Полина поднимает брови. – Свободен! Слушаюсь и повинуюсь, милая. Я свободен, и я останусь тут. По собственному желанию, разумеется.

– Поль, признавайся, ты собралась на карнавал? – я слегка улыбаюсь.

– С чего бы это? – огрызается Полина, но обеспокоенно хмурится и вертится перед зеркалом.

– Ну, цвет мультяшной канарейки точно не про тебя.

Взгляд Полли красноречиво говорит за неё, что я попутал берега и моего мнения не спрашивали.. Попутал. И чего? Все равно нет сейчас такой силы, что возьмет и вытолкает меня из этого магазина, пока в нем Полина.

– Костя любит желтый, – кисло бурчит Полина и поворачивается к зеркалу спиной.

– Ну и пусть его любит отдельно от тебя, – в кои-то веки Кольцова открывает рот по делу. – Поль, возьми синее. Шикарное же. Я со входа вижу, что твое.

И тыкает пальцем в платье на манекене. Разумеется, пасущаяся неподалеку консультантша сразу же бросается к нам с явным намерением срочно снять платье с манекена.

– Эля, ты издеваешься? – Полина делает огромные глаза. – Оно же с вырезом. Я тысячу лет как такого не ношу.

– Снимать? – деловито уточняет консультант.

– Ты тысячу лет как объявила войну сексуальности, подруга? – Кольцова поднимает брови. – Снимайте, девушка, снимайте.

Полина неуверенно мнетя, покусывает ноготь на указательном пальце.

– Я бы глянул, – нахально замечаю я. Полинка сердито смотрит на меня, будто напоминая, что я тут третий лишний. Смешная моя.

– Поль, а когда там Костик приедет? – настырно уточняет Кольцова.

Полина смотрит на часы, охает и хватает синее платье из

рук консультанта.

– Пожалуйста, – тихо шепчет Кольцова, подталкивая мою руку своим локтем.

Кошусь на неё недоверчиво. Что за неожиданное союзничество? Мне показалось, или уже дважды Кольцова срезала посыл меня к чертовой матери? А Эльвира смотрит на меня с садисткой ухмылочкой.

– Что?

– Ничего-ничего, – елейным голоском отвечает Эльвира.

И хочется идиотского, хоть щелбан ей в лоб выписать, потому что ну коза же, коза. Везет мне сегодня на коз. Надо Кольцову познакомить с Алинкой и посмотреть, как они пободаются. Хотя есть подозрение, что пободаются они со мной.

А потом Полина выходит...

И мне становится ясно, над чем злорадствовала Кольцова. Надо мной и злорадствовала. Видимо, предвкушала вот это вот зрелище. И это предвкушение у неё сбывается.

У меня перехватывает дыхание. Честно говоря, никакого сравнения с тем дурацким желтым.

Синий Полинке удивительным образом идет. Я всегда залипал на неё в платьях, а тут все – и вырез-то суперский, и длина у платья в самый раз, чтобы подчеркнуть красивые ноги моей заветной, и...

Блин, как начать дышать, а? Как перестать смотреть на неё как будто она – мое мороженое, а я две недели провел

на пустынной жаре.

Нежная моя, волшебная, ну вот за что ты со мной так? Я же и так помню, что ты красивая. Всегда красивая, и с растрепанными волосами с утра, и в мешковатых спортивных штанах, в которых ты обычно пишешь. Даже в толстой фланелевой пижаме, в которой ты спишь девять месяцев в году, потому что мерзнешь. Но сейчас – ты, моя девочка, просто запрещенное оружие. А после этого мне же ехать домой. И думать. О тебе, да. Потому, что только ты в моей голове и поместишься.

– Ну, я думаю, налицо разница, да? – даже ехидный голос Кольцовой не может вывести меня из этого зависания.

Впрочем, слегка он помогает, и я в какой-то момент успеваю заметить, как Полина смотрит на меня. Нет, не с ехидством, не с презрением, не с неприязнью.

Она смотрит чуть уязвимо и выжидающе. Ждет моего мнения. Весна ты моя, посмотри на меня так еще, и я паду ниц к твоим ногам через пару минут.

– Вообще не сравнить, разумеется, – я слегка улыбаюсь. – Поль, может, все-таки давай отменим кастинг на главную женскую роль? Может, сама пойдешь?

– Наташа младше меня, – Полина будто и сама стряхивает наваждение, качает головой.

– На два года всего, – педантично жму плечами. – А тянешь ты на девочку младше Наташи.

– Варламов, банально со стороны возраста подъезжать, –

ехидно влезает в разговор Кольцова. Ох, ну вот нейдет девочка. А у меня только руки перестали чесаться, перестало хотеться её немедленно придушить.

– Так, ладно, – Полина торопливо ныряет в примерочную, – если мы не поторопился, туфли я купить не успею. Эль... – из примерочной высовывается рука Полины с синим платьем. – Отнеси на кассу, скажи чтобы пробили.

Отжать платье у Кольцовой? Беззвучно её обматерить одними губами? Миссия легче-легкого, и вот уже Кольцова шипит мне в спину: “Пижон”, – а я показываю ей средний палец, поднимая ладонь над плечом.

Ну точно она мне подыгрывает. Чего-то я в этой жизни не улавливаю. Впрочем ладно, я в выигрыше в любом случае.

Когда Полина подруливает к кассе я протягиваю ей платишко, убранный в пакет.

– Оно ж не оплачено, – недоуменно хмурится моя малышка.

– У них акция – безумно красивым платьем отдают бесплатно, – безмятежно улыбаюсь я.

Полина смотрит на меня и закатывает глаза.

– Я ж потом переведу. По чеку, – ухмыляется она.

– Как ты переведешь по чеку, если я тот чек съем? – насмешливо уточняю я.

Не беспокоит на самом деле. Платье было такое одно, продавец клятвенно обещал мне за порцию чаевых насчет цены помалкивать, да и вообще. Хочу и трачу свою зарплату не

пойми куда.

– Спасибо, конечно, – Полина качает головой, – но все равно за паспорт тебе еще долго икаться будет.

– Восстановила? – заботливо уточняю я.

– Если бы, – Полинка раздраженно хмурится. – Запутались там, всю фамилию мне переврали.

Потом бросает взгляд на телефон, непроизвольно морщится и смотрит на меня.

– Сделай одолжение, сгинь, Варламов, – спокойно произносит она. – У меня жених вот-вот подъедет. С учетом того, что я едва от него отбилась, чтобы не подавать на тебя заявление – лучше тебе рядом со мной не попадаться.

– Поль, ну давай я натяну унылого на какой-нибудь дорожный знак, и решена твоя проблема, – деловито предлагаю я.

– Дим, я понимаю, что ты никого не боишься, а твоей наглостью можно даже не города брать, а планеты, – раздраженно бросает Полли. – Но побереги, пожалуйста, мои нервы. Мне же вынесут мозг, что ты меня преследуешь.

Гляжу на неё, пожимаю плечами.

– Хорошо, Поль, как скажешь, – улыбаюсь я. – Был рад тебя увидеть.

– Знаешь, я тоже, – неожиданно откликается Полина, а потом поднимает руку и сводит друг к другу указательный и большой палец. – Вот на столько.

Между пальцами пара миллиметров. Чуть-чутьочку, да?

Еще одна коза. Моя любимая. Так и хочется сгрести её в охапку, прижать к себе, поцеловать в эти насмешливые губы.

И все же я отчаливаю. Меня ждет работа, иначе я не увижусь с Полинкой в четверг. Сейчас отступлю, потом выиграю. Обычный маневр. Нельзя же бесить мою заветную при каждой встрече.

Забиваю на кофе, выхожу на парковку с ближайшего входа. И замираю, потому что ясно вижу, как паркуется у торгового центра унылый.

Я его узнаю издалека. Ну как не узнать. Я эту физиономию видел и в фас, и в профиль, будто вселенная мне старательно доносила, как выглядит самый неприятный придурок на свете, умудрившийся как-то прилепиться к моей женщине.

Пока унылый вяло переругивается с каким-то мужиком, который вперед него запарковался, я стою, не шевелюсь и не отвожу от соперника взгляд. Все то, что я старательно отстранял при встрече с Полли, сейчас встает на дыбы.

Унылый меня не замечает, беззаботно паркуется на другом свободном месте, выходит из машины и, посвистывая, довольно улыбаясь, чешет к центральному входу в торговый центр.

Значит, приехал забрать мою женщину? Когда у него там день рожденья? Завтра? Небось потащит Полинку в какой-нибудь ресторан. И он, а не я, будет её кормить, поить, танцевать. И подарок спрашивать. Понятно же, какой может быть нужен подарок мужчине от женщины? Не зря Полина

выбирала для ресторана именно платье.

Раздражение накатывает все сильнее.

И руки начинают отчаянно зудеть.

Интересно, насколько сильно будет хотеть меня убить Полли, если я устрою облом её женишку?

Колеса ему пробить, что ли? Дурацкое желание, идиотское. Но почему-то я за него цепляюсь. И я крою себя матом, но шагаю в сторону своей машины, чтобы взять шило из бардачка.

Самое трагичное, мне же даже не то чтобы стыдно. Меня даже то, что это вообще-то не очень законно, не останавливает. Можно ж подождать, придти с повинной, компенсировать затраты на замену, штраф там оплатить... Дурость, блин, какая, но до чего навязчивая... Полька меня точно придушит. Зато её унылый уже сможет спокойно на меня заявление накатать. На большее-то его все равно не хватит...

Вот только когда я подхожу к машине – мне вдруг становится не до идиотизма. Потому что заднее стекло машины разбито. И конверта со сценарием на заднем сидении нет.

Кажется, я допрыгался...

Глава 19. Полина

А вот Эльке желтый идет так, что можно слюной зависти истечь случайно. Ну, да, волосы ей позволяют – длинные, естественные, золотисто-русые. Это я блондинилась лет с шестнадцати, Элька же в жизни не прикасалась к краске.

И пока она поправляет свои уложенные волнами волосы у зеркала, я смотрю на неё и думаю.

– Кольцова, а ты не засланец в тылу врага, а?

Элька оборачивается, глядя на меня удивленно.

Я красноречиво гляжу на её платье. Желтое! Seriously?

– Ты жениху не доверяешь, или мне? – Элька закатывает глаза. – Поль, брось, вот увидишь, Костику до лампочки будет. Видела реакцию Варламова вчера? Вот тебе самое лучшее доказательство. Ты в синем – бомба. Устоять нереально.

Хотелось бы, чтобы это была правда. Из-за пресловутой эпопеи с паспортом Костя ужасно морозился. Даже еще не въехал ко мне, хотя мы ведь договаривались.

Пару раз за эту неделю я даже ловила себя на мысли, что может и хорошо, что так вышло и въезд Кости ко мне отсрочился. И всякий раз, когда я себя на этой мысли ловила – тут же отвешивала себе мысленную оплеуху.

Он – мой мужчина. Жених. Будущий муж.

Я его задела.

И, по сути, мне бы чувствовать себя виноватой, а я как

будто облегченно выдыхаю.

И на самом деле – это немножко нервно. И не с той стороны, “почему он не торопится”, а с той, что “боже, да неужели он, наконец, поселится в моей квартире”.

На моей территории! И тут будет не только его бритва, зубная щетка и пара запасных костюмов в шкафу, а он сам и три чемодана “приданого” впридачу? Мне придется перестраивать свою жизнь под него.

Вообще по уму и логике – это я бы должна к Косте переехать. Но у меня квартира и получше, и поудачней расположена. Так что да, ко мне. И блин, как же это стремно... Еще не паническая атака, но будто бы её подступы. Тьфу.

А ведь я за Костю замуж собираюсь. Твердо так собираюсь! Так, ладно, не до рефлексии мне, у меня губы не накрашены. А Костя уже паркуется у меня под окнами.

Под свой День Рождения Костя даже взял отгул на полдня. И он, и часть его приятелей из рекламного отдела моего издательства. Можно было бы отложить гулянку до выходных, но...

– Один раз живём, – сказал Костя и взял отгул.

Именно поэтому сейчас – в час дня торжественно возвещает о явлении именинника мой домофон.

Костя поднимается радостный. На самом деле радостный. Даже обнимает меня сразу же, как заходит в квартиру. Целую неделю дулся и этого не делал.

– Хорошо выглядишь, Полин, – сообщает он уверенно, от-

пустив меня и поправляя на носу очки.

– Она выглядит божественно, не зажимай невесте комплименты, именинник, – ухмыляется Элька, а потом исчезает в кухне. Делает вид, что ей прям приспичило попить кофе. Дает мне возможность обнять и поцеловать Костика без свидетелей.

Теплый. Надежный. На него можно положиться. Что мне еще нужно?

– Извини, что давил на тебя, – вдруг шепчет Костя мне на ухо.

– М? – Я удивленно кошусь на него.

– Ну, с заявлением и бывшим твоим, – Костя морщится, и я целую его в краешек губ, чтобы не вздумал себе портить настроение мыслями о Варламове. – Я тут просто прикинул, даже если бы он не отбрехался – ну что там ему могли впасть? Штраф? И тебе все равно пришлось бы с ним работать.

– Ко-о-остя, – вырывается из моего горла стон, – ради всего святого, давай забьем на Варламова. У меня, в конце концов, есть кем заняться.

– Есть, да? – Костя поглаживает меня по спине, смотрит блестящими глазами. Эх. Придется сегодня настраиваться на празднике. Потому что повода отказывать вроде как и нет. Надеюсь, вино там у Кости хорошее.

Вот что это? Климакс? Аллергия на мысли о сексе?

Ладно, надо уже чмокнуть моего хорошего в подбородок, и надеть уже чулки. Как раз откладывала до выхода. И коро-

бочку “с подарочком” нужно кинуть в сумку. Надо будет выкроить время и вручить её как-нибудь не очень заметненько. Как это сделать в ресторане, в котором будет гудеть тридцать человек – я понятия не имею. Но и сейчас не могу, оттягиваю до последнего.

– Поль, я у тебя ключи от машины оставляю? – буднично спрашивает Костя, заглядывая ко мне в спальню. Замечает, что я натягиваю чулок – не удерживается, скользит ко мне, тянется к губам с поцелуем, опускает руку на бедро.

– Соскучился ужасно, – хрипло шепчет он. А вот нефиг было дуться. Сам дурак, Константин Михайлович.

– Я тоже, – привычно вру я. Не могу же я сказать, что мне как обычно никак от его прикосновений. – Элька тут.

– Да, точно, – Костя вздыхает и встает с корточек, на которые успел опуститься. – Так я ключи оставляю?

– Ты сегодня отмечаешь? – я улыбаюсь, хотя ответ, в принципе, мне известен. Костя редко это себе позволяет. Трезвенник. Почти.

– Я сегодня поминаю, – траурным тоном откликается Костик и уходит в гостиную вызывать такси. Особо печальным он при этом не выглядит. Ну, слава богу.

А я проверяю, все ли самые необходимые вещи взяла с собой. Телефон, ключи, карточка, коробочка с “подарком”...

Телефон звонит в самый неподходящий момент. Тогда, когда я кинула туфли в пакет и сижу себе, натягиваю на ногу сапог. Разумеется, на половине молнии, телефон и начинает

свой концерт.

Ну, вот что там надо и кому?

Когда я вижу на дисплее номер – и физиономию Варламова, я чуть не роняю телефон из рук. Фотку я назло Димочке еще после развода поставила самую чудовищную, которая только нашлась в моем фотоархиве. И здесь он небритый, невыспавшийся и растрепанный – но сейчас к собственному недовольству понимаю, что даже на фотке этот поганец до чёртиков очарователен. Этакая усталая запущенная мужественность на всю физиономию.

– Слушаю.

Я не знаю, что ему нужно, но уже готова его послать. Он знает, что у Кости сегодня праздник, может и напакостить, с него станется.

– Ты можешь приехать в студию сейчас? – Что-то в его голосе заставляет меня вздрогнуть. Я давненько не слышала голос Димы таким мертвым. Пожалуй, один раз только слышала – когда ему в седьмой раз отказали в вакансии на телецентре.

– Что случилось? – встревоженно спрашиваю я.

В прихожую выходит Костя, задумчиво смотрит на меня.

– Не по телефону. Приезжай. Кирсанов ждёт, – рвано выдыхает Дима и сбрасывает. А я остолбенело смотрю на дисплей смартфона. Что случилось? Что могло такого случиться, что Дима вдруг оказался такой убитый? Он же чертов неваляшка. Его же уронить не может абсолютно ничто. Нет,

неудачи – неудачи, конечно, были. Года три неудач после окончания универа у него вполне себе имелись.

Но я еще тогда поняла – там, где я опускаю лапки и поддевочковому прячусь от слишком страшных сложностей под одеяло, Дима встает, стряхивает пыль с колен и идет пахать дальше. Серьезно. Он же пахал как конь все то время, что мы были друг с дружкой. И после... Сколько у него сейчас проектов? Три сериала и полнометражка Кирсанова? Я понятия не имею, как он не рвется на лоскуточки, как успевает, но ведь успевает же. И ведь ценят же его.

Но вот это... Его что, разбил паралич, и он больше никогда не сядет за клавиатуру?

– Поль, что случилось? – негромко спрашивает Костя. – Кто звонил?

– Дима звонил, – растерянно откликаюсь я. – Попросил приехать в студию.

– Ну и почему ты не объяснила, куда ему надо идти со своими просьбами? – недоуменно хмурится Костя. Яжимаю плечами. Я не знаю. Надо было бы, но...

– Там что-то случилось, – пытаюсь понять, что мне делать дальше, отрешенно произношу я.

– Ну конечно. – Костя смурнеет на глазах. – Всегда что-то случается, Поль. Он всегда получает то, что нужно ему. И ты ему это позволяешь.

– Кость, у меня контракт вообще-то, – напоминаю я.

– У тебя по расписанию следующий твой визит – на про-

бы актеров главных ролей. И о дате должен сообщить кто? Кастинг-директор. А не твой Варламов.

– Он не мой, – устало отмахиваюсь я.

– Да ладно? – Костя раздраженно щурится и скрещивает руки на груди. – То есть ты сейчас не собираешься взять и уехать, собираясь проигнорировать большую часть моего праздника? Который вообще-то и в честь нашей с тобой помолвки, Поль, я собирался объявить друзьям. А ты собираешься взять и послать это к черту. Из-за одного звонка бывшего. И он “не твой” после этого?

Собираюсь ли я? Вообще-то... Да, я собираюсь. Ну, по крайней мере мысленно есть ощущение, что эту Варламовскую просьбу действительно нужно услышать. Что-то в ней было такое. Пробирающее. Что нельзя взять и проигнорировать.

– Я приеду, – уверенно обещаю я. – Ну подумаешь, пропусти начало.

– Да ладно, какое уж тут начало. – Костя бросает быстрый взгляд на часы. – В центре сейчас ад. В студию ты доберешься часа через два. Пробудешь там час, вернешься еще через два. Пять часов, Поль. Приедешь к тому, как официанты со стола убирают?

– Кость, там может и вправду быть что-то важное, – возражаю я, прямо глядя на него.

– Может. Тогда пусть он разгребает это сам, Полин, – раздраженно отмахивается Костя.

– Меня просили приехать. Меня ждет Кирсанов, – упрямо качаю головой. – Костя, нужно съездить.

– А там окажется какая-нибудь ерунда типа романтического ужина с видом на Останкинскую башню, – зло кривит губы Костя. – Поль, серьезно, даже не думай.

– Ты спятил, да, Костик? – вдруг спрашивает Элька. – У неё контракт вообще-то. И не дай бог, там и вправду что-то случилось и нужна Полька. Думаешь, адвокаты Кирсанова будут милосердны? Они поймут и Польку, и издательство как посредника. Мало не покажется никому.

Да, у Ильи Вячеславовича такой милый обходительный характер, но такие некормленные пираньи-юристы... Мне заранее страшно отступать от контракта хоть на полстрочки.

– Езжай, Поль, – невозмутимо улыбается мне Элька. – Не волнуйся, весь торт без тебя не съедим. И я послежу, чтобы твой жених не уместил ваш свадебный загашник в бельишко стриптизерши.

Стриптизерши в торте нет, конечно, все чинно-благородно. Просто Элька угорает.

Я торопливо одеваюсь, а потом шагаю к злему как черт, Косте. Невесомо касаюсь его ладони.

Элька снова понимающе испаряется. Сокровище, а не подруга.

– Котик, – тепло шепчу я, прижимаясь к Косте. – Ну не обижайся, пожалуйста. Это работа. Это важно же?

– А я? – тихо спрашивает мой жених, глядя мне в глаза. –

Я тебе важен?

– Очень, Котик, – касаюсь губами его щеки. – Подожди...

Тянусь за сумкой, вытягиваю из неё коробочку. Черная, широкая. Еле подобрала так, чтобы влезло.

– Я хотела отдать позже и торжественно, – примиряюще и негромко говорю я, – но не хочется дарить тебе подарок самой последней.

Костя открывает коробочку. Там ключи от квартиры. Если честно, для меня это почти то же самое, что подарить ключи от своей жизни. Теперь-то я уже не побегаю. Некуда.

– Закроешь квартиру сам, ладно? – неловко улыбаюсь я. – Только нижний замок заедает немного, имей в виду.

Костя же смотрит на открытую коробочку в своей ладони, а потом поднимает ко мне лицо.

– Не уезжай, Поль, – просит он. – Останься. Забей на Варламова, пусть разбирается сам.

– Не могу. – Я качаю головой и прям вижу, как стекленеет Костин взгляд. Ну вот что это за упрямство, а? Ну тут же вопрос фильма.

Костя красноречиво молчит, поэтому я шагаю к двери в тишине.

– Можно я возьму твое такси? – виновато спрашиваю я. Хотя, почему виновато? Ну что я, сама, что ли, трэш на студии устроила.

– Разумеется, – ядовито отвечает Костя. – Поторопись, там тебя заждались.

Почему-то мне кажется, что он хотел сказать иное. Но продолжать этот спор – приближаться к крупной ссоре. И я этого не хочу совершенно.

– Увидимся в ресторане, – произношу я, а Костя снова красноречиво молчит, глядя куда-то мимо меня. Честно говоря, я думала, что мой подарок больше его смягчит. Ведь это же шаг ему навстречу. Снос последнего барьера. Я готова его принять. Ну, может не очень готова, но я хочу. А все остальное придет на ходу.

– Беги уже, – восклицает из кухни Элька, выводя меня из этого ступора.

Вздрагиваю. Срываюсь. Бегу.

Костик, прости, но надо. Я и так уже задержалась.

Но что же случилось на студии?

Глава 20. Полина

Я не буду рассказывать, насколько сумбурной была моя поездка до телецентра. Беспокойная – потому что что-то явно случилось, наполненная чувством смутной вины – потому что оставила Костю в его день рождения. Я бы тоже, наверное, от этого расстроилась. С другой стороны – ну правда же, контракт.

Когда я подхожу к кабинету Кирсанова, я замечаю, что все, кто несется мимо, почему-то именно у двери Ильи Вячеславовича начинают забирать вправо, будто пытаюсь выйти из зоны поражения каких-то орудий.

И...

Когда я подхожу ближе – я понимаю в чем дело.

Даже при хорошей звукоизоляции – раскатистый мужской рык в два голоса слышен прекрасно. Без особых слов, но чисто от интонаций уже идет мороз по коже. Там происходит война. И соваться туда страшно...

Я замираю у двери, ловлю сочувственный взгляд какой-то мимо-пролетающей девочки. Да-да, мне не повезло, я мимо пролететь не могу, мне зайти надо.

Стучу не очень решительно. Прямо даже очень нерешительно, я бы сказала.

За дверью настает тишина.

– Войдите, – раздается голос Кирсанова, раздраженный

предельно. Ой, ой. Ощущение масштабного конца света накатывает все сильнее. Захожу, пытаюсь не втягивать голову в плечи. Я ж ни в чем не виновата, вроде. А голова все равно втягивается, как у той черепахи, которая пытается спрятаться от опасности.

Атмосфера в кабинете такая, что ясно – тут творилось побоище. Хотя все, вроде, лежит на своих местах, но воздух будто высушен одним масштабным сражением.

На кожаном диванчике в углу, на котором в первую встречу тут сидели мы с Элькой, сидит заплаканная девушка и крепко обнимает красную папку в своих руках. Будто пытается за ней спрятаться.

Кирсанов и Дима – разумеется, он здесь – стоят у стола и смотрят друг на друга так, что удивительно, как они до сих пор еще живы. Кажется, орали друг на дружку именно они. Странно. Вроде как Дима говорил, что они с Кирсановым даже друзья, что за ерунда?

– Вы просили приехать, Илья Вячеславович? – осторожно подаю голос я, отчаянно не желая вклиниваться между Димой и Кирсановым.

– Варламов, сходи кофе выпей, – сквозь зубы цедит Кирсанов, не отводя взгляда от лица Димы.

– Спасибо, я не хочу, – ледяным тоном откликается Варламов. – И никуда я не уйду, пока ты не передумаешь вот так на ходу проект отправлять в заморозку.

– Дима! – рычит Кирсанов.

– Я все сказал, – Варламов подается вперед, роняя вес на ладони. – Штрафовать меня? Пожалуйста! В суд тащить и драть неустойку? Имеешь право. Уволить хочешь и порвать наш с тобой контракт? Окей. Проект не трогай.

– Да что происходит-то? – восклицаю я, силясь хоть что-то понять из их странной перепалки. – Илья Вячеславович, какой проект? Какая заморозка? Наш проект?

Кирсанов поворачивается ко мне и ощутимо смягчает в лице.

– Сядьте, Полина, – устало просит он.

Черт. Вот именно с этого обычно и начинаются самые паршивые новости. Садиться я сажусь – на диван к заплаканной девочке, а в душе уже все напряглось и похолодело.

Я прям чувствую, на каком тоненьком волоске вдруг повисла судьба “Феи-крестной”.

– У нас поперли сценарий, Полина, – Кирсанов красноречиво смотрит на Диму, видимо, чтобы ясно было, кто виноват.

Пипец.

– Кто? – вырывается из моего рта самый бессмысленный вопрос на свете. Вряд ли мне назовут имя. – И как?

– Разбили стекло у меня в машине и вытащили с заднего сиденья, – голос Варламова звучит опустошенно, – вчера на парковке у ТЦ, где ты покупала платье, помнишь?

– Но... – я запинаюсь, пока меня медленно вымораживает катастрофичность произошедшего. – Зачем ты вообще его

из студии забрал? Мы же с ним закончили работу?

– Да, Дим, расскажи, зачем? – Кирсанов улыбается, но в его улыбке ощущается ярость и жажда крови.

Выражение лица Варламова становится затравленным.

– Я предложил Алине, – он кивает на девушку, съежившуюся в углу дивана, – сделать часть её работы, чтобы кастинг на главные роли провели раньше.

– Но зачем? – опешив, спрашиваю я. Это какой-то адский бардак.

Дима смотрит на меня. Очень пристально смотрит на меня. Я аж воздухом давлюсь от этого взгляда.

– Мне было так нужно, – медленно чеканит он каждое слово, – и я не собираюсь отпираться. Кража произошла по моей вине, так что огребать должен я.

– Проблема даже не в “зачем” и “кто должен огребать”, Полина, – вмешивается Кирсанов, видимо, решив, что мы отклонились от темы. – Проблема в том, что если сценарий окажется в сети – мы можем сделать ручкой хорошим кассовым сборам. Это будет провал. Это всегда провал, когда мы не удерживаем интригу и даем зрителю сразу все.

Волосок, на котором держалась “Фея-крестная”, дрожит и трещит, грозя вот-вот оборваться.

Кирсанов уже объяснял мне, насколько паршивы сливы сценариев в сеть. По сути своей экранизации снимали во многом для моей аудитории. Именно она должна была обеспечить положительную поддержку и задать хороший старт

сборам. Это потом уже должны были подтянуться заинтересованные сторонние зрители.

Но что такое экранизация? Адаптация книги. Её не дословное исполнение. Некоторые сцены мы с Димой сокращали, некоторые убирали, некоторые расширяли и изменяли, чтобы добиться большей эффектности. И новых ощущений от фильма моим читателям уже не видать, если сценарий все-таки сольют. Не говоря уже о том, что "все не так, и книга лучше", несправедливое, но гарантированное троллье мнение, которое за время съемок прочно укрепится в головах людей и лишит нас последней надежды на хорошие сборы.

– И вы поэтому хотите... заморозить? – сишло спрашиваю я, стискивая руки на коленях.

– Хочу, – Кирсанов тяжело вздыхает, с ощутимым сожалением, – Дима предлагает делать на страх и риск, но я не могу соглашаться на заведомо убыточное предприятие. В нашем контракте есть пункт о форс-мажорах. Вот это наш форс-мажор. Проект придется заморозить, как бы Дима ни стоял на своем.

Заморозить – это для зрителей. Для всех участников кинопроизводства, заморозка – это провал, отказ, и... Фильм по моей книге не то что не увидит свет, но умрет чуть ли не в самом начале своего зарождения.

И в глазах моих щиплет от обиды. Вот почему так? Почему? Блин, да лучше бы мне вообще ничего не предлагали,

чем вот так. Окунуться в это, размечтаться, выпустить на волю детское и заветное, то, что я себе позволяла, когда еще умела мечтать, а не когда это умение мне напрочь отшибло взрослым цинизмом.

– Полина, я правда понимаю, как для вас это обидно, – негромко произносит Кирсанов, и в его голосе я чувствую искреннее сочувствие. – Но знаете, сколько спонсорских средств будет отозвано, как только будет обнародован сценарий фильма? Мы концы с концами не сведем. Абсолютно. И это будет провал, а какой смысл, зная об этом, на это соглашаться?

– Как только? – чуть вздрагивающим голосом уточняю я. – То есть еще не обнародовали?

– Еще нет, – Илья Вячеславович морщится и качает головой. – И пока не обнародовали – мы еще можем делать вид, что у нас все в порядке, но тут вопрос дня-двух. Сценарий украден вчера. Есть вероятность, что вор просто еще не нашел времени оцифровать распечатку. Может быть, они хотят, чтобы мы сценарий выкупили – это был бы еще приемлемый, хоть и поганый вариант, если, конечно, не будут сделаны копии. Но опять-таки, я уже успел навести справки – среди известных мне охотников на сценарии слухи о “Феекрестной” не ходили. Маловероятно, что удастся обойтись без огласки.

Самое паршивое в этой ситуации – нужно бы держать лицо. Хотя не хочется, хочется только разреветься. Для меня

ведь это было как маленькое чудо, я поэтому так легко ввязалась именно в съемки, мне хотелось увидеть, как мое самое заветное желание воплощается в жизнь. Я хотела увидеть рождение этого фильма от первого и до последнего кадра, а уж авторский предпоказ мне снился в самых радужных сказочных снах. И вот теперь – облом. Заморозка. И нет, разумеется, я с этого что-то поймею, формально Дима – сотрудник Кирсанова, виноват он, издательство наверняка отсудит и себе, и мне какую-то компенсацию. Но... Это деньги. Только деньги. А воплощенной мечты у меня уже не будет.

– А если ты сменишь только книгу-первоисточник? – вдруг произносит Варламов, глядя куда-то в пространство. – У Полли есть не одна пригодная к экранизации книга. Мы потеряем три недели. Но это же проще, чем тебе начинать какой-то новый проект?

Кирсанов бросает на Диму красноречивый взгляд.

– И как по-твоему я это объясню спонсорам?

– Так и объяснишь, – Дима пожимает плечами, – по вине сотрудника произошел форс-мажор, но ваши средства не пострадают, господа-вкладчики, мы уже работаем над альтернативным проектом.

– Часть откажется.

– Да брось, – рвано выдыхает Варламов, глядя в одну точку, – у тебя имя и репутация. Они же хотят получить прибыль со своих денег, не так ли? Они вкладывают в тебя, а не в конкретный сценарий. Ты приносишь бабки, Илья. Ты

сроду не вписывался в невыгодные проекты.

– Дим, что за прожектерство? – утомленно спрашивает Кирсанов. – У нас нет синопсиса, и договор с издательством Полины составлен на другую книгу.

– Я сделаю тебе синопсис к послезавтра, – тихо откликнется Дима. – Новый сценарий разработаю за две недели, без зарплаты. Убытки все вписывай в иск, взыщешь с меня же. Неужели ты не сможешь выкрутиться из ситуации?

– А какая мне выгода в этом? – емко интересуется Кирсанов. – Ты предложил мне этот проект и так налажал уже на старте. Предлагаешь мне согласиться на твой проект еще раз? И ради чего?

Что забавно, я слышу совсем не то, на чем акцентирует Кирсанов. Я слышу: “Ты предложил мне этот проект...”

Серьезно? Я это правильно понимаю хоть?

– А ты хочешь что-то конкретное? – Дима тем временем остро смотрит на Илью Вячеславовича.

– Пять лет эксклюзивного договора, – Кирсанов щурит свои темные глаза. – И половина твоей зарплаты в первые два года уходит в мой фонд на возмещение убытков. И ни влево, ни вправо, ни в какие другие проекты ты не ввязываешься, дружок.

– Предлагаешь мне влезть в твою кабалу? – саркастично интересуется Дима.

– Ты же предлагаешь мне согласиться на целую кучу проблем со спонсорами и переоформлением договоров, – хлад-

нокровно откликается Кирсанов. – Ты хочешь, чтобы у госпожи Бодлер была экранизация? Окей, я оценил этот твой порыв. Но будешь ходить в моем рабстве, раз такой кретин.

Я вижу, как твердеет Димино лицо, как обостряются скулы и сужаются глаза. Предложение ему насмерть невыгодно, это очевидно.

– Готовь документы, – хрипло выдыхает он. – Хотя я и не понимаю, на кой черт тебе такой косячащий сотрудник.

– А что тебя, уволить? – скалится Кирсанов. – Освободить от работы? Нет уж. Будешь пахать столько, что сам пожалеешь. И только на меня, потому что виноват ты передо мной.

У меня идет кругом голова. Вот, правда. И я... Я не понимаю, что в этом случае делать мне.

– То есть мы будем снимать фильм по другой моей книге? – медленно спрашиваю я.

Кирсанов, явно закончивший играть с Димой в вербальный пинг-понг, поворачивается ко мне.

– Если вы хотите, Полина, – медленно откликается он. – Вы же хотите?

Хочу ли? Я сейчас устала и, честно говоря, хочу пойти домой и выпить. А потом поспать. Я здесь минут десять, но уже успела не только офигеть, но и совершенно потерять понимание, что происходит. Голова гудит, будто там звонят все колокольни разом.

Но... Все-таки мне особенно без разницы, какую мою книгу будут экранизировать, я их все очень люблю. Жалко

потерянных недель, до слез жалко “Фею-крестную”, она не меньше прочих достойна экранизации, но... Если уж все так вывернулось...

– Я хочу, да, – отрешенно отвечаю я и устало тру виски. Боже, как мне в этом состоянии ехать на праздник вообще? Сидеть там в уголочке с кислой миной и пить за упокой несвоевременно почившей “Феи-крестной”?

– Значит, консенсус найден, – Кирсанов опускается в свое рабочее кресло и раздраженно смотрит на Диму. – Все свободны. Госпожа Бодлер, извините, что мои сотрудники так нас с вами подвели. Я вас сдернул так резко...

– Ничего, – вымученно улыбаюсь я. Господи, а я ведь только-только начала расслабляться, предполагая, что основная часть моей работы сделана, и я буду до начала съемок только изредка болтаться на кастинги. Ладно, хоть книгу в печать сдала на прошлой неделе. Можно сценарием и вплотную заняться.

“Все свободны” адресовано явно непосредственным сотрудникам Ильи Вячеславовича. Но поднимаюсь и я. Кирсанов выглядит усталым, поэтому кивает мне прощально.

Из его кабинета я выхожу последней. Успеваю заметить, как Алина замахивается на Диму папкой и что-то раздраженно ему шипит. Но, заметив меня, видимо, решает прилюдно не позориться и, зло улыбнувшись Варламову, уходит прочь.

А Дима... Дима остается. Стоит и смотрит на меня так, что на него даже орать не хочется. Виноватый по самое не

могу, виноватее выглядеть просто невозможно.

И почему-то я сама сейчас не могу сдвинуться с места. Вокруг нас по-прежнему движутся люди, откуда это ощущение, что никого на свете кроме нас двоих нет?

Глава 21. Полина

– Поль, прости, – это все, что я слышу от Димы, и на самом деле это звучит очень искренно. Такому сложно не поверить. И даже эти два слова мне не были уж очень-то нужны.

Две секунды. Два удара сердца. Ровно столько уходит у меня на то, чтобы сделать два шага к Диме и вцепиться в него с объятиями.

Не могу не обнять этого идиота! Вот как хотите!

Только обнять. Ничего больше.

Сейчас в этих объятиях нет ничего романтического, но чувства благодарности – целое цунами. Да, он кретин, да, по его вине украли сценарий, но именно он уломал Кирсанова, и именно благодаря ему у меня будет фильм. Все-таки будет. Другой, но будет.

Дурак, дурак, дурак.

Я не сценарист, но я прекрасно понимаю, что такое эксклюзивный договор. Ты не можешь работать ни на кого, помимо того, кто уломал тебя на эксклюзив. У меня такой тоже есть, с издательством. Вот только для меня эксклюзивный договор с издательством – это бонус, который повышает процент, выплачиваемый мне с каждой книги, и куча дополнительных приятных плюшек. А для Димы это значит отказ от работы с сериальщиками. Потеря приличной части дохода. Да еще и двухгодичная выплата компенсаций... Кабала

– это еще мягко сказано.

Ох, Варламов, какой же ты дурак, а!

Не знаю почему, но милейший Илья Вячеславович меня сейчас иррационально бесит. По сути – должен бесить Дима как основной виновник всего случившегося. А бесит Кирсанов. Мой любимый режиссер, ага.

Варламов стискивает меня в руках. Ух, и сильная он все-таки зараза, я чудом не пишу. Есть в его объятиях что-то отчаянное, отчего я не протестую, отчего не ругаюсь, что он зарывается. Я знаю, что ему сейчас это нужно. Он всегда тяжело принимал свои косяки, а уж такой фатальный... Самолюбие наверняка разлетелось в клочья.

В общем мужественно терплю эти варламовские клещи. И теплом топит от кончиков пальцев на ногах, до волос на затылке. И ком в горле, от невысказанных слов, которые я пока никак не смогла сформулировать.

– Может, выпьем кофе? – тихо спрашивает Дима, чуть ослабевая хватку. – Или ты торопишься? К жениху.

Последнее слово он произносит характерно сквозь зубы, но мне после всего случившегося даже не до того, чтобы отстаивать дистанцию между нами. Готова ли я прямо сейчас ехать в ресторан к Косте? Вот прямо сейчас, когда меня начинает трясти все сильнее, потому что нервы внезапно вспомнили, что они у меня не железные?

– Да, давай выпьем, – устало отвечаю я, отстраняясь. – И лучше с коньяком. И сожрать бы еще чего-нибудь.

– Шоколадное?

– Самое шоколадное, что найдем в меню.

Да-да, мои привычки и вкусовые пристрастия совсем не изменились за столько лет.

Дима улыбается краем губ. Ну хоть что-то. Он и так-то выглядит катастрофически бледным, вымотанным. Видимо, битва за судьбу “Феи-крестной” далась ему непросто. Но попереть против Кирсанова, уже накосячив... Боже, я не представляю, это насколько отбитым надо быть. Я бы, наверное, сидела как та Алина, пряталась за папочку, наматывала сопли на кулак.

В студии есть кофейня. На самом деле даже не одна, но мой кастинг прошла одна единственная, с третьего этажа. Я только на выходе из лифта понимаю, что Димка сжимает в своей ладони мои пальцы. Кошусь на его потерянную физиономию, решаю ничего с этим не делать. А пальцы чуть-чуть покалывает.

– А если этого уroda, который спер сценарий, поймать? Что-то можно исправить? – неуверенно спрашиваю я, чтобы хоть как-то отвлечься от такой деморализующей Диминой близости.

– Ну, если поймать до того, как сценарий в сеть пойдет... Если пломба на конверте не будет сорвана, то можно, да, – Дима кривится, явно не думая о воре ничего приятного, – да только фигня, Полин. Я вчера весь вечер имел в мозг службу охраны и смотрел записи. Там утырок какой-то. В толстовке.

На морде лица – очки солнечные. Откуда взялся – мы так и не поняли. Там камеры стоят очень неудачно, он вышел из слепой зоны, и сразу к моей машине.

Не то чтобы я очень надеялась, но все-таки надеялась, ага! И ужасно печально, что мои надежды обламываются.

– У Кирсанова все плохо с условиями эксклюзива, да? – тихо спрашиваю я, когда мы забираемся в уголок кофейни со своими стаканчиками кофе. – Много теряешь?

– Много, – Дима морщится. – Да еще и наверняка надбавку за эксклюзив мне пополам распилят, за то что так прокосячил. Полин, ей богу. Давай сейчас не об этом. Я уже морально почти принял, что два года буду на хлебе, воде и девяносто втором.

Ох, Варламов... Неисправимый, чуть что пытающийся прикинуться придурком, знакомый мне от “а” и до “я”, вечно стремящийся не показывать слабостей балбес.

– Спасибо, Дим, – тихо произношу я, сжимая крепче его пальцы. – Спасибо, правда. Я не знаю, зачем ты в это ввязался, зачем отстаивал фильм для меня. И все равно, спасибо. Seriously, мне кажется, ты перебрал, выбивая это.

Усталый, пристальный взгляд. Таким Дима пользовался всегда, когда я задавалась каким-нибудь вопросом, ответ на который был очевиден.

От его взгляда у меня что-то конкретно коротит в мозгу...

– Не благодари, правда, – мрачно откликается он. – Я уже один раз тебе чуть мечту не сломал. Второй раз, и снова по-

тому что я болван – это уже как-то перебор. Кому еще кроме меня этот счет оплачивать?

Я поднимаю брови.

– Один раз? – задумчиво повторяю я. – А что ты сейчас в виду имеешь, Дим?

Дима морщится сильнее, будто я задела не самую приятную тему. Серьезно, недовольство такое, будто он вспомнил, что случайно убил любимую бабушку.

– Поль, это в трех словах не описать, – медленно откликается он. Впрочем, нет, я сейчас с него слезать не собираюсь.

– Опиши в четырех, ты же у меня талантливый.

Я вижу как он вздрагивает от моего “у меня”. Я сама себе чуть язык не откусываю за это вот чудесное откровение. Блин, вот так и рвется это все. Будто и не было этих лет без него, будто мы с ним не развелись, а Дима так, за хлебом вышел, задержался где-то и сейчас вернулся.

– Поль, ты хочешь, чтобы я вслух произнес? – Дима пытливо смотрит на меня. – Хорошо. Я про то, что из-за меня сколько ты не писала совсем? Три года?

– Меньше, – поправляю я. – Около года я писала тайком. Погоди, погоди, то есть ты понимаешь, что это твой косяк? Боже, да неужели?

– Да я не сам понял, – Дима с сожалением вздыхает и отводит взгляд, – меня тогда Кольцова в это носом натыкала. Что ты отказалась от публикации. Так что... Можешь не гордиться, ни черта я у тебя несознательный.

Элька. Нет, она могла на самом деле. Она за мои интересы стоит даже упрямей, чем я сама за них стою. И все-таки... Я не думала, что Дима в курсе, вот правда. Думала, так и витает в своих эгоцентрических облаках, где он творческий и талантливый, а я – так, и борщи у меня лучше получаются. А надо же... Не только в курсе, но и оказывается, переживал из-за этого. Из-за меня...

– Проясни мне один момент, что значит, что ты предложил Кирсанову этот проект. Ты предложил ему взяться за "Фею-крестную"?

Я задаю этот вопрос, пытаюсь унять собственное сердце, которое вдруг начинает взволнованно подпрыгивать. Нужно отвлечься на разговор, хотя бы. Тем более что вопрос-то зреет, с того момента как я услышала слова Кирсанова. И... Уж больно подозрительно, что у Димы был почти готов черновик сценария к моменту заключения догора. Писал сценарий заранее? Неужели мой драгоценный решил сделать бывшей жене подарок?

Дима невесело улыбается.

– Ты об этом знать не должна была, – ровно произносит он.

Все, у меня слова закончились.

И это все для меня?

Блин, блин, блин. Мне нельзя давать этому ход. Я не могу снова увлекаться Варламовым. Я почти замуж вышла, черт меня возьми! Я так не могу поступать с Костей. Не могу. Он

два года со мной. Терпит последствия моей депрессии и зашкаливающую асексуальность моих желаний. Он не заслуживает такого предательства.

– Не проводишь меня до такси? – с трудом выдыхаю я.

Да, это побег, вы не ошибаетесь. Если я еще полчаса пробуду с Димой – я за себя не отвечаю. Так что сбежать – это разумно. Сбежать и выпить. И ни с кем сегодня на празднике не разговаривать.

Не могу сбежать просто так, хотя это и самое разумное. Ситуация не позволяет, и мне хочется еще минуту побыть с ним. Все-таки вряд ли ему сейчас кайфово. Ради меня – а это очевидно, что ради меня, – Дима согласился на кабальные условия работы. И вот так брать и сваливать от него – последнее дело. Пусть его косяк, что взял сценарий, но в конце концов, не он его украл у себя. А тот, кто украл, еще и умудрится избежать проблем и наказания. Что в этом справедливого?

Вот только беда в том, что идти рядом с Димой мне на самом деле не просто. Даже просто рядом с ним – то и дело задевая его то локтем, то пальцами, и всякий раз ощущая что-то вроде душевного землетрясения – это просто пытка.

Блин, вот она – эмоциональная заикленность во всей красе. А я реально считала, что добилась подвижек в лечении своей привязанности именно к Варламову.

Что удивительно – вот сейчас он вызывает у меня куда больше эмоций, чем даже в тот день, когда таскал меня на

руках, танцевал со мной, а после зажимал у ресторана. Тогда он меня только бесил, до трясушки. А сейчас...

Сейчас я гляжу на черную круглую пуговицу его пальто и с трудом удерживаюсь от того, чтобы не прижаться к нему, и не спрятаться в его руках от происходящего хаоса. Это всегда работало: мой заветный, мой нестигаемый был универсальным средством от моих тревог.

Если бы все решалось так просто.

Если бы можно было разрешить себе снова быть с ним.

Я не готова, вот правда. То есть я отдаю себе отчет, что возможно, даже очень вероятно, Дима относится ко мне не как к просто когда-то принадлежащей ему женщине. Возможно, не отболело и у него. Я знаю, он меня когда-то любил.

Нет, правда. У меня все было, как в хэппи-энде мелодрамы, с кофе в постель по утрам воскресенья, со страстным сексом – по ночам, в обеденный перерыв, или когда там еще на Диму нападало романтическое обострение. Он пел мне песни, он был моим летом. Жарким, солнечным летом, способным разогнать тучи на небесах одной только своей широкой улыбкой.

Ради этого я отказывалась от издательства, ради этого почти не писала, хоть это и было тяжело. Да – приносила в жертву. Но не просто так.

Думала, что не просто так.

А потом...

Потом ему со мной стало скучно.

И до сих пор больно вспоминать эти его слова. Зато какая прививка от обостряющихся эмоций.

Разве я изменилась? Ни капли. Если вдуматься, сейчас я даже еще скучнее. Живу, в основном, творчеством. Вращаюсь в своем маленьком мирке, уютной зоне комфорта, в которую много не помещается. Так что не имеет смысла давать этому ход.

Сколько он выдержит? Год? А потом что? Снова себя собирать по осколочкам? А я ведь буду, дай я этим чувствам ход – я уйду в них с головой, я это очень ясно ощущаю. Взлечу я высоко. И падать снова будет больно.

– Извини, я тебе вечер испортил, – негромко произносит Дима, когда к парковке у телецентра подруливает белая машина такси, и я по Диминым глазам вижу – он от еще одних объятий бы не отказался. И я бы, пожалуй, обняла, если бы не преодолела весь вот этот мысленный отрезвляющий путь.

– Для чего ты будешь делать синопсис? Может, тебе прислать мой издательский? – деловым тоном спрашиваю я.

– Давай завтра это обсудим, я тебя наберу, – Дима устало морщится. – Сегодня я, пожалуй, лучше посплю, голова очень тяжелая.

– Хорошо, значит, созвонимся, – киваю я. А затем... Не получается у меня просто так взять и уйти. Я быстро подаюсь к нему, и легко, почти невесомо касаюсь губами его щеки. Невинно, быстро, отчаянно ругаясь на себя за мое безумство.

И это я зря, на самом деле, потому что моя душа даже от этого содрогнулась. Сердце будто сунуло пальцы в розетку и получило хороший такой удар, на все двести двадцать.

И вижу, как замирает Димино лицо. Нет, увлечен, только увлечен. Не знаю, почему и что на него нашло.

– Спасибо еще раз, – киваю прощально, стараюсь говорить спокойно и бросаюсь в такси. Практически бегом.

А по пути лежу на заднем сиденьи машины, смотрю в темноту невидящими глазами.

Боже, вот что это было? Почему от прикосновений Кости мне и вполонину не так? Почему между мной и Варламовым по-прежнему будто протянуты тысячи раскаленных нитей, от шевеления которых летят во все стороны искры?

Почему, блин, я всего лишь мазнула Диму губами по щеке, а ощущение такое, что я уже Косте изменила, и будто даже не в первый раз. Ведь это формальность для человека, с которым у тебя более-менее приятельские отношения. Я так обнимаюсь и расцеловываюсь с тем же Пашей из издательства. Но с ним совершенно не то, с ним так не пылают от стыда щеки, не жжет безымянный палец обручальное кольцо.

Мне надо выдохнуть. Это всего лишь стресс, я выпью своих успокоительных таблеточек, съем кусок торта, и меня отпустит. Я справлялась с этим раньше, справлюсь и сейчас.

И все равно стыдно. Все равно хочется навешать себе оплеух за такое поведение. Ладно, впредь – сама нейтральность, и никаких даже таких вот формальных жестов. Я не

хочу и не буду предавать Костю. Эмоции – штука не постоянная, Костю я выбирала не ими, поэтому разум должен обладать над чувствами. У меня нет выбора. Я выхожу замуж за Костю, он поговаривает о детях, и я на самом деле очень даже "за" в этом вопросе. Никаких леваков от семьи быть не может.

Выходя из такси перед рестораном, я пытаюсь выглядеть нормально. Расскажу это Косте завтра, чтобы сегодня не портить праздник. Обидится, наверное. И про сценарий тоже завтра расскажу, не хочу, чтобы он из-за меня расстроился. Помнится, я объясняла ему, какой кипеш творится вокруг сценариев, он еще удивлялся: “Над чем там трястись, книга же – один большой спойлер к сценарию”.

В зале с накрытыми столами Кости не видно, в соседнем зале гремит музыка, я неохотно ползу туда, пытаюсь выгладить мысли и выглядеть если не радостной, то хотя бы не пришибленной.

Это сложно. Особенно с учетом того, сколько на меня свалилось за этот небольшой промежуток времени.

И выбросить Варламова из головы – сложно. Окончательно – у меня не получается уже довольно долго. Но хоть временно. Временно – выходит.

Блин, ну и где Костя? За столом его нет, на танцполе я его приметную розовую рубашку тоже не видела, ну и... Где?

Я подхожу к бару. По моим наблюдениям, если кто и в курсе, кто где находится, кто где напился, кто куда отошел

на празднике – то это бармен. Он же работает весь вечер в режиме терминатора, чтобы втюхать очередной жертве новую порцию алкоголя. У них постоянная бдительность, кажется, отдельным пунктом в договоре указана. Ну, это помимо навыков прикладной психотерапии исповедующихся алкоголиков.

– Слушайте, а вы тут именинника не видели? – нетерпеливо спрашиваю я, надеясь, что бармен в курсе, за чье здоровье тут сегодня опустошали бар.

– Вон там, в вип-зоне, – машет мне парнишка в серой жилеточке и поджигает кому-то абсент. Какая прелесть, может, и мне то же самое заказать?

Нет уж, сначала именинник, должна же я уже показаться на его глаза, да? Невеста я ему или не невеста?

Невеста.

Вот только когда я оказываюсь в вип-зоне – я замираю, пытаюсь удержаться за воздух, потому что мир под моими ногами пошатывается.

Вип-зона – отдельная комната за стильной ширмой. Темная, свет здесь вырублен сейчас, горят только декоративные неоновые полосы на стенах.

Много света и не надо, чтобы разглядеть происходящее. И чтобы опознать в двух переплетенных и суетливо двигающихся в одном едином ритме телах людей, мне многого не надо.

Этот запах... Запах секса. Именно он парализует меня.

Им тут пропиталось всё, дышать нечем.

Полумрак не мешает мне видеть. И слышать тоже не мешает. Хотя я бы лучше и не видела, и не слышала, ей богу.

Голая худощавая Костина спина... Его хриплое пыхтение. Девушка в задранном платье, выгибающаяся под моим женом. Её тихие стоны.

Такой знакомый голос... моей лучшей подруги.

Колокола в моей голове звонят все сильнее.

Кажется, именно сегодня целого в моем мире ничего не останется...

Глава 22. Полина

Мой мир замерзает быстро. Прямо скажем – махом. Раз – и душа в анабиозе.

И только нервный смешок издаю перед тем, как развернуться и вылететь из ВИП-зоны.

Видимо, этого смешка хватает.

– Полина? – голос Кости за спиной. Надо же, какая честь, отвлекся ради меня.

Он догоняет меня в первом зале, почти у дверей ресторана – чертов гардероб, вечно от него одни задержки, хватает за плечо.

В русском стиле борьбы есть такой принцип, если тебя тянут куда-то – не сопротивляйся, не трать силы. Подайся в ту же сторону и добавь от себя удар. Я подалась. И добавила...

Пощечина выходит оглушительная. В руку мне аж отдало. И голова у Анисимова сильно дернулась из-за удара. Как символично, что отвесила эту пощечину я именно той рукой, на которой его обручальное кольцо. Если бы существовала карма, я бы, наверное, этим кольцом сломала бы Косте челюсть.

Он выскочил вслед за мной, как был – полуголый. Спасибо, хоть брюки успел застегнуть. Ох, нет, надо было ему коленом, а не ладонью...

– С Днем Рождения, котик, – губы кривятся от презрения

и боли, – зря отвлекся от распаковки подарка. Не дай даме остыть.

– Ты неправильно поняла, – хрипло выдыхает Костя. Погань в том, что я по глазам вижу – он даже не пьяный. Максимум – выпил пару бокалов, но слова связывать в состоянии. Нет, я бы в любом случае это дерьмо бы не простила, но он это... Натрезво! В твердом уме и ясной памяти. Он предал меня сознательно. А сейчас пытается на чистом глазу представить, что “оно было не так, как мне показалось”.

В первый раз ли оно происходит вообще? Сколько раз Кольцова мне ворчала, что я, мол, обделяю своего мужчinkу вниманием. Уж не утешала ли? Не отработывала ли “по-дружески” за меня. Тьфу, мерзость какая, так и хочется сплюнуть. Увы, мысли не сплевываются.

– Ключи! – дыхание рваное, на длинные слова меня попросту не хватает.

– Поль, давай не будем...

– Ключи, – яростно рычу я так, что оборачиваются официантки, убирающие с праздничного стола. Поражаюсь терпению этих людей, кажется, у них по ресторану можно и голышом пробежать, всем пофиг будет.

Костя вздрагивает, торопливо вытягивает из кармана ключи от моей квартиры.

– Давай поговорим завтра, Поль, когда ты отойдешь... – умоляюще начинает он, но я не хочу слушать этот бред.

Кольцо сдергиваю с пальца резким движением, впечаты-

ваю в его ладонь и выскакиваю из ресторана.

Улица. Шумная, яркая вечерняя московская улица.

И я шагаю по ней, пытаюсь увидеть яркие краски сквозь серую пелену, заволакивающую мои глаза, пытаюсь услышать шум сквозь неутихающий гул в моих ушах.

Наверное, Костю можно понять...

Наверное.

Я знаю, в чем он может меня упрекнуть. До буквы знаю. Редкий секс, затянутое сближение. Даже к оформлению наших отношений как законных я без энтузиазма отнеслась. Но ведь он знал, что у меня огромное количество проблем с доверием после развода. Знал... И продолжал быть со мной. Зачем-то...

Боже, скажи, зачем мне больно, а? Вот почему просто нельзя взять и выдернуть это все из души, чтобы я не чувствовала всего этого душераздиранья?

Я даже не сразу поняла, что несу пальто в руках, так и не надев его. А конец марта не располагает к такой небрежности. Надеваю пальто, но теплее мне не становится.

Холод идет изнутри...

Такси вызываю через приложение. Не хочу сейчас говорить ни единого слова. Горло будто забито ледяными шипами. Скажи слово – и захлебнешься кровью..

Сижу. Жду. Растираю холодеющие пальцы. Смотрю вперед, пытаюсь разглядеть смысл своей жизни в пустом мартовском воздухе. Что-то у меня с тем смыслом жизни опять

перебои в поставках...

Я ведь верила в эти отношения. Да, без гормональных бурь, очень спокойные и ровные, но в именно в них я и видела свое будущее. Сколько я знаю пар-друзей, сколько я им завидовала – не описать даже. Ну, после развода, конечно. Когда мне искренне казалось, что без чувств – лучше, чем с ними.

Чувства... Я помню те чувства, сильные, крышесносные, боже, да у меня до сих пор слишком много екает в сторону Варламова, чтобы я этому доверяла. Я бежала от этого.

Я хотела умеренное, спокойное, и вот оно... Дохотелась...

И почему, как я ни попытаюсь создать семью – все выходит через пятую точку?

– Девушка, девушка, это вы такси заказывали? – орет кто-то над ухом, и я запоздало вздрагиваю, кошусь на дисплей телефона. Капец. Три минуты как подъехал, уже, кажется, избибикался весь, а я тут... В прострации.

Дорога вся смазывается в один серый монотонный миг. Таксист о чем-то рассказывает, а я его не слышу, я просто пытаюсь понять – зачем люди вообще разговаривают? Бессмысленное же занятие. Столько вранья происходит благодаря всей этой болтовне.

Я не умею плакать. На самом деле иногда мне жаль, что это так. Яз тех женщин, которые не могут из себя выдавить ни слезинки, даже когда очень хочется. Буду ходить с прямой спиной и неподвижным лицом, но не всхлипну ни ра-

зу. А внутри буду очень хотеть, чтобы меня закопали заживо. Потому что даже это не так мучительно, как вся эта соковыжималка.

Мой жених. Моя подруга.

Бывший жених и бывшая подруга...

Как в сериале, ей богу.

В моей жизни мало близких людей. Потеря сразу двоих из самого ближнего круга – невосполнимая потеря. Как будто руку и ногу разом отрубили. И сразу вдруг стало много пустого места в душе. Чем заполнять? Кем?

Как дальше жить без Эльки, с которой я не расставалась с детства?

Куда идти без Кости, к надежности и обязательности которого я так привыкла.

Когда ты чертова медийная личность – всегда ценишь тех людей, которые интересовались тобой до того, как твое имя начали по три тысячи раз вбивать в поисковике. Кто у меня такой был? Костя, с которым я общалась еще юным, только пошедшим в печать автором? Элька, которая видела мои тексты, когда их было еще опасно людям показывать? И вот их нет... Предали!

В своей квартире я долго сижу прямо на полу в прихожей и гляжу в темноту квартиры.

Встаю, переодеваюсь, вешаю платье в шкаф. Задумчиво скольжу пальцами по гладкой синей ткани.

Какая символика... Нет, все-таки плохая была идея поз-

волять Варламову и выбирать, и покупать мне это платье, предназначенное для праздника другого моего мужчины.

Хотя... Хотя, может, и не так все плохо...

Ловя себя на этой мысли, я издаю нервный смешок.

Да уж, лучше так поняла, что нет, не стоит мне цепляться за Анисимова.

Хорошо же, двумя Иудами в моей жизни меньше, так?

Встаю, включаю свет, достаю из шкафа глубокую сумку.

Все равно сейчас не усну, руки просят чем-нибудь заняться, так хоть избавлюсь от вещей этого... персонажа.

На самом деле я лохушка. Почему мне для того, чтобы что-то понять, обязательно дать обухом по голове?

Почему Варламов может понять, что ему нужно, может вышвырнуть Верочку с вещами из своей квартиры, вычистить страничку в Фейсбуке от фоток со своими бабами?

Почему я на все доводы моей интуиции, на все противление души так и не решилась выставить Анисимова сама?

Можно ли сейчас назвать интуицией то, что два года я так упорно не могла впустить Анисимова в свою жизнь? Я ведь пыталась, правда. Сколько внутренней борьбы было проделано, но уступки у себя удалось выбить минимальные. Даже это решение о росписи, о том, что надо съехаться, далось мне с огромным трудом. Мне все сильнее начинало казаться, что я сбегу из ЗАГСа во время росписи. Казаться-то казалось, но я по-прежнему надеялась, что все обойдется. Что это – простая притирка, она же у всех бывает, так ведь?

Боялась быть одна? Да, я боялась. Очень. Я помню несколько одиноких лет после развода. Первый – самый черный, и два других, которые я прожила только потому, что писала как заведенная. Просто потому что вокруг меня были мои герои, они говорили со мной, не давая окончательно уйти в депрессию.

А потом – появился Костя. И оказалось, что можно писать до трех часов ночи, а потом нырять под одеяло, в теплые руки, и засыпать, усталой и спокойной.

Я скучала по этому. У меня это было, когда-то, давно, вечность назад, когда у нас с Димой все было еще хорошо. Я скучала по самой себе, по историям и чувствам, льющимся из-под пальцев. По всему, от чего отказалась ради Димы когда-то. И по теплым мужским объятиям я тоже очень скучала.

Хотя, я ведь ощущала, что что-то не то... Мы с Костей будто играли в кубики, вместо того чтобы строить что-то из настоящих кирпичей. Все было чинно, благородно, но так игрушечно, аж до тошноты.

А ведь просто надо было принять, что Анисимов – не мое. Мне ведь не нужен был мужик, способный изменить мне с моей лучшей подругой. О какой семье с таким может идти речь?

Да, холодно от этого. Да, пусто быть одной.

Но лучше одной, чем вот так, с предательствами в результате.

Его нет. На самом деле я боюсь, что он заявится, я до смерти не хочу скандала и выяснения отношений. Нет, разумеется, я не боюсь передумать. Я слишком стара для того, чтобы передумывать в таких вопросах. Я быстрее позвоню и вызову Варламова, уж он-то точно не упустит возможности вышибить Анисимова из моей квартиры. Но все-таки Кости нет. Может, он проникся моей эмоциональностью и понял, что у нас все, может, решил, что “утро вечера мудренее”, и надеется, что утром я напугаюсь одиночества и передумаю.

Ага, сейчас!

Наверное, лучше складывать вещи кое-как, чего с церемониться, да? А я все равно практично складываю рубашки, как надо, чтобы не мять особо.

Вещей на самом деле не так уж и мало. Костя, как спрут, будто специально натаскивал в мою квартиру вещь за вещью, будто занимая мою территорию. А я не хочу ничего его в своей квартире. Даже зубной нити, даже салфетки для протирки очков.

И все-таки сумки хватает. Хорошо.

И как кстати он оставил у меня ключи от своей машины...

Сумка тяжелая, я даже самоубийственно суюсь с ней в лифт – когда я заканчиваю сборы, уже четвертый час ночи и, естественно, людей, шастающих в это время на улицу, очень мало. Я такая одна, прямо скажем.

Слава богу, лифт не застряет. Честно говоря, после того случая в школе искусств бояться я стала сильнее, и сегодня

тут точно не будет Кашпировского-Варламова, который мне покажет трюк с проникновением в кабину застрявшего лифта. Реально, даже со второго этажа мне спустить это сложно.

Анисимовский серый Вольво противно пищит, когда я отключаю сигнализацию. Хотя мне сейчас все противно, и этот серый цвет, и марка машины, и даже сочетание цифр на номере. Нажимаю на замок на багажнике, открываю его, чтобы швырнуть в него сумку.

И замираю, глядя на одну только вещь, лежащую на дне багажника.

Желтый конверт. Плотный набитый конверт формата А4.

Опускаю сумку с вещами Анисимова на асфальт, достаю из кармана куртки телефон.

Три гудка. Ровно столько потребовалось Диме, чтобы ответить.

– Милая, – сонно покашливает он в трубку. – Доброе утро, конечно, рад тебя слышать, но ты в курсе, сколько сейчас времени?

Четыре часа утра. Без четверти. Но это не важно.

– Как быстро ты ко мне приедешь, если я скажу, что держу в своих руках сценарий Феи-крестной? – медленно произношу я. – Пломба не сорвана, кстати.

Судя по грохоту с той стороны трубки, Дима от этой новости аж с кровати упал.

Глава 23. Полина

Костя приезжает к восьми.

Несусветная рань, на самом деле, но на работу ему к десяти, и нужно забрать машину. И он наверняка рассчитывает поговорить, а на это тоже требуется время.

“Как обычно” звонит в домофон, как обычно я ему открываю. В последний раз.

Заходит, поправляя очки, и при виде меня, стоящей в прихожей, засовывает руки в карманы. Дома он явно был, по крайней мере, одет не во вчерашнее. На шее пламенеет за-сос.

“Пост сдал – пост принял” просто. Пионер Кольцова заступила на свою эротическую вахту. Так и хочется мысленно сказать: “И тебе привет, подруга”, еще бы она услышала.

– Привет. – Костя пытается выглядеть независимым, – Может, чаю выпьем?

– Нет. – Я пожимаю плечами. – Твои вещи в твоей машине. Бери ключи и свободен. Чай со мной гонять тебе незачем.

– Поль, ну зачем так рубить с плеча? – Костя морщится, будто все происходящее – моя истерика на пустом месте. – Ну извини, не сдержался вчера. Это не повторится.

Нелогично, но я сейчас чуть-чуть сочувствую Эльке. Насколько я её знаю, для неё секс – это все-таки знаковое событие. А тут “не сдержался” и “не повторится”. И вот смот-

рю я на этого “мачо”, с которым провела два года, и думаю – кажется, кобелимость от внешних данных совершенно не зависит.

Ну, вот Варламов – по морде лица типичный же смазливый потаскун, но... Но во время наших с ним отношений, я не то что не подозревала – он мне даже повода не давал. Seriously. Чего стоила одна только вечно забытая, оставленная “на распашку” страничка в соцсети – а было время, когда ноутбук у нас с ним был общий на двоих. Никаких тебе дурацких переписок в телефоне, разговорчиков втайне от меня, или контактов, забитых как мужики – а берешь трубку, пока благоверный выскочил в магазин за молоком – а там женщина томно: “Милый, я скучаю”. Не-а. Вот ничего из этого. С Димой я могла себе позволить быть наивной и по уши влюбленной. Хотя я повторяю, Варламов у нас числился первым красавчиком на факультете. Что нашел во мне – история умалчивает, его проблемы. Потом он развелся, потом пошел по бабам, но это было уже потом, до развода мне его упрекнуть не в чем.

А тут... Я же выбирала не то чтобы от противного, но... Strongly усредняя свои требования ко внешности, и исходя из золотого правила “нормальный мужик – это тот, который чуть симпатичнее обезьяны”. Нет, Костя не был уродом, он был нормальный. С некоторых ракурсов его можно было назвать даже очень симпатичным. Обычный такой деловой мужчина, вполне самореализовавшийся. Но...

Вот сейчас, когда я злая – я четко могу прописать, почему Варламов оценил его именно как унылого. Потому что, серьезно, я не могла себе представить, что именно Костя возьмет и изменит. Предаст меня, стоя на пороге нашей семьи. Все-таки в моем понимании неверность обычно цеплялась за какую-то ярко выраженную внешнюю привлекательность. Наверное, просто от обиды на Варламова к этому выводу пришла. И нет, оказывается нет, оказывается – это все не связано.

– Знаешь, если бы ты пришел и сказал, что так вот вышло, и тебе хоть и стыдно, но хочешь попробовать с Элькой, потому что понял, что мы не пара – я бы тебя заважала, Кость. – Я вижу, как по его лицу пробегает гримаса недовольства. – Но такое... Знаешь, даже неприятно, что я провела с тобой два года.

– Ну, как провела, – Костя неприятно кривит губы. – Ведь ты не скажешь, Поль, что у нас все как надо было, да? Как мужчину ты же меня не уважала, так ведь?

Ну да. Конечно, не уважала. Столько загонялась из-за эмоциональных реакций на Варламова, столько переживала из-за собственного скатившегося в ноль либидо и не уважала. Блин, сколько я тайком врачей прошла за эти два года, надеялась, что проблемы гормональные и решаемые. А нет, психосоматика, больше ничем вот это мне объяснить не смогли. А я, дура, не хотела менять Костю на другого мужчину, только потому что он не сносит мне крышу.

– Ключи на зеркале, Кость. – Я не удерживаюсь от зевка – после бессонной ночи меня одолевала усталость. – Я тебя не задерживаю.

Интересно, уйдет или не уйдет? Понадобится или нет окликать его у двери?

Костя забирает ключи, но не уходит, останавливается напротив, пристально смотрит на меня. Будто даже с жалостью какой-то.

Не уходит...

– Не боишься? – с ленцой спрашивает Костя. – Не боишься остаться одна, а, Польша? Тебе уже тридцать. Разведена. Сексом не интересуешься, удовлетворить мужика не можешь. К бездетности есть вопросы. Ну и кому ты нужна?

Я даже не успеваю прочувствовать это оскорбление в каждой его “восхитительной нотке”, Дима появляется за моей спиной как будто материализуется из воздуха.

– Ты поаккуратней шевели языком, унылый, его ведь и вырвать могут.

– Ты зачем вышел? – хмуро уточняю я, поворачиваясь к нему. – Я просила в спальне побыть.

Ну, хотя бы первое время просила. Я прекрасно знала, что ухода Кости он дожидаться не будет, не за этим он торчит у меня тут уже три часа.

– Прости, милая, но там мне без тебя одиноко и тянет на раздевание, – ухмыляется Варламов, а потом придвигается ко мне еще ближе и даже клешню мне на плечо покрови-

тельственно кладет. И черт с ним, пусть кладет, вот свалит Анисимов, вот тогда и дам Диме в лоб, потому что борзеет космически. Но сейчас... Сейчас его ладонь на моем плече будто прикрывает меня невидимым, но твердым щитом, защищающим от враждебности и хамства Костика.

Костя при виде Димы становится нежно-зеленьким. И лицо сразу становится каким-то брезгливым.

– И ты, ты читаешь мне морали, Полина? – возмущенно восклицает он. – Мы с тобой даже не поговорили толком, а твой бывший уже в твоей спальне находится?

Ага. Сидит на кровати. Должен был сидеть. И в какой из двух ягодиц у Варламова шило? Хотя, есть ощущение, что в обеих, я именно эти три часа пыталась его убедить свалить уже наконец домой и отвезти в студию сценарий. Не-е-ет. Дима хочет крови. Я её не хочу, на меня все сильнее накапывает апатия, но остановить Варламова может только носорог, несущийся наперерез. И с тем этот упрямец скорей всего попробует пободаться.

По опыту семейной жизни скажу – удержать Варламова на месте можно, только если прибить его, лежачего, за одежду к полу гвоздями, по всему периметру тела. И это – сработает. Ненадолго.

Впрочем, чего я точно не хочу, так это оправдываться перед Костей. Поэтому я чуть улыбаюсь и придвигаюсь к Диме ближе, даже прислоняясь спиной к его груди, наслаждаясь багровеющим от ярости лицом Анисимова. И пусть думает,

что хочет, вот реально плевать.

Да, я мстительная. И мелочная. Но не передать словами, как у меня сейчас душа истекала кровью, от всего того, что происходило.

Костя украл сценарий. Едва не лишил меня фильма. И такое ощущение, что ему реально было плевать на то, как последствия его действий ударят по мне.

Я ему доверяла. Я доверяла Косте. А он поимел мое доверие самым поганым образом. Причем даже не один раз. И смотреть сейчас на него было противно и больно.

– Какая же ты... – разъяренно шипит Анисимов, но Дима за моей спиной угрожающе напрягается, и Костя давится воздухом. Сейчас я ясно понимаю, что решить конфликт с Димой в открытую Анисимов бы не решился. Он боится Варламова. Хотя не такая уж и большая у них разница в весовых категориях. И сейчас Варламов, злой как черт, взведенный как пружина и с брезгливым любопытством разглядывающий Костю – кажется, пугал Анисимова еще сильнее.

– Покаяться на дорожку не хочешь, Константин? – не удерживается и с вежливым презрением интересуется Дима, а потом тянется к боковому стеллажу и достает оттуда желтый конверт. По сути это должна была сказать я, но у меня сил не хватает.

Если до этого Костя был зелененький, то сейчас он становится серенький. Прямо человек-хамелеон. Даже не думала, что он так умеет.

– Откуда ты... – Анисимов даже отступил на пару шагов к двери, будто намереваясь дать деру, а потом глянул на свои ключи, взятые с зеркала, и на меня. Понял. Глаза его превратились в злые щели. Даже не думала, что он вообще способен вот на такое выражение лица.

– Как ты мог? – не удерживается у меня на языке эта вопиющая банальность. – Ты хоть понимаешь, сколько неприятностей устроил?

Костя пожимает плечами. Ему досадно, что это выплыло наружу. И только-то?

Я вчерашний вечер и разговор с Кирсановым вспоминаю, и меня передергивает от тех незабываемых ощущений, когда замаячившая на горизонте мечта вдруг взяла и впала в кому на моих глазах, а Костя... А Косте обидно, что его поймали с поличным.

Вот говорила Диме, что надо было вызывать полицию и оформлять этого красавчика по всем правилам. Глядишь, и Илья Вячеславович подоспел бы со своим иском, переадресованным теперь уже прямому похитителю сценария.

Мне в пять утра мстительности и злости вполне хватило на это предложение. Варламов же кровожадно улыбнулся и сказал, что обойдется “без ментов”. Я пыталась оспорить, но у Димы было чем отбиться. Самым убедительным аргументом для меня стало, что сценарий заберут как вещдок, и поди потом заведи его, а ведь он нам нужен.

– Как я мог что, Полин? – тем временем едко переспраши-

вает Костя. – Как я мог сделать что-то для увольнения твоего бывшего из твоего проекта? Вообще легко, знаешь ли. Как увидел его тачку на парковке у ТЦ – так и решил. Думал, просто стекло разбить, меня от его тачки уже тошнило – он ведь уже неделю под нашими окнами терся. А там сценарий на заднем сиденье. Я же видел у тебя этот конверт, сразу понял, что это.

А я еще удивлялась, почему это Костя меня на неделе регулярно утаскивал из спальни, в углу которой я работаю, да еще и примерно в одно и то же время.

И какое же "дивное" у Костика оправдание. Такое убедительное, прям. Решил нагадить Варламову, невзирая на то, что осколками бы непременно задело меня. Ведь он не мог не понимать, что аукнется и мне. И... Плевать ему было на то, что этот фильм мне безумно важен, что я его ужасно хочу.

А что там еще было, в этой анисимовской "речи"? Дима? Терся под моими окнами? Блин, Варламов, человек сюрприз. Ладно, с Димой разберусь позже. Тем более что сейчас он не удерживается на месте, впихивает мне в руки конверт со сценарием, в три шага преодолевает расстояние, отделяющее его от Кости и сгребает моего бывшего жениха за грудки.

– Пойдем-ка поговорим наедине, Константин, – тихо рычит он. И почему мне кажется, что в его голосе я слышу еле сдерживаемую кровожадность? Такое ощущение, что Варламов очень давно терпел, а теперь получил повод...

– Дим, не надо, – пытаюсь слабо возразить я. Я же пони-

маю, к чему дело идет. И сейчас мне брезгливо думать о том, что Варламов будет марать руки вот об... Это.

– Не мешай, Полин, – Дима раздраженно дергает головой. – Это наше. Мужское. Хоть и именовать этого сопляка мужиком мне оскорбительно.

– Дим...

– Не волнуйся, все останутся живы, – лучезарно скалится Варламов, чуть поворачиваясь ко мне. – Я всего лишь нежно спущу твоего бывшего женишка с лестницы и дам ему хорошего пинка на дорожку. Все остальное – увы, уголовно наказуемо.

– Дим, – последний раз пишу я, просто потому что кроме слов у меня других инструментов воздействия на Варламова и нет вовсе.

– Я сейчас вернусь, Полин, – тихо обещает мне Дима и выпихивает Костю из моей квартиры, благо дверь так и осталась незапертой.

“Я сейчас вернусь”, – казалось бы, какая наглость. Ты кто мне, мальчик? Всего лишь бывший муж? Что ты, думаешь, что я тут без тебя умру? Да, именно так взъелась бы я на эту фразу каких-нибудь пару недель назад. А сейчас...

Сейчас мне, уставшей и задыхающейся от тоски мне, были нужны именно эти слова...

Глава 24. Полина

– Отвали.

Я бы и рада не слышать Костин голос и его переругивания с Димой у подъезда, но у меня второй этаж. Я все равно слышу. Ну, конечно, я могу уйти из спальни, окна которой выходят во двор. Я могу закрыть окно, в конце концов, стеклопакеты хорошо изолируют от таких звуков.

Я могу и с подоконника слезть, ибо ну на кой черт мне наблюдать за расправой над моим бывшим? И все же, почему-то я сижу именно тут, и хоть и делаю вид, что совершенно не заинтересована в происходящем, но во двор все равно кошусь.

Из подъезда Дима выводит Костю с заломленной рукой. То ли Анисимов дозрел до того, чтобы все-таки полезть в драку, то ли он попросту попытался вывернуться из Диминой хватки и свалить по-быстренькому – и Варламов так удержал его на месте. Почему мне так верится в последний вариант? Ну, Костя и до этого не особенно проявлял браваду и желание с кем-то сцепляться.

– Отвали, – мы ведь закончили на этой реплике, да?

Именно её выдает Костя, когда они с Димой оказываются на улице. Вскрикивает, дергается, но... Вырваться из терминаторской хватки Варламова непросто, я представляю.

– Отвалить? Да пожалуйста. – Я слышу в голосе Димы

нешуточную издевку. Он “отваливает” выпускает Костю, добавляя ему инерционный легкий удар коленом под копчик. Анисимов пролетает несколько шагов, но на ногах удерживается.

Вообще я девочка, и все такое, я должна по идее сейчас вообще сидеть на кухне и пытаться делать вид, что ничего не происходит. Зачем бы мне смотреть на драку, да?

А я смотрю. И если честно, испытываю легкое мстительное удовольствие, наблюдая, как Варламов удобно встает между Костей и анисимовским серым фордом, и не дает ему подойти.

Это выглядит так по-детски, по мальчишески, будто драчливый хулиган, не пускающий отличника к двери в класс, – и я прекрасно понимаю, что так Варламов над Костей издевается. Он тупо не держит его за взрослого мужика, и потому устраивает эти детские пляски.

Они разговаривают. Причем Дима-то, кстати, говорит что-то вполголоса. Вроде и не смотрел в окна, а будто чувствует, что я смотрю и слышу.

– Ну и забирай себе свою фригидную, – Воскликает Костя. Вот он-то голос не сдерживает. А у меня в глазах темнеет.

Да, это оскорбительно. Хоть и правда, отчасти. Но есть что-то невыносимо мерзкое в том, что он сказал это именно Диме. Почему-то именно эта мысль доставляет мне больше всего неприятных ощущений. Что именно Дима воспримет

эту фразу всерьез. И что она его отпугнет...

Да, у нас с ним по-другому. Было! Кучу лет назад. А мне же и правда уже четвертый десяток капать начал, и любой молодой да ненасытной феечке я точно проиграю. А секс в отношениях – это важно. Вон даже по Анисимову видно, а уж Димины аппетиты сильнее раза в три. И уж от него-то я бы вечером не смогла бы отмахаться тем, что работаю. Супружеский долг в браке в моем случае всегда спрашивался и отдавался без просрочек. И нет, я на это не жалею, вспомнить на самом деле приятно, но от того еще более тревожно.

Все-таки, что если услышит? Если решит...

Блин, Полли, вот правда, что в твоей голове? Ты еще толком с одним не рассталась, а мысли уже выворачивают не в ту сторону. Нет, тебе вообще сейчас не нужны отношения. Тем более – отношения с Варламовым. Тебе бы побыть в тишине, подумать, прикинуть, что делать дальше. Ведь серьезно, очень многое из планов на жизнь откладывается из-за разрыва с Костей. И самое последнее, что ты можешь сделать – броситься на шею первому попавшемуся Диме.

Когда я снова фокусируюсь на происходящем у подъезда – я понимаю, что много пропустила.

Костя держится за левый глаз, а Варламов встряхивает кисть руки, будто стряхивает с неё грязь. Ну, по крайней мере, именно так я и трактую. Мне хочется. Я злая сейчас, как кобра.

Я не вижу Димино лицо, увы. Я бы хотела, на самом де-

ле. И снова не слышу, что он говорит, но когда он шагает к подъезду – точно вижу, как Костя смотрит в его спину, явно прикидывая, не налететь ли “с тыла”.

Блин, вот серьезно, оставил бы мне хотя бы что-то доброе и хорошее на память, а то я теперь, анализируя эти отношения, буду только морщиться, вспоминая вот это некрасивое, неприятное расставание. Хотя совестью я теперь точно буду мучиться меньше. А что плохого в том, чтобы быть фригидной рядом с таким вот мужчинкой?

Ох, и осатанела я после развода, застервозилась.

Но в груди по-прежнему ворочается слежавшийся плотный болезненный ком, а в глазах все так же сухо, и хочется плакать. Но не по Костику мне лить слезы, ей богу. Не хочу.

Еще из-за Эльки можно, но и то, если хорошо подумать. И то – нет.

Анисимов все-таки догоняет, что нападение со спины ему все равно аукнется фонарем и под вторым глазом, торопливо бросается к своей машинке, уезжает еще до того, как хлопает дверь моей квартиры.

Дима вернулся.

А я стою как вкопанная у окна своей спальни и не двигаюсь с места. Не могу. Ноги будто приклеились.

Моя гора не ждет Магомета, моя гора является ко мне самостоятельно.

Является, встает за спиной, опускает руки на мои плечи, ободряюще сжимает на них свои пальцы. Окутывает меня

самим собой будто теплым облаком спокойствия. Блин, вот не должен он у меня таких реакций вызывать. Не должно быть мне спокойно с ним.

– Ну, как ты, Полин? – Дима осторожен, как ныряльщик к акулам. А я беззвучно дергаю плечом, потому что вербально описать то, что сейчас творится в моей душе, довольно сложно.

Как я? Оглушительно вдребезги. Вот как.

Подруга предала, жених оказался лютым мудаком, и вот сейчас самое первое мое желание – взять за грудки бывшего мужа и потащить его на кровать. Зря, что ли, в спальне стоим, да? Чтобы знал, что не фригидная я ни разу. Для него – нет. И вот что это за умопомрачение такое?

Я не знаю. У меня, между прочим, второе расставание в жизни. И в первое, по техническим причинам, бывшего мужа рядом не было. А на других мужчин мне смотреть было тошно. Потом стало чуть менее, и вот. Только получила лишнее доказательство того, что все-то я тогда ощущала правильно.

И век бы с мужиками не связывалась, да только без них семью не построишь. А хочется ведь.

– Зря ты слушала все это, – замечает Дима, и мне становится неловко, от недоверчивых мыслей в его сторону.

– Ну почему зря, – я болезненно улыбаюсь, разворачиваясь к Диме. – Зато теперь знаю, на кого потратила два года своей жизни. И не буду обманываться на его счет.

– Злопамятная? – Дима улыбается краешком губ.

– Ну, “скучная” от “фригидной” недалеко ушла, как думаешь?

Когда я разворачивалась, Диме пришлось с моих плеч руки убрать. И это мне чуть-чуть облегчило близость к нему. Но сейчас он делает хуже, чем было – подается вперед, упираясь своими ладонями в подоконник по обе стороны от меня. Еще ближе. Еще хмельней.

И все сложнее не двинуться к нему, не уронить голову к нему – хотя бы на плечо.

– Поль. Я тогда кретин был, – с тихим и таким искренним сожалением вздыхает Варламов.

– Что-то изменилось? – иронично поднимаю бровку я.

На самом деле это бессмысленная шпилька, я знаю, что изменилось все. И я, в том числе, а он – тем более. Все-таки личная неуспешность вредна для человека, особенно для такого амбициозного как Варламов. Вот и его тогда, в нашем с ним браке, это отравляло. Отравило и меня, мы же были как два сообщающихся, сросшихся сосуда.

Он просто смотрит на меня с тоской, а я хочу его убить, вот правда. Я столько бастионов возвела против того, чтобы так безнадежно теряться, когда вижу его, так старательно пестовала ненависть к нему, чтобы что?

Чтобы вот так стоять и обмирать?

Чтобы даже дышать через раз, будто какая-то малолетка?

Но, блин, какие же у него красивые глаза. Серые, цвета но-

ябрьского неба. Я всегда поражалась, как он, при всей своей энергичности и неумности, такой летний – и с такими осенними глазами. Такой острый контраст внешности и души.

Вот целовать Диму – все равно, что целовать солнце. И вкус у него действительно летний, и жар растекается от губ к кончикам пальцев на ногах. Можно ли ловить губами тепло? Можно. Я вот сейчас ловлю. И только одна мысль в голове.

Как же я без него замерзла...

И до мурашек сейчас, когда он просто меня целует. До мурашек, до восторженного трезвона по всем душевным колокольням.

Самое паршивое, что мне нужно остановиться. Ведь он-то не остановится, ему-то втемяшилось, я знаю. Но кто-то должен.

С одной стороны, что мне сейчас мешает просто наслаждаться этим? Ведь мне хочется, хочется снова называть его своим летом, снова прогреваться солнечным жаром его поцелуев.

Нету уже Кости, есть только саднящая пустота в груди, хоть я и знала, что с Костей у меня далеко не самые сказочные отношения. Но все. Нет его, мне можно не стыдиться, что от прикосновений бывшего мужа я так немыслимо дурею. Я знаю, если дам ему шанс, с ним мне будет хорошо. Как ни с кем. Потому что дура. Потому что до сих не смогла вырезать свою первую любовь из души. И вот он тут, вот оно, его место, и нам уже никто не мешает.

И все же неприятный червячок точит сердце в моей груди.

Надолго ли возвращается в мою жизнь это мое лето? Мне сейчас плохо, я себе поддаюсь из-за этой тоски, из-за пустоты, потому что сразу два близких человека меня предали.

И что будет, если я поддамся этому наваждению до конца, снова утону в нем, а потом... Что будет потом, если он со мной опять наиграется и снова захочет пойти поискать себе кого повеселее? Сколько целого и живого от меня останется?

Да, вырезать любовь к Диме я из сердца не смогла. Но и простить его не смогла тоже.

И все же, даже осознавая это, я тяну. Как можно дольше тяну, откладывая расставание с его губами. Захлебываюсь своим летом, пытаюсь напиться им впрок. Господи, да было бы только это возможно...

И даже попытавшись наглотаться им до горлышка, поцелуй ярываю все равно с горечью. И Дима не настаивает на продолжении, но не отодвигается, сведя расстояние между нами к минимуму. И стоит, прикрыв глаза, тяжело дышит, как будто пробежал километров пять в спринтерском темпе. Касается дыханием моего лица.

– Тебе, наверное, нужно отвезти сценарий в студию, – тихо произношу я. И мне хочется зажмуриться, но приходится держать лицо. Я ведь знаю, что именно сейчас это может быть воспринято как удар под дых. Что греха таить – это я первая потянулась за этим поцелуем, дала Диме этот аванс.

– Ты хочешь, чтобы я уехал? – прямо спрашивает Дима,

пытливо глядя мне в лицо. И это на самом деле жестокий вопрос.

– Слишком много произошло сегодня, – уклончиво качаю головой я, – и я не хочу сейчас принимать необдуманных решений.

Дипломатичный ответ. И неприятный. Но на прямой ответ я сейчас не способна.

Я ведь хочу, чтобы Дима сейчас остался.

Но точно знаю, что если он останется сейчас, сама я уже от него отказаться не смогу. Прирасту к нему и буду каждое утро просыпаться в страхе, что именно сегодня он бросит меня снова.

И что правильного в том, чтобы, только-только распрощавшись с женихом, тут же нырять в отношения с бывшим мужем?

Правильного – ничего. И лучше я скажу “Нет” сейчас.

Прочитать лицо Варламова сейчас очень сложно, и мне кажется, что он разочарован, но мгновением после его губы невесомо касаются моего лба.

– Хорошо, милая, – мягко замечает Дима, – я тебя торопить не буду.

Кажется... Кажется, слово “нет” мне следовало говорить как-то иначе... Потому что он меня понял совершенно не так, как надо.

Глава 25. Полина

Утром, перед тем, как ехать на пробы актёров, претендующих на роли первого плана, меня ждет сюрприз.

Я, еще не выползшая из теплого плена одеяла, получаю в вайбере голосовой месседж от абонента, которого собственноручно с любовью подписала одной только буквой “Д” – с намеком и на имя, и на ругательство.

“Такси не вызывай”.

“В смысле? А как я в студию попаду? Телепортируюсь?” – с любопытством надиктовываю я. Не думала, что Варламов настолько верит в чудеса и магию.

“Весна моя, какая ты у меня недогадливая”, – прилетает мне тут же мессендж ехидным Варламовским голосом, и только сейчас я понимаю, что вообще-то слышу у него на фоне гул мотора. Холмс понял суть!

“Дим, не надо за мной заезжать, я сама доберусь”.

“Я уже подъезжаю”.

И голос такой... Варламовский! Бесстыжий, смеющийся голос.

Дурак. Вот вам истинное значение этой дурацкой буковки. “У меня”, “моя”, и это уже не обращая внимание на сентиментальную “весну”. Вот умудрилась же я когда-то выйти за этого наглого типа замуж. Еще и влюбилась ведь... Дура.

Был бы этот болван под моей рукой, дала бы по голове

подушкой.

Ну, да, я еще из кровати не вылезла. Валяюсь. Отхожу после плотной рабочей ночи – билась над корректировками редактора к сданной книге. Между прочим – непросто это, привести книгу к соответствию моим требованиям и требованиям редакторов одновременно. Непросто, но полезно!

Эх, одеяло такое теплое, такое уютное... А надо подниматься, потому что если Варламов подъезжает – неплохо бы хотя бы из пижамы во что-то приличное переодеться.

Прошла неделя со дня рождения Анисимова, закончившегося таким эпичным образом, когда я осталась без лучшей подруги и без жениха. Ну, зато с фильмом, да?

Честно говоря, расставание с Анисимовым я переживала спокойнее, чем ожидала. Дышать стало легче, бояться стало нечего, но иногда вспоминалось “Кому ты нужна” и “Фригидная” и становилось грустно.

А Элька... Элька исчезла. Просто, без слов, без звонка. Курьер из издательства привез мне заявление на расторжение договора оказания услуг литагента Эльвиры Кольцовой. Которое я, разумеется, подписала. По договору – она по-прежнему получала процент с продажи предыдущих моих книг и той самой, что сдавалась сейчас, а вот дальнейшие мои продажи были лишены этих её комиссионных. Нет, сейчас, когда имя у меня есть – по сути литагент мне и не нужен был, договор у меня в издательстве эксклюзивный, но... Но все же, я отдавала должное, что Элька решала очень многие

вопросы, касающиеся продаж и изданий.

И теперь эти вопросы решать приходилось мне. Нет, пофиг, ничего непосильного.

Но все же было больно – вот этот её молчаливый уход. Я бы хотела, чтобы она приехала, хотя бы для того, чтобы поговорить. Боже, ну её-то я бы выслушала. С ней я дружу гораздо дольше, чем знакома с Костей. А она вот так молча отказалась от сотрудничества, будто и не она меня притащила в издательство, будто и не благодаря ей это все...

Будто никогда и не была моей подругой.

Наверное, мне было бы куда паршивее, и работа делалась бы хуже, если бы Дима не атаковал меня за эту неделю со всех флангов, отвлекая от плохого настроения.

“С добрым утром”, “Иди завтракай”, “Чем ужинала?”, “Спокойной ночи, любимая” – в СМС, в Вайбере, в Фейсбуке...

Как-то забыла пообедать, так этот поганец приехал через час с роллами. Едва удалось отбиться от кормления с рук. А пока я ела – травил байки со съёмок, я аж заслушалась, в итоге тот обед затянулся аж на три часа. С той поры старалась еду не пропускать.

Так ведь Варламов дотошно начал требовать фотки еды в доказательство того, что я реально поела, а не вру ему.

И вот какого черта, а?

Я заколебалась ему говорить, что это не его дело. И задолбалась сочинять адреса, куда бы ему сходить со своими во-

просами. Он будто не слышит. А я...

А я, если честно, краешком своей души немножко кайфовала. Мне будто эхом возвращались пять лет, когда Дима в моей жизни появлялся только для того, чтобы испортить настроение и свалить. Вот сейчас – пусть развлекается. Все равно я назло ему ведь буду его отшивать. Не буду я рассматривать его как вариант, пусть хоть в лепешку расшибется.

Вот такая вот зараза, Полина Бодлер.

Когда пиликает домофон, я чищу зубы. С удивлением смотрю на часы. Вообще-то со всеми заделами на пробки – он приехал рано. Может, не Дима?

Дима.

Является, зараза, весь такой свежий, бодрый, выбритый почти до блеска, во всех местах, где нет бороды. В лапах – букет белых, таких хрупких подснежников, одних из немногих цветов, на которые у меня аллергии не было выявлено. И, пожалуй, единственных цветов, которые я точно у Димы заберу, даже если эти цветы не для меня. Потому что сам дурак, если приперся ко мне с цветами для своей новой пассии. Тем более – с моими любимыми цветами.

– Это тебе, – Варламов, однако, радуется, хотя подхалимаж слишком сильный, я считаю. Даже в Москве найти именно подснежники непросто.

Но я все равно принимаю букетик тоненький, свежих, таких хрупких цветочков.

Стоя перед Димой в серой пижаме с новогодними оленя-

ми (и плевать, что весна), с зубной щеткой во рту и непричесанная.

Кра-со-га!

– Шпащиба, – мужественно улыбаюсь я и утаскиваю букет в спальню. По сути, не надо бы принимать, но рука не поднялась отказаться. Потому что это же подснежники-и-и!

Вернулась в ванную, вычистила зубы уже наконец и только после этого высунулась в прихожую и всерьез спросила.

– Ты чего так рано?

– Потому что у нас с тобой планы, – невозмутимо откликается Дима.

Нормально, да?

Вообще я попыталась было посопротивляться планам Варламова. Ну, по крайней мере оттянуть. Я пошла варить кофе. Но как-то так оказалось, что Диму это устраивает, и вот он уже с довольной рожей тянется к чашке капучино в моих руках. А я уже и пену молочную ему для этого кофе взбила, потому что знаю, как он любит...

Нет, все-таки с этим надо было заканчивать. Чем дольше я в это играла, тем глубже тонула в прошлом, и в Варламове, в частности. Все сильнее тянулась к нему, все отчаяннее. И это плохо, на самом деле.

Ничего не изменилось, и все же, почему такое дурацкое ощущение, что вот сейчас, когда он сидит напротив меня и неторопливо пьет кофе, который я почему-то сварила на двоих – все на своих местах. И хочется... Хочется странно-

го. Хочется на колени к Варламову, хочется уткнуться губами в его висок и закрыть глаза. И чтобы его крепкие руки прятали меня от напастей.

Так уже было.

И так может быть и сейчас.

Я знаю, если я только шевельнусь, только попробую повернуть это – Дима против не будет, у меня будет то, что мне хочется.

Но хочется – не значит нужно.

Ну вот зачем ему это? Просто чувство собственника почесать. Он быстро наиграется. Невозможно столько времени прыгать с бабы на бабу, а потом вдруг удовольствоваться одной мной. Одной фригидной, по-прежнему скучной мной. Ну вот не могу я поверить, что смогу удержать его внимание надолго.

– Как книга? – тихо спрашивает Дима и я вынырываю из размышлений.

– Возни много, – я чуть морщу нос. – Вчера присылали макеты обложек, а я все еще вожусь с текстом. Все-таки сказалось, что в последний месяц я от финала отвлекалась, он конкретно смазлся.

– Ну, куда же в нашем деле без дедлайнов? – Ох, Варламов... Если бы ты знал, что такое для меня твоя улыбка, ты бы, наверное, вообще не убирал её с лица. Ну, по крайней мере до той поры, пока сам от меня бы не устал. Ведь как солнце светишь, прямо в лицо. И кажется, что я, уставшая

от долгой зимы, подставляю этому солнцу озябшее лицо.

– Так что за планы? – интересуюсь я, уже переодевшись, уже получив одобрителный Варламовский взгляд. Вот что за человек? Я нарочно ему не надела платья, надела брючный костюмчик с бирюзовым жакетиком, а ему все окей, все отлично, даже клешни к моему банту на блузке протянул, чтобы типа поправить.

– Ну не порти сюрприз, Полин, – таинственно откликается этот коварный тип гражданской наружности. В итоге я половину дороги в его пижонской тачке выношу ему мозг вопросами, а он ржет и отбрехивается. Зараза...

А сам тащит меня на Останкинскую башню. И нет, это, конечно, не Эйфелева, но все-таки... Все-таки тут меня не было. Мы не идем по стандартному экскурсионному маршруту, мы просто ползем и ползем на самый верх башни, сначала с помощью лифта. в котором на кнопках не номера этажей, а высота в метрах: “52”, “57”, “122”...

Мы выходим на “станции 348”. И честно, на площадке у лифта мне становится страшноватенько, и я вцепляюсь в Дидин локоть крепче. Инстинктивно хочется и глаза закрыть, но я назло себе их таращу. Вперед и вокруг.

Даже на первой смотровой площадке захватывает дух, а ветер закладывает мне уши будто плотной ватой. Одуреть.

– Дальше пойдём? – тихо спрашивает Варламов, когда я замираю у перил, глядя на огромный город, что простирается во все стороны, куда только ни глянь. И дома, маленькие,

как будто игрушечные. И он за моей спиной стоит, и руки его – по обе стороны от меня. Двинь пальцы чуть в сторону – и натолкнешься на его ладонь. И мои развевающиеся на ветру волосы точно задевают Диму по лицу, но он не отодвигается. От его близости по моей спине бегают стаи раскаленных мурашек. Бегают, сталкиваются, заставляют нагреваться все сильнее.

Нет, это не сцена из Титаника, но почему-то сейчас вспоминается именно она. Я точно вижу, что в этом мире миллиарды пылинок-людей – вон там, куда падает взор, а он все равно из всех предпочитает именно меня...

– Да...

Дальше – выше. Внутри застекленной смотровой площадки, в которой чувствуешь себя как в космосе, потому что тут нет ветра, зато есть тишина, а дома еще более маленькие – и вся необъятная вдруг превращается в один грандиозный детальный макет. И это все – начинает напоминать сон. Я смотрю в панорамные окна, гуляю по прозрачным блокам пола, хотя хочется растянуться на них животом как та пятилетка, потому что ощущаю себя замороженной.

– У нас еще столик в ресторане забронирован.

А ресторан – под смотровыми площадками. И вид из его панорамных окон не хуже. А еще он медленно вращается, и у его окна я готова медитировать ближайшие пару суток. Прихожу в себя, уже прижимаясь к теплему боку Варламова и по-прежнему зачарованно пялящейся на раскидывающий-

ся за окном вид с высоты.

– Я здесь бываю иногда, когда становится очень много рутины, – голос у Варламова непривычно спокоен, лишен обычной насмешливости. – Здесь распускаются мысли. Я подумал, что тебе это сейчас нужно.

– Ага... – эхом откликаюсь я. Черт... Сейчас, здесь, кажется, совсем ничего не осталось моего наносного, скептического. В крови до сих пор пускает пузырьки адреналин – все-таки мы на большой высоте, и струится теплота – потому что мои плечи обнимает Димина рука, и именно это почему-то кажется гарантом моей безопасности.

– Полин, – когда я поворачиваюсь к Диме, он едва касается моей щеки кончиками пальцев. Смотрит так, будто если отведет глаза – ослепнет. И, блин, Варламов, прекрати... Я уже не на ветру стою, а дыхание перехватывает не хуже.

– Я, наверное, жутко тороплю события, – пальцы Димы накрывают мою ладонь, – но я уже не могу ждать дальше. Поэтому я все-таки спрошу сейчас. Ты уже готова?

– К чему? – тихо выдыхаю я. Он подарил мне удивительное, чего мышка-норушка вроде меня себе бы не позволила. Околдовал, не только своими глазами, но и вот этими новыми ощущениями, разделенными пополам, будто выпитыми на брудершафт.

– Начать со мной с начала, – медленно откликается Варламов, крепче стискивая мои плечи.

Черт...

Черт, черт, черт...

Вот именно сейчас, после этой удивительной прогулки на небеса, мне с Димой быть честной будет больно...

Глава 26. Полина

Для того чтобы начать, мне приходится выпрямиться, мне приходится выпутаться из-под руки Димы, а это и непросто, потому что он пытается настоять на том, чтобы я оставалась прижатой к нему, да и почти больно, потому что на самом деле, мне реально не хочется выныривать из его тепла. Но надо!

Я слишком расслабилась, заигралась, позволила ему снова вмешаться в мою жизнь. И вот пожалуйста – я уже глубоко отравлена его обаянием, и этот яд сейчас шумит в моей крови, требуя снова прижаться к Диме и сказать ему, что я готова на все и даже больше.

Вот только это ни разу не так.

На самом деле я даже сейчас надеюсь, что он все это отыграет назад, улыбнется, скажет что-то вроде: “Я пошутил, Полин, не напрягайся так”. Но Дима не отыгрывает. Значит, мне придется сказать это вслух.

– Нет, Дима, я не готова начинать сначала, – медленно и тщательно подбирая каждое слово, произношу я, опуская ладони на стол. – И я не буду готова в принципе к этому, так что можешь не ждать.

Лучше оборвать эти нити сейчас. Пока еще можно обойтись малой кровью.

Я отдаю себе отчет, что мой ответ правильный, что ни о

каком доверии к Диме как к мужчине еще не может быть и речи, а все равно на языке какой-то горький осадок. Хотелось все-таки произнести это чертово: “Да”. Хотелось убрать и последнюю границу между нами. Но один раз я своим хотеньем испортила себе жизнь. До сих пор расплачиваюсь.

Глаза Димы упрямо твердеют. Он явно намерен попытаться меня уболтать, заставить принять нужное для него решение. Мда, просто мне не будет от него отбиться. Небеса, дайте только сил не сдаться его напору. Да, я знаю, что сил мне нужно много, ведь от этого несносного типа у меня в ушах шумит, и я буду безнадежно сохнуть по нему, когда он все-таки от меня откажется. Но это лучше, чем жить с ним – и с одними неотпускающими сомнениями.

– Полин, почему нет? – терпеливо спрашивает Дима, накрывая мои переплетенные пальцы своей широкой ладонью. Это как удар тараном по уже истерзанным замковым воротам. Черт, как просто играть с другими, но как сложно – с самой собой. С собой не шулеришь, ты сама ведь точно знаешь, какие карты у тебя крапленые и как именно ты блефуешь.

– А почему должно быть “да”? – я отодвигаюсь, высвобождая кисти рук. Вот. Хоть дышать легче стало.

– Потому что мы должны быть вместе, – Варламов пожимает плечами. – Это же ясно, Поль. Ты нужна мне, я – тебе, и ты же не будешь с этим спорить?

– Буду, – я упрямо поджимаю губы. – Ты мне как мужчина

не нужен.

Я вижу эти слова, летящие с моих губ, как разящий удар плети. И лицо Варламова действительно дергается – он уязвлен моими формулировками. Да что уж там, мне самой именно это и говорить больно. Ведь нужен же... Той глупой моей части, что им не переболела и, видимо, никогда уже не переболеет.

– Полин, ну я видал актрис и получше, – Дима качает головой. – Тебя ведь тянет ко мне, так?

– Так, – вот это я отрицать не буду. – Но это не значит, что я готова рассматривать тебя как своего мужчину.

– Так в чем дело?

Какой же он неумный. Вот вроде уже потопталась по его самолюбию как могла, а он все равно тут, все равно продолжает барабанить в хлипкую картонную дверь, за которой я от него спряталась.

– В том, что я не дура, Дим? – Мой взгляд приходится цеплять за солонку, как якорь за песчаное дно. Если продолжу смотреть в его лицо – сдамся и проиграю.

– Полин, – Дима осторожно касается моих пальцев, на этот раз – самых кончиков, привлекая мое внимание, – как бы ты ни спорила, нас все равно друг к другу тянет. Мы все еще друг дружку любим. Тебе не кажется, что просто так хочет судьба?

– Не кажется. – Никогда не думала, что так сложно просто скептически скривить губы. – Нет, Дима, не судьба. Куда бо-

лее банальные вещи. Твое чувство вины, из-за которого ты так продвигал мою книгу на съемки. Твои собственнические инстинкты, из-за которых ты от меня не отстаешь.

– Тебя ко мне тянет тоже, – настойчиво замечает Дима. Зараза. Настырно не хочет, чтобы я игнорировала собственные чувства. И это ходьба по раскаленным углям, на самом деле.

Я помню все, каждый час с ним, который мне достался в течении этих пяти недель. Помню, как выводила меня из равновесия его близость с самого первого дня, и нет, сейчас уже понятно, что это было далеко не из неприязни.

Помню, как сидела в чертовом лифте, уткнувшись лицом в его колени и слушала, как он мне пел, а сердце внутри корчило в чувственном экстазе.

Помню, как мы танцевали, будто признаваясь в самом сокровенном содержимом душ – что мы оба друг к другу совершенно не безразличны.

И летний солнечный вкус его губ я помню тоже.

Вот только в этом и беда. Я знаю, что отравлена.

– Я тебя хочу, – я произношу эти слова на максимуме резкости и безжалостности. – Это называется так. И не более.

– И ты этим хочешь пренебречь? – По тону слышно, что Дима уже и сам себя заколебал, будто баран долбит голову в закрытые ворота. – Поль, почему тебе так не важно то, что ты хочешь?

Потому что мои желания не заканчиваются на одном толь-

ко Варламове в моей постели и жизни. И в тех моих желаниях Дима мне не только не поможет, но и помешает.

– Дим, я хочу ребенка, – нейтрально произношу я, отодвигаясь от бывшего мужа еще на дюйм. Даже от этого становится холоднее. Черт... Как же сильно я в него влипла на этот раз, и даже не заметила.

На самом деле – уже давно хочу. Мне пора, да. Возраст – штука немилосердная, и сейчас – я еще успею, но терять пару лет на Диму – не могу, это почти растрата моей жизни впустую.

Я и тогда о нем мечтала, до развода. О сыне, для себя и для Димы, чтобы у него были его глаза, его нос, а от меня можно хоть уши, и не больше. Сейчас уже неважно, сын-дочь, да и честно, уже без разницы от кого. За последние недели я даже подумывала об ЭКО, раз уж с Костей не срослось. Видимо, это просто потому что сейчас я уже могу и без мужчины вырастить своего ребенка.

С губ Варламова срывается невеселый смешок.

– Это твоя проблема? – насмешливо уточняет он. – Так можем хоть сейчас начать заниматься вопросом, мой кабинет недалеко, до проб еще час.

Болван. Это шутка, на грани фола, но шутка, но меня она все равно бесит. Сейчас даже возмущение отыгрывать не приходится, все свое, живое.

– Ребенок, это тебе не перепихнуться по быстренькому, Варламов, – едко бросаю я, отвечивая ему мысленную опле-

уху. – Ребенок – это огромная ответственность. Человек, который требует заботы и внимания. Ресурсов, наконец.

– И я сомневаюсь, что мы вдвоем с тобой сейчас не сможем купить памперсы, – практично качает головой Дима.

Ну, да, финансово мы оба сейчас можем себе позволить ребенка без особых сложностей. Проблема ведь не в этом.

– А я сомневаюсь, – жестко отрезаю я. – Сомневаюсь, что ты не наиграешься снова в семью, Варламов. Сколько лет ты выдержишь на этот раз? Два года? Три? И снова в свободное плавание, снова по бабам?

– Да с чего ты... – я не даю ему договорить, я резко дергаю подбородком, показывая, что не закончила мысль.

– Я год переживала развод с тобой, – раздраженно бросаю я самый основной свой якорь. – Год. Только через три года смогла подпустить к себе мужчину. Если ты наиграешься – снова будет то же самое. Только уже с ребенком. И подставлять его под удар я не хочу. Что я за мать буду, в таком случае?

– Полина... – голос Димы звучит растерянно, глаза выглядят уязвимыми.

Странно, это ведь я уязвимость выставила сейчас. Строго говоря – прямо призналась, насколько не просто мне было его пережить.

– Полин, но ведь это все можно исправить? – Сегодня явно не мой звездный час, разговор проходит совсем не в том тоне, в котором он мне виделся. – Весна моя, просто скажи.

Ты скажешь с моста прыгнуть, я ведь прыгну, лишь бы поверила, что мне никто кроме тебя не нужен...

Если бы это могло помочь...

Если бы Дима мог доказать, что никто кроме меня ему не нужен? Что не уйдет от меня, ни за что. Что и он готов к серьезным вещам, что и он хочет ребенка. Вот только он не может. И мне чудовищно больно от того, что это не так.

– Никак, – боль прорывается и в голос. – Никак ты это все не исправишь, Дим. Тут нечего исправлять. Я просто не смогу так жить – постоянно в страхе, что ты от меня уйдешь.

– Я не уйду, – эти его слова звучат отчаянно. – Поль, дай только шанс и я тебя больше никому не отдам. Никогда не оставлю.

Боже, как я хочу ему поверить. Вот только не могу. Один шанс – это слишком много. Увы. Ровно на один шанс больше, чем я могу себе позволить.

– Тогда ты мне тоже говорил, что никому не отдашь и никогда не оставишь, – пусто возражаю я. – Говорил ведь?

Дима качает подбородком, потерянно глядя на меня.

Говорил. Именно поэтому я знаю, что все это – только слова. И единственное, что мог Дима сделать для нашей семьи и для меня – это не подавать на развод.

– И сколько женщин у тебя было после развода? – устало спрашиваю я.

– Они не ты, – емко возражает Дима.

– Правильно. Они моложе и горячее в постели, не так

ли? – это выходит зло и саркастично. – С ними ведь не скучно, да, Дим? Ни одну из них нельзя назвать фригидной. А меня – можно. И не ты один это отметил.

– Полина...

Дима не сдаётся, в нём будто открылось дыхание для второго раунда, вот только я уже конкретно измучена даже этим вот туром. На этот раз, чтобы он замолчал, достаточно и твердого взгляда.

– Я попрошу Кирсанова как-то минимизировать мое участие в съемках, – руки складываются на груди – и я не знаю почему, то ли для того, чтобы защититься, то ли для того, чтобы удержать саму себя, которой больно, которой хочется захныкать и спрятаться в Диминых объятиях.

– Нет уж, – категорично качает головой Варламов. – Это твой фильм. Первый фильм. Ты будешь смотреть, как он рождается, Полли. Я знаю, что ты этого хочешь.

Хочу, кто спорит. От первого и до последнего дня. А потом сходить на предварительный показ и прорыдаться от умиления, что вот это – по моей книге.

– Я не смогу работать с тобой, – устало откликаюсь я с искренним недовольством самой собой. – Я думала, что смогу, но ты на меня давишь, и у меня не получается.

– Не волнуйся, милая, – отрывисто произносит Дима, впервые за этот обед глядя не на меня, а в окно, на далекие башни Москва-Сити. – Я могу оставить тебя в покое. Не буду на тебя давить. Раз ты меня простить не можешь – не буду.

– Ну, если так... – Я заставляю себя подняться из-за столика. – Знаешь, Дим, я, пожалуй, пойду. Не хочу думать, что, оставаясь здесь с тобой, я продолжаю давать тебе авансы.

– Я тебя провожу...

– Нет, не стоит, – я резко встряхиваю волосами. – Я дойду сама.

Варламов молча смотрит на меня, а потом чуть встает и сам подается ко мне, прихватывая за подбородок, и крепко целует меня в губы. Без языка, без требования ответа, просто – и от этого теплого, такого чувственного поцелуя я чувствую, как трещат мои ребра – настолько сильно к нему тянется мое сердце. Вот нет у него мозгов – у сердца моего. И сейчас мне даже жаль, что у меня те мозги есть....

А Дима отрывается от меня, будто выныривает из воды.

– Последний раз, Поль. Клянусь, больше не повторится, – виновато улыбаются его чертовы губы, и я его почти ненавижу. Потому что этот его последний поцелуй – мне будто вскрыл грудную клетку и вырезал оттуда мое сердце, опустив его ему на ладони.

И я ничего не говорю, у меня нет слов, я как чертова рыба. Просто разворачиваюсь и торопливо ухожу.

Результат ровно тот, который я хотела. Дима согласен оставить меня в покое. Вот только победителем я себя не чувствую.

Глава 27. Полина

– Полина Александровна.

Алина, кастинг-менеджер нашего проекта окликает меня шепотом.

Я понимаю, что снова рассеянно смотрю в никуда и совершенно не слушаю ребят, разыгрывающих передо мной сцену.

– Да-да, я смотрю, – неловко улыбаюсь я. Алина недоверчиво качает головой, но не спорит. В любом случае в нашем тандеме ведущая она, а я так – имею право сделать авторский вмяк на тему того, кто из актеров, как мне кажется, лучше понимает героя. Именно “понимает”, а не “больше похож”. Загримировать можно как угодно, волосы покрасить там, наконец, просто сказать что это такое видение персонажа. А вот если актер не понял, кого он играет – вот это беда.

Я на самом деле пытаюсь сосредоточиться на пробах, но это сейчас довольно сложно. Кажется, что с души я сняла кожу. Вымотал меня этот разговор с Димой, ничего не скажешь. И каждая фраза, сказанная ему сейчас, уже кажется совершенно неверной и не в том тоне сказанной. Ох, Димка, вот поспешил ты, поспешил. И я... Кажется, я тоже поспешила...

Сосредоточиться бы на пробах...

Мальчиков мы уже посмотрели, мальчики были хороши, теперь подбирали девочек, чтобы потом дать им возможность порепетировать с мальчиками и дать нам посмотреть

на сочетания типажей.

И мне казалось, что мальчики не захотят проходить одну и ту же сцену с тремя-четырьмя партнершами, но Алина покачала головой и сказала: “Дублей всяко может быть больше”. Так что их судьба терпеть, и никак иначе. Профессия такая.

– Номер восемь, – когда кандидатка Марина Озерова заканчивает сцену, произносит Алина, открывая дверь своего кабинета.

Номер восемь. Я смотрю на вошедшую девушку и хочу её убить.

– Имя и фамилия, – сухо произносит Вербицкая, зарываясь в бумаги.

– Вера Щербакова, – безмятежно отзывается бывшая любовница Варламова. Смотрит она на Алину, на меня, сидящую на окне, даже не смотрит. Ну, ей ли не знать, что кастинг-менеджер для неё бог. И все-таки...

Я ощущаю, как пальцы начинает покалывать от яростного жара. Блин, да что за ерунда-то? Ну, мало ли с кем Варламов спал, что мне теперь, каждой девочке карьеру портить?

– Алин, я пойду кофе выпью, – мой голос вопреки моему желанию звучит раздраженно. – Вы послушайте пока эту девушку без меня, окей?

Выхожу и ползу к уже знакомой машине по продаже кофесодержащей нефти, заказываю у неё эспрессо.

– Полина Александровна, – Алина, оказывается, вышла из кабинета вслед за мной и сейчас стоит за моим плечом, –

у вас какие-то возражения против Щербаковой?

Какая прозорливая девочка, однако!

Я смотрю на Алину устало. Серьезно, не хочу ничего пояснять.

– Давайте серьезно, Полина Александровна, если вам не нравится актер – то нам он и не нужен, понимаете? – мягко замечает Алина.

Серьезно?

– Я настолько много решаю?

– У вас исключительные полномочия, – разводит руками Вербицкая. – Илья Вячеславович не терпит разногласий в коллективе. А вы – автор, в конце концов. Нам нужно ваше одобрение в этом вопросе. Поэтому вы тут.

Это очень сложная информация, которая толкает меня на неверную сторону. Но... Год в компании этой вот Веры? Которая мне совершенно не нравится, и совсем не попадает в типаж моей главной героини? Да и потом, актриска она очень посредственная, нечего ей делать у меня на главной роли.

– Да, мне она не нравится, – тяжело вздыхаю я, – и я не хочу, чтобы это было определяющим.

– Не жалеете. Пусть не тратит наше время, – безжалостно отрезает Алина, – к тому же играет она не очень круто, но её заявка в последний момент пришла, отсматривать отыгрыши мне тогда было некогда, я подтвердила. Посмотрела потом, поняла, что не то, но для контраста оставила.

Вера вышла вслед за нами, ждет у кабинета Алины.

Безмятежная, самоуверенная, будто её уже взяли на эту роль. Стоит себе, зубоскалит с Макаром Зарецким, моей ставкой на роль главного героя фильма.

– Щербакова, свободна, – резко припечатывает Алина, только зайдя в кабинет.

– Но вы меня даже не послушали, – девушка дергается, обиженно глядя на нас.

– Я вас видела на видео от агентства, – беспощадно качает головой Вербицкая, а затем смотрит за спину Веры и окликает: – номер девять!

Довольно известная в узких кругах мелодраматичных сериалов Лена Федорович поднимается с кресла. Типаж стильной, характерной, волевой девушки. Да, вот на неё я посмотрю с удовольствием. Да и в дуэте с Зарецким она будет смотреться неплохо...

Пробы затягиваются. Еще три кандидатки, еще шесть отыгрышей сцен. Блин, как же они стараются – эти ребята, явно очень хотят получить роль.

Сегодня я устала недостаточно, сегодня я иду в метро. Хочется пройтись пешком и еще немного подумать.

На душе пусто. Работа над фильмом идет, все встало на круги своя, но мне так пусто, будто у меня не душа – а ледяная Гренландия, и хочется найти нож и сделать себе хакарири. Сейчас, когда работа кончилась – это настроение на меня наваливается довольно плотно. И каждая из мыслей в моей

голове так или иначе касается Димы.

Если твердо взвешивать происходящее – прошедшие пять лет точно нам с Димой помогли. Встать на обе ноги, добиться желаемого, окрепнуть. А кем мы были тогда, когда расходились? Неудачниками, не дающими друг другу расти? По сути – я сейчас сильнее, чем тогда. И вряд ли снова упаду на колени, сломанная Диминым уходом. И он... Он ведь тоже повзрослел, если вдуматься.

Он ведь выставил Щербакову в тот же день, как заявил о желании меня вернуть. Это ли не маркер принятого решения?

А потом, как этот чертов рыцарь боролся за меня и за этот фильм? На какие кабальные условия был согласен, лишь бы Кирсанов не отказывался от экранизации моей книги. Да, увернулся, потому что мы вернули сценарий, но кто тогда знал, что все обойдется?

Иногда для того, чтобы понять, что ты сделал что-то неправильно, нужно сначала это сделать. Только тогда до тебя доходит. Вот и до меня сейчас медленно доходит, что с Димой я сделала все не так. И сказала не то. И вообще, нужно было поговорить в другой интонации, и о другом, но...

Нет, надо дать этому ощущению время. Если спустя неделю настрой не сменится, если через пару недель в Димином фейсбуке не появится фоточки с очередной девочкой для перепиха – вот тогда я попробую это все исправить. Починить. На моих условиях. Потому что если я все-таки ему шанс дам,

то он должен понять – как прежде уже не будет. Я от себя больше не откажусь ради него. И настолько без оглядки ему уже не доверюсь. Я не смогу любить его как тогда, но может быть, выйдет любить по-другому? По-взрослому?

Я задыхаюсь без него. Так не было с Костей, мне было просто больно из-за преданного доверия, но я не ощущала вот этого, выворачивающего наизнанку щемления. Не было этого голода даже по мимолетным прикосновениям, не было дрожи от близости, не было ни-че-го.

А с Димой – все это есть. И больно будет с ним, больно и страшно, но и без него больнее стократ. Без него что ни шаг – то будто по стеклу, как Русалочка, и кажется, что за мной остается дорожка из кровавых следов, до того мне паршиво без него. И может, все-таки стоит еще попробовать? Не с чистого листа, как он хотел, но с чистой строки, с оглядкой на старые ошибки.

Можно.

Если, конечно, ему все еще нужна фригидная, скучная я...

Я ловлю себя на том, что уже три минуты шарюсь в сумке, в поисках телефона и мои пальцы никак его найдут. И вот это меня неожиданно отвлекает от мыслей о Диме, потому что очень неожиданно и до странного пусто в сумке. А вообще, она была открыта или закрыта?

Блин, совсем закопалась в свои мысли, уже и не помню...

В сумке реально пусто. И если кошелек тут, с карточками,

я его еще доставала, чтобы вынуть проездной, но нет ключей, и нет телефона. И что это за ерунда такая?

Кто из воришек в метро вынет телефон, заблокированный на скан сетчатки глаза, и ключи от черт-пойми-какого дома, но при этом оставит в сумке кошелек с карточками. Или что нашли, то и схватили?

На меня накатывает трясучка. Капец, блин. Проехалась на метро – уже успели почистить сумку. А нефиг мечтать, да, Полина?

Неприятные сюрпризы на этом не заканчиваются. Когда я торопливым шагом подхожу к дому, вижу, что у моего подъезда сидит зареванная Наташа Смирнова, редактор от издательства, которой я еще утром выслала свежееотректурированный вариант “Бабочки-многодневки”.

– Что-то случилось? – растерянно спрашиваю я, потому что при виде меня, подходящей к дому, Наташа тут же вскакивает со скамейки.

– Полина Александровна-а-а, – Наташа чуть не падает на меня и снова ревет. – Спаси-и-ите!

– Да что случилось-то?

– У меня книга пропала-а-а, – рвано выдыхает Наташа.

Ну, здравствуйте, приехали, как она могла пропасть?

– Из почты?

– Ага, – Наташа хлопает носом, и спасибо, что хотя бы не сморкается в меня. – Я помню, видела письмо от вас. Открывать не стала, пошла чай с девчонками попить. Прихожу

– а в почте нет письма. И в удаленных тоже нет. А завтра в печать сдать надо. А у вас телефон вне зоны-ы-ы.

– Украли его у меня. Вынули из сумки, – устало откликаюсь и потираю виски. Господи, но почему все именно сегодня-то? Это мне кармический возврат за Варламова? Судьбе не нравятся такие мои закидоны?

– Скинете мне файл еще раз? – всхлипывает Наташа, явно пытаясь собраться. – А то Пал Андреич мне сказал, что уволи-и-и-ит!

Ну, да, Паша Арсеньев – директор издательства, имеет привычку зверствовать, когда сотрудники лажают, он очень требовательный.

– Да, конечно, Наташ, только давай поднимемся, окей?

Домофон открыть с помощью кода не сложно, запасной ключ я беру у консьержа, под роспись. Блин, сколько возни еще предстоит с этим восстановлением карт, пропусков и прочей фигни. Хорошо еще, что теперь вместо паспорта я в сумке носила временное удостоверение личности, его не так жалко. Паспорт как раз, кажется, уже завтра время забирать.

Когда я открываю дверь и прохожу в свою прихожую – тут меня начинает одолевать странное ощущение. Воздух в квартире будто чужой. Что-то в нем не мое, непривычное, даже неприятное слегка.

Это влияние разрыва с Варламовым? Или...

Запах. Все дело в запахе. В воздухе витает едва заметный, почти истаявший запах чужих духов. Очень слабый.

Настолько, что мне даже отчасти кажется, что он мне мерещится.

– Наташ, достань телефон, набери сто двенадцать и держи руку на кнопке вызова, поняла? И если что – беги к чертовой матери.

– Что-то случилось? – встревоженно спрашивает Наташа, а я лишний раз поминаю обчищенную сумку. Там был газовый баллончик, с ним всяко было бы не так страшно брести по собственной квартире, включать свет и заглядывать в каждую комнату.

Нет, никого нет. Неужели все-таки померещилось?

Я прохожу в спальню, включаю свет, обвожу комнату взглядом и замираю, глядя на свой рабочий стол. Волосы на затылке медленно встают дыбом.

Нет, все-таки здесь кто-то был. Потому что я точно не могла оставить свой рабочий ноутбук залитым водой... Воды целая лужа, сырое и рабочее кресло, но основная цель – ноут, его топили очень качественно.

Что это за бред такой?

Ладно, с этим потом, я сейчас вызову полицию, и пускай они уже разбираются, но надо отпустить Наташу, отправить ей файл, в конце концов, книга горит, нужно уже печатать, через неделю презентация.

У меня есть запасной ноут, он убран на антресоль. Я его достаю, в основном, когда главный мой ноут уезжает на техобслуживание. У него нет в памяти моих черновиков и за-

пасных копий написанных книг, но есть доступ к сетевому облаку, в котором я храню все свои файлы, во избежание утери.

Ноут включается медленно, а с учетом все ближе подступавшей ко мне со спины паники – практически вечность. Загрузился. Пароль. Надо будет, кстати, сменить, полгода не меняла, Костя еще укорял, что у меня на обоих ноутах одинаковые пароли.

Загружаю облако, чтобы открыть файл книги.

И ошарашенно смотрю на пустую страницу. И надпись на самом верху экрана:

...В вашем сетевом хранилище нет файлов...

Ад кашляет мне в спину...

Глава 28. Полина

В кабинете у Паши настолько грозная атмосфера, что дышать этим тёмным, пропитанным напряжением воздухом сложно, он клейкий, будто кисель, кажется, что он горчит и оседает в легких стеклянной пылью.

– Вот что ты прикажешь мне с этим делать, Полина?

Последние полчаса он молчал, потому что говорила я. Много, путано, перескакивая с темы на тему.

– Я не знаю, – вымученно улыбаюсь я. Полночи общалась с полицией, еще полночи пила кофе и пыталась понять, что мне делать и как не бегать по стенам.

– Наталья, иди работать. У тебя еще файл от Карины Мэй лежит. – Сухо бросает Паша.

Наташа, сидевшая напротив меня, торопливо вскакивает, не без облегчения на лице, и вылетает из кабинета начальника. Ну, еще бы. Её же пронесло мимо неприятностей.

За этот час я Наталью уже успела возненавидеть, потому что она внезапно пошла в отступление, заявила, что она перепутала, что нет, не получала она от меня никакого письма с файлом книги. Короче говоря “нету файла и не было”.

Ну, да, чего вдвоем тонуть, да?

Честно говоря – а я бы потонула. Если бы Наташу все-таки решили уволить – еще вчера я бы за неё заступилась. Мне нравилось работать с Наташей, я не хотела подстраиваться и

подстраивать под себя нового редактора. Идиотка, блин. И чувствую сейчас себя идиоткой, и никем больше.

Наташа меня предала чуть ли не вчера, когда я ей срывающимся от паники голосом обрисовала положение. И она покивала мне с вежливой улыбкой, а наутро, когда я приехала к Паше, чтобы согласовать смещение сроков сдачи книги – Наташа уже выдала ему “свою версию развития событий”. И меня Паша встречал уже тем своим взглядом, что доставался самым прокосячившим его сотрудникам.

– Кто знал твои пароли? – спрашивает Паша, глядя куда-то мимо, явно что-то взвешивая в уме.

Я пожимаю плечами.

Я не хочу никого обвинять. Те, на кого я первым делом подумала, у моего дома не были. Не видела наш консьерж Марина Петровна ни Анисимова, ни Эльки. А больше моих паролей не знал никто. Реально, я уже не знала, в какую сторону параноить. Кто, что и как – я надеялась только на одно – полиция разберется. Вот только полиция тоже пока ничего обнадеживающего мне не сказала.

Следов взлома нет, чужих отпечатков на ручках двери и ноутбуке тоже нет, нет, они еще вызовут консьержа как свидетеля, опросят соседей, но пока они ничем мне помочь не могут. Будто из воздуха материализовался некий злой гений, вычистил мои сетевые хранилища, залил ноубук тремя литрами воды и так же таинственно растворился.

– Что мы имеем, Полин? – Паша барабанит пальцами по

столешнице. – Следов взлома нет. Файла на почте Наташи нет. Ты говоришь, что пароли от твоего компьютера знали только Кольцова и Анисимов, но их обоих консьержка не видела. Более того, Анисимов вчера точно был на работе весь день и ушел даже на час позже. А Кольцова вообще из города уехала, я до неё еле дозвонился утром. Нет, Польша, я оценил широту твоего воображения и талант к инсценировкам. Но правда, лучше бы ты это в новую книгу использовала, а не портила сдачу этой.

У меня аж воздух в легких вскипает. Он не верит. Мне не верит. Думает, что я просто не хочу сдавать книгу.

– Паш, мы четыре года вместе работаем, – слабо напоминаю я, – я тебя ни разу не подводила.

– Именно потому и работаем, что ты не подводила, – раздраженно возражает мне Арсеньев. – Seriously, Полин, пока ты работала с Кольцовой – ты все сдавала вовремя, вы расплевались – и вот, пожалуйста, я слушаю какую-то чушь про чей-то злой умысел и коварную месть. Seriously, Польша, кому это надо? Все взрослые люди. Кроме тебя, кажется.

– Паш, ну ведь не я же сама себе ноут затопила... – И вот хоть реви. И как доказать, что ты не верблюд? Презумпция невиновности? Да кому она нафиг нужна вообще?

– Полина, seriously, я, знаешь, сколько лет в этом бизнесе? – Паша качает головой. – Знаешь, сколько я видел творческих кризисов и закидонов? Сколько книг было удалено, уничтожено, просто потому, что автору шлея под хвост по-

пала? Вот стресс у неё, жених её бросил, и она психанула и снесла книгу, которую писала. А потом спохватилась, что сдача вот прямо завтра, и придумала байку про злых хейтеров, залила ноутбук водой, выкинула ключи от дома в урну, сказала, что украли... Денег на новый ноутбук у неё точно хватит, малый урон.

– Не Костя меня бросил, – вспыхиваю я, начиная опровергать эту версию чуть ли не с первой части обвинения.

– Да ладно? – Паша задирает брови. – Поль, я был в ресторане тогда и помню, в чем был сыр-бор. Анисимов замутил с Кольцовой, ты обиделась.

И вот просто до слез обидно это слушать. И не скажешь ничего, потому что нечего мне сказать. Если бы у меня были железобетонные доказательства собственной невиновности – я бы их уже выложила.

Как отстоять свои интересы, если все, что у тебя есть – это твое слово? Я думала, что в Пашиных глазах я вешу чуть больше, что он поверит мне, а нет, он, кажется, не верит вообще и смотрит на меня сейчас разочарованно и недоволено.

– Ты могла сдать книгу, – ровно произносит Паша. – Просто сдать её и позвонить мне. Боже, Поль, я бы согласился на перенос сроков по следующей книге, и ехала бы ты в отпуск, да куда хочешь. Но сейчас...

– Я не виновата, – тихо откликаюсь я. И больше никаких слов у меня нет.

– Поль, а кто виноват? – устало спрашивает Паша. – Ко-

стя? Кольцова? Зеленые человечки? Я не могу верить на слово, ты же понимаешь. И даже если бы мог. Презентация через неделю, уже разосланы приглашения. Люди будут, понимаешь? Репутация издательства пострадает из-за срыва. И деньги, вложенные в презентацию, считай, мы уже потеряли. Что мне прикажешь делать? Гладить тебя по головке, потому что у тебя депрессия? У нас деловые отношения, я напоминаю. Я тебе не психотерапевт, я тебе главный редактор. И ты срываешь сдачу книги по срокам. Ты не выполняешь условия нашего контракта. Ты же понимаешь, что я не могу этого позволить? И терпеть не буду, у меня еще куча таких вот срочников. И вот еще мне не хватало слушать аналогичные отмазки. Вас если жалеть – вы же на шею сядете, творческие личности, блин. Ты тем и ценилась, что ты работала в любых условиях и всегда выдавала результат. Но видимо, без Кольцовой ты этого не можешь.

– И что мне прикажешь делать? – невеселая ирония в том, что я сейчас повторяю Пашины слова. И блин, обидно, на самом деле. Да, Элька стимулировала, но я писала просто так. Всегда. Она распространяла уже готовые тексты, просто потому, что мне не хотелось на это отвлекаться.

– А я не знаю, Полин, – Паша разводит руками. – Из всего уважения к тебе – я могу дать тебе два дня. Если ты испортила все не окончательно – перебесись и сдай книгу. Не должно быть тебе разницы, что с неё идут выплаты Кольцовой и Анисимову. Они, в конце концов, работали и заслужи-

ли свои деньги. Ты должна это понять. Потом – на тебя будут работать другие люди, будем надеяться, с ними у тебя все нормально будет. Сдашь книгу – я закрою глаза на этот срыв. Если сдать не сможешь – значит, будем разговаривать сугубо деловым языком. Расторгнем договор. И да, я буду зол и подпорчу тебе репутацию. Разумеется, издательство ты найдешь. Через годик. И с урезанными гонорарами. А может и не найдешь. Сама понимаешь, конкуренция сейчас высокая, пишет чуть ли не каждый, у кого доступ к клавиатуре есть.

– Я тебя поняла, Паш.

Из кабинета Паши я выхожу, почти оглохнув от паники. Кто-то попадаетеся мне по пути, я не замечаю. Разбирать лица довольно сложно, да и слышать слова – тоже. И что делать – я категорически не понимаю.

Я бы хотела быть злой, хотеть убить Пашу, но вообще... Я его даже понимаю, чуть-чуть. Даже я ни черта не понимаю, что произошло, даже я уже заподозрила, что у меня какая-то шизофрения и провалы в памяти, вот только это была какая-то очень трешовая мысль. Я была в телецентре, я в компании Варламова покидала свою квартиру. Уж, наверное, он бы поймал меня за шиворот, если бы я вдруг пошла к своему ноутбуку с кувшином воды, да? И санитаров бы тоже вызвал. Да и не было мне дела до тех процентов с моих продаж, что полагались Косте и Эльке. Не пригорало у меня от этого. Личное не должно мешать деловому.

Мне пусто настолько, насколько это возможно. Я не знаю,

куда идти, куда бежать, что делать. Что можно вообще сделать за два дня? Я чисто физически не смогу написать эту книгу с нуля, даже если двое суток просижу за ноутбуком, не отрываясь даже на кофе. Слишком большой объем работы.

Как восстановить затопленный комп? Ответ – никак, скорее всего. Да и толку-то. Если вычистили все сетевые хранилища, значит, вычистили и память жесткого диска. А потом и залили весь ноут к чертовой матери, чтобы даже если я и нашла способ восстановить файлы с жесткого – точно не смогла бы им воспользоваться.

Можно попробовать отнести ноут знакомым ремонтникам, но у меня нет волшебников в знакомых, я своему уже позвонила, он, конечно, “согласился посмотреть”, но сказал, что надежды на восстановление данных при вот этих условиях у него почти нет. И чтобы я не особо на это надеялась.

И почему я не имею привычки сохранять тексты в работе на флешку и носить эту флешку у сердца?

Мир складывается на глазах, как карточный домик от легкого дуновения ветра. Это даже не фильм потерять, тут уже речь о другом. О более глобальном. Печатные тиражи дораспродадут, и останется только продажа электронок. А это – хоть и немало, но не все. И статус у писателя без книг в бумаге совершенно не тот.

Я не иду к лифтам – я иду на лестничную клетку. Здесь почти не ходят, сотрудники даже курить сюда не ходят – датчики дыма и штрафы отпугивают всяких экстремалов.

И меня трясет, пылает лицо, я прижимаю к нему ледяные ладони. Надо что-то сделать. Мне дали два дня, надо хотя бы потрепыхаться, что ли... А как? Восстановить файлы... Почему-то мне кажется, что у меня не выйдет, но может, хоть раскопать, что, и как, и почему произошло?

– Ох ты, боже мой, Полина, неужели ты плачешь? – раздается за моей спиной насмешливый голос. Костин.

Нет, не плачу, Анисимов. Даже сейчас – не плачу. Не дожدهшься.

Я разворачиваюсь к нему. Костя выглядит спокойным. На скуле у него желтоватый след от Варламовского кулака. Надо же, не отошло еще. Сразу вспоминается его “Фригидная”, за которую ему тогда и прилетело.

Ох, Димка, Димка... Ужасно хочу к нему сейчас, на самом деле. Ничего это не поменяет, но я хотя бы заслонила бы от всех неприятностей, за его широкой спину. Как маленькая девочка, ей богу. Потому что пока была с ним – все всегда налаживалось. Вот и сейчас хочу – броситься в него, нырнуть, съжаться комочком под его одеялом, спрятаться под его надежной рукой. Хочу, но нельзя, ага. Сама его послала, сама решила, что выжду время. И сейчас – я должна разобраться со своими проблемами самостоятельно. Хоть и не знаю как.

Ну, с Костей хотя бы могу разобраться без Диминой помощи. По крайней мере, послать к чертовой матери пришедшего поплясать на моих костях придурка я могу легко.

– Вы чего-то хотели, Константин Витальевич? – стерильно уточняю я, неторопливо вычищая из головы всю лишнюю панику. Вот ему я своих слабостей показывать не хочу и не буду. Я же уверена, он сюда пришел лишь посамоутвердиться за мой счет.

– Да так, – Костя слегка ухмыляется. – Как дела, Полин? Птичка напела, что у тебя неприятности.

Наташа. Черт бы тебя побрал, Смирнова, кто вообще просил тебя открывать рот.

– Даже если и так, то не твое это дело, – не удерживаюсь – морщусь, ощущения и вправду такие, будто лимон прикусила. – Кость, ты позлорадствовал? Свободен.

– Плохо ты себя ведешь, Полина, – Анисимов цокает языком, качает головой – Даже не знаю, предложить ли тебе помощь или не стоит.

– И чем же ты можешь мне помочь? – я закатываю глаза. – У меня проблемы, которые не может решить менеджер по рекламе.

– Да ладно, – Костя склоняет голову, глядя на меня как на глупую девочку. – То есть если я скажу тебе, что у меня есть резервная копия твоей Многодневки, – это тебе никоим образом не поможет?

Глава 29. Дима

– Да я погляжу, не я одна бухала вчерашним вечером?

– Да-да, выглядишь паршиво, Эльвира, ты и сама знаешь.

Утро с похмелья и в самом деле дается мне не очень просто. А еще и Кольцова, явившаяся в девять утра. Будто вселенная хочет сделать мне больно всеми возможными способами. Никогда не получалось уйти в запой, кажется – не выйдет и сейчас.

Кольцова выглядит серой. Почти никакой, и это при том, что вообще она всегда – чертов попугай, режущий глаз. Та самая девица, что припрется на вечеринку в самом ярком и блестящем платье и будет той, что пьет больше всех, смеется громче всех и танцует на барной стойке без туфлей раньше всех.

Я так и не удивился, что именно Кольцова потащила книги Полины по редакциям. Она была как таран. Была. Сейчас она выглядит как курица, стухшая еще две недели назад. Мешки под глазами, волосы стянуты в хвост. Вместо образа яркой стервы – черный тонкий джемпер и деловая юбка графитового цвета. Такое ощущение, что у Кольцовой кто-то умер и она объявила траур.

– Я выгляжу как чмо, не скромничай в эпитетах, Варламов, а то решу, что ты меня разлюбил, – едко откликается Кольцова, – собирайся. Нужна твоя поддержка.

– Тебе? Моя? – я удивленно поднимаю брови. Эльвира Кольцова – это сама по себе армия. Что такого могло случиться, что она за помощью пришла именно ко мне. С учетом нашей с ней "химии".

– Полине, – сухо отрезает Кольцова.

Сердце тут же замирает как чертов суслик, столбиком, поджав лапки.

– Что случилось? – я даже обдумать этот вопрос не успеваю, озвучиваю раньше.

Кольцова пожимает плечами.

– Я еще не очень поняла. В издательстве какая-то бредятина происходит. И нужно ехать, защищать интересы Полли, Паша был злой, как медведь-шатун, а Полли же совершенно не боевая. А я – и выгляжу как чмо, и чувствую себя не лучше. Поэтому поехали, Варламов. Будешь моей огневой поддержкой. Ну, или по морде кому дашь.

Ох... И сложно не сорваться прямо сейчас, тем более что вчера я взял официальный отгул, потому что мне хотелось даже не в запой, мне хотелось утопиться в вискаре, к чертовой матери.

После всего, что сказала мне Полина. После того, что с дури обещал ей я.

Она просила оставить её в покое. И по сути, я не должен к ней лезть. Не должен. Обещал. Вот только...

– Двадцать минут дай мне, – отрешенно произношу я и ныряю в ванную. Всё, что мне нужно сейчас – это окатить

голову ледяной водой, вычистить зубы и одеться хоть как-нибудь, чтобы было похоже на нормального человека, а не на того, кто собирался в запой еще вчера вечером.

Я не могу оставить Полину в беде. Или я просто ищу повод, чтобы снова оказаться рядом с ней. И пусть даже пошлет к чертовой матери, я в любом случае сейчас хочу к ней. Как и всегда, черт побери.

Нет, если бы мы с Кольцовой были змеями и жили в одном террариуме – мы бы сожрали друг друга. Мы умудряемся разругаться даже из-за того, кто поведет и на чьей машине мы поедem. В конце концов, едем на моей, и Кольцова сидит в кресле справа от меня и устало пырится в окно.

– Что-то случилось? – осторожно интересуюсь я.

– Ну, так. Трахнула спяну жениха лучшей подруги. Теперь не знаю, как показаться ей на глаза. А так – ничего не случилось, – Кольцова жмурится, и я, к своему удивлению, успеваю заметить побежавшую по её щеке слезу.

– Ты? – переспрашиваю я с недоверием. – С унылым?

– С Костей, – хмуро откликается Эльвира. – Да, я. Без комментариев. Говорю же, что – как оно есть. Могу теперь соревноваться с тобой, Димочка.

Я помню разговор унылого и Полины – их последний перед разрывом. Да, я тогда понял, что речь об измене, что у них точно что-то случилось. Но что перепихнулся унылый с Эльвирой... То ли не говорили, то ли я как-то не услышал...

– Ну ты даешь...

– Ну вот отвали, Варламов, меня и так от себя тошнит, – хрипло откликается Кольцова.

– А что унылый? Вышло у вас что?

– Ты как себе это представляешь? – сухо спрашивает Эльвира. – Что может выйти из одного только идиотизма? Хотя, вон у тебя вышел развод. Скажи, Димочка, оно того стоило? Убил бы.

– Тогда у меня иного выбора не было, – мой голос сух, а в грудной клетке – только усталость и пустота. – Я ей мешал.

Кольцова смотрит на меня недоверчиво, щурится, барабанит пальцами по предплечью.

– Все-таки ты из-за меня ушел тогда, да? – глухо спрашивает она.

А я молчу. Ну что тут скажешь? Пять лет назад был молодой идиот. Я и сейчас идиот, только чуть-чуть постарше. И сейчас – сейчас я бы так не среагировал, я бы носом землю рыл, лишь бы разрешить эту проблему как-то иначе.

И стоило ли перебирать чертовы три десятка девиц, чтобы понять, что ни одна из них и ногтя моей весны не стоит? Не знаю. Был бы умный – обошелся бы без этого дерьма. Я не был умный. Теперь вот сижу в своей мерзлоте без заветной весны уже шестой год.

В редакции мы не торопимся сразу к главному редактору. Вообще – сначала Кольцова убалтывает охранника пропустить меня. При этом она так старательно представляет меня как своего клиента, такого талантливого писателя, что я аж

проникся.

– Почти поверил, – шепчу одобрительно, когда мы уже прошли пропускной пункт.

– Профессионализм не пропивается, – кисло откликается Кольцова.

– Куда дальше? К редактору?

– Сначала разведка, – Эльвира вздыхает. – К редактору смысла нет, пока я ничего не знаю. На четвертом у меня есть хорошая приятельница – девочка-корректор. Она должна знать, что случилось. Блин, вот почему сейчас, Полли же должна была сдать эту чертову книгу?

Девочка-корректор Олеся – действительно почти девочка – худенькая, кудрявая. Кажется, она уже озверела расставлять запятые, потому что улыбается она нам радостно. Олеся поит меня и Кольцову чаем, рассказывает о том, что почему-то Полина Бодлер срывает выход книги.

Мы слышим и версию с уничтожением данных, которую продвигает Полинка. Мы слышим и про то, что редактор уверен – Бодлер поймала звезду и мается дурью. И пусть пеняет на себя, если это действительно так.

– Капец, – выдыхает шепотом Кольцова, когда мы уже распрощались с Олесей, а затем прихватывает меня за локоть. – Нет, я, конечно, думала, что все паршиво, но чтобы настолько...

– Думаешь, реально сама удалила? – тихо спрашиваю я, а Кольцова категорично качает головой.

– Для Польки её книги – это дети, – твердо откликается она. – А удалить книгу – почти что убить. Неа, сама она – ни за что. Не верю.

– У меня есть один знакомый технарь, – задумчиво замечаю я. – В принципе, если дадут пару дней – он вынимал данные с мертвых компов. Не стопроцентная гарантия, конечно.

– Пойдёт, – Кольцова вздыхает, а потом трет пальцами виски и тянет меня в сторону лестницы, – пойдём к Паше, значит. Буду выбивать отсрочку. К Полли сообщать о ней поедешь сам. Уговор?

– А почему не ты?

Мы разговариваем почти шепотом, не очень хочется, чтобы прям все те, кто носятся по коридорам, слышали о наших проблемах и проблемах Полины.

– Я чмошница, забыл? – Кольцова прячет взгляд. – Я, честно, ужасно трушу. Я не знаю, что тут сказать. Мне ей написать-то стыдно, а уж на глаза попасться...

– Ты точно выбьешь эту отсрочку? – произношу я и делаю первый шаг вниз по лестнице. Где-то там внизу хлопает дверь.

– Знаешь, когда положение дел дерьмо – пара дней толком ничего не изменят, – негромко отвечает Кольцова. – Выбью. Я должна. Если Полли книгу не сдаст – Паша контракт расторгнет. Он...

Кольцова не договаривает. Просто хватает меня за рукав рубашки и дергает вниз, заставляя опуститься на ступени.

Я оборачиваюсь к ней, натянув на лицо выражение: “Ну и какого черта, а?”

– Тихо, – едва слышно шипит мне Кольцова на ухо. – Там Костя. И Полина. Давай подождём, пока они уйдут, а?

Трусиха, блин. Вот сама накосячила, а сейчас очкует. А я прислушиваюсь – и действительно слышу доносящийся с этажа ниже нас голос унылого, рассыпающийся сухим эхом.

– Полина, неужели ты плачешь? – Вот вроде и не конкурент мне этот урод больше, но все равно его голос вызывает у меня лишь стойкую неприязнь.

Плачет? Полинка? Моя Полинка? И кого мне стоит убить за это?

– Вы чего-то хотели, Константин Витальевич? – Зря Эльвира говорит, что моя весна – не боевая. Вот сейчас она вполне себе отвечает этой ледяной репликой оплеуху своему собеседнику. Это Полинка умеет. По крайней мере с теми, кем когда-то дорожила.

– Да так, – унылый не унимается. – Как дела, Полин? Птичка напела, что у тебя неприятности.

– Даже если и так, то не твое это дело, – кисло интересуется Полинка. – Кость, ты позлорадствовал? Свободен.

Слушаю, а сам радуюсь тому, что Полина посылает своего бывшего женишка, как кретин какой-то.

– Плохо ты себя ведешь, Полина, – высокомерный тон унылого бесит меня почти до бычьей ярости, – Даже не знаю, предложить ли тебе помощь или не стоит.

– И чем же ты можешь мне помочь? – ехидно интересуется Полинка. – У меня проблемы, которые не может решить менеджер по рекламе.

– Да ладно, – ублюдок однозначно издевается над Полиной – это слышно по тону. – То есть если я скажу тебе, что у меня есть резервная копия твоей Многодневки, – это тебе ни в коем случае не поможет?

После этой реплики Полина молчит. Долго молчит. А я – уже даже не слух, и не оголенный нерв. Я – один кипучий, замерший на месте адреналин. И все, что меня сдерживает – жесткие пальцы Кольцовой, сжимающие мою рубашку чуть повыше плеча.

– Я должна тебе на слово поверить?

– Ну тут как знаешь, – высокомерно откликается Анисимов, – я могу сходить и распечатать тебе текст кусками. Но это трата моего времени.

– И ты отдашь мне копию Многодневки просто так? – ровно спрашивает моя девочка.

– Нет, конечно, Поль, – с издевкой откликается унылый. – Кто же такие вещи просто так отдает?

– Чего ты хочешь, Костя? – у Полинки голос слегка подрагивает. Кажется, она измучена уже до предела. Ох, родная...

– Господи, Полина, это же ужасно просто, – утомленным голосом сообщает унылый. – Я хочу тебя.

У меня темнеет в глазах. Унылый ублюдок, который предал мою заветную, который проехался по ней напоследок,

который пытался разрушить её мечту, выкрад сценарий – и снова тянет к Полине свои липкие ладошки? И не хочется садиться, но эту тварь я хочу только убить, и ничего больше.

Я снова подаюсь было вперед, намереваясь прервать этот разговор сейчас, но Кольцова резко дергает меня за руку.

Я оборачиваюсь, к ней. Вижу огромные глаза, в которых плещется ярость. Бледные скулы, расписанные красными пятнами. Так бывает всегда, когда Эльвира зла, как мегера. Примерно вот такой она некогда сообщала мне, что Полина из-за меня отказывается от печати.

– Не дергайся, – сообщает мне Кольцова одними губами, а потом разворачивает ко мне телефон, который сжимает в побелевших от напряжения пальцах. А на широком, светящимся белым дисплее, пламенеет алым кнопка “СТОП” и бегут секунды записи.

А над счетчиком времени записи горит значок диктофона...

Глава 30. Полина

– Я хочу тебя.

Меня одолевает тошнота. И если бы я хоть что-нибудь съела с утра – мой завтрак непременно попросился бы наружу именно сейчас, когда я гляжу в бесстрастные глаза Анисимова.

– Меня? – язык враз становится таким неуклюжим, и слова с него даже не слетают – падают, будто тяжелые камни. – Ты? Меня? Мы с тобой расстались.

– И меня это не устраивает, – Анисимов неприязненно морщится. – Я два года на тебя потратил. Не для того, чтобы ты взяла и прыгнула в последний момент.

Потратил. Какая прелесть.

– А для чего тебе меня хотеть в принципе? – нервно вскрикиваю я. – Я же тебя не устраиваю. Фригидная же.

– Я как-то жил с этим два года, – Костя равнодушно пожимает плечами.

– Элька не была первой твоей изменой, да? – Я думала об этом и раньше, но именно сейчас я почти уверена. Мало ли девочек в редакции. Та же Наташа... Уж очень странно, что Костя в курсе, у него вообще-то кабинет этажом ниже располагается. Но поболтать они уже успели.

– Полин, что тебе даст мой честный ответ на этот вопрос? – насмешливо уточняет Костя. – Да, я сбрасывал на-

пряжение и раньше. И не надо прикидываться, что ты тут ни при чем и не виновата. Это же у тебя, что ни вечер – то отмазка. Вот только если хочешь получить свою книгу – значит, сегодня никаких отмазок. Сегодня будет так, как хочешь. А там – поговорим про наши отношения и все остальное.

– С чего ты взял, что я вообще буду говорить с тобой про отношения? – голос у меня сиплый. Вроде и не кричала, а говорить все равно сложно.

– Не поговорим сегодня – поговорим потом, – Костя пожимает плечами. – Только тебе ведь выгоднее решить все вопросы со мной сейчас. Полин, ты еще не поняла, что я все равно добыю своего? И тебя тоже добыю. Потому что хочу. И никуда ты не денешься.

На самом деле это звучит как угроза. Даже не “как”. Это угроза. Сказанная сухо, без тени сомнения. Он не остановится.

Самое парадоксальное – то, что я сейчас слышу только “Хочу”. Нет, не “люблю”, никакого разговора о чувствах. Если так вдуматься – за эти два года этих разговоров у нас и не было. Меня хотят, как капризные девочки хотят новую модную куклу. Я для Анисимова что-то вроде престижного трофея. Этакая симпатичная игрушка, с деньгами и популярностью. Не Дженнифер Лопес, но сойдет, так ведь?

– Полина, – Костя шагает ко мне, тянет ко мне пальцы, проводит по моей скуле, отводя с лица длинную прядь, – я же это делаю ради тебя. Понимаешь? Все это.

Ради меня. Дивно. Ради того, чтобы поставить наградку с надписью “Полина Бодлер” на полочку личных достижений. Ну, туда, где еще несколько наградок с именами его любовниц стоят. Иногда даже тошно быть мной, той, у которой эти чертовы три тысячи запросов имени за месяц в одном только Яндексе. Была бы скромной бухгалтершей – и кому бы я была нужна вообще?

– Значит, все это – все-таки твоих рук дело? Вся эта история? – отрешенно уточняю я. – И файл из почты Наташи тоже ты удалил? Копию книги оттуда взял?

Это был самый простой способ...

Костя самодовольно улыбается, будто поощряя за верную мысль глупую девочку.

– Значит, ты мои ключи копировать успел?

– Ну, вот никакого креатива, Полин, – Костя чуть ухмыляется. – Нет. Мне было некогда копировать. Если помнишь, был День Рождения, и я отмечал. Доставать пришлось через бывшую любовницу твоего бывшего. Она ужасно хотела тебе отомстить за разлуку с этим вашим неандертальцем.

– Оставь Диму в покое, – угрожающе шиплю я.

– Ты не в том тоне со мной разговариваешь, детка. Забыла, что у меня твое будущее в заложниках?

Самое раздражающее в Анисимове сейчас – это его липкий взгляд. Он уверен, что уже меня победил. Самое паршивое, что я реально пока еще не придумала, как из этого дерьма выкарабкаться.

– Не боишься признаваться? – я пытаюсь звучать твердо. – Я же могу все это Паше изложить. И пойти в полицию.

Может, он проникнется и пойдет на попятную.

– Ну а что ты в полиции предъявишь? Свои слова как доказательство? Законы так не работают, детка, – Костя насмешливо ухмыляется, – у нас сейчас нет свидетелей, Полина. Здесь нет камер, очень кстати. Будет твое слово против моего слова. Максимум, что нарочет полиция – это кражу ключей из твоей сумки госпожой Верой Щербаковой. Она стирала твои данные и топила твой ноутбук. Впрочем, если она все сделала, как я ей сказал – предъявить и ей смогут очень немного.

Щербакова. Вытащила ключи во время кастинга? Как неосторожно я оставила сумку в одном кабинете с ней. И Алина тогда вышла... Черт.

– Кстати, если ты думаешь, что если что та дура подтвердит мой с ней сговор – увы тебе, Полин, – насмешливо замечает Костя. – Я ей писал с левого аккаунта, который удалил сразу же, как только она отписалась что закончила. И это Вера стирала твои данные. Меня и рядом не было. Я ответственный сотрудник, я работал вчера допоздна.

Урод. Кажется, он реально может выйти сухим из воды. И у меня дивный выбор – согласиться на его условие, почувствовать себя шлюхой, но получить свою книгу – или не согласиться. Остаться без книги. Сорвать презентацию и печать. Рассориться с Пашей. Возможно – доказать факт взло-

ма, возможно – частично отмыться. Возможно – через годик помириться с Пашей обратно. Но боже, до чего же мерзко из двух кучек грязи выбирать ту, которая менее дурно пахнет.

– Стоп, снято, – доносится с лестницы сверху голос Варламова.

У меня глюки, что ли?

Кажется – да. Коллективные с Анисимовым, который вздрагивает и с паникой на лице оборачивается.

Варламов спускается первым. Пижон, блин. Боже, что у Варламова за лицо... И каким голодным до крови взглядом он смотрит на Анисимова. Честно говоря... Я понимаю, почему Костик сейчас резко становится серо-зеленьким. Я сейчас своему бывшему женишку не завидую. Я Диму знаю. Сейчас кого-то будут убивать.

А за Димой, к моему удивлению, идет Элька, бледная, осунувшаяся, неловко втягивающая голову в плечи и сжимающая в руках телефон. Я вижу её впервые после Дня Рождения Кости, и сердце начинает ныть сильнее.

Вот теперь вопрос, зачем они оба тут? Паша говорил – Элька за городом. Она вертолетом добиралась или телепортировалась? Вот просто ради чего? Ради меня, что ли? Нет, отдельно Эльку я в издательстве еще худо-бедно представляла, в конце концов, если она не работает на меня – значит, работает на кого-то еще. Но вдвоем с Варламовым...

Костя шагает было к двери, явно надеясь укрыться в редакции, вот только Дима совершает действительно огром-

ный прыжок, преодолевая оставшийся кусок лестницы и оказываясь как раз перед дверью. Обойти его Костя не может.

– Ты за смертью никого не посылал, а, унылый? – Дима с очень угрожающей неторопливостью расстегивает на запястье часы и опускает их в карман пиджака. – Отменяй заказ, я тебе сейчас все сам выдам. Досрочно.

Пять лет была замужем за этим человеком и даже не подозревала, что мой муж умеет быть настолько свирепым. На лице Димы улыбка истинного каннибала, которого морили голодом неделю, а потом сбросили к нему в яму какую-нибудь полнокровную красотку. И он смотрит на неё и думает – какие у нее, наверное, щечки мягонькие...

И я едва не хохочу от злой, переполняющей грудь радости. Боже, боже, как я рада, что Анисимов сейчас огребет.

– Я... Я тебя засужу, – нервно восклицает Костя. – Ты сядешь.

– Да ладно, зато одной паскудой в этом мире будет меньше, – Варламов шагает было вперед, – за такое посидеть не жалко.

– Что вы тут делаете вообще? – тихонько выдыхаю я, надеясь отвлечь Диму от немедленного убийства.

Слов в моей груди немного. Даже звуков почти нет. Это все с каждой секундой все сильнее напоминает какой-то черно-белый мультик. Кажется, вот сейчас Дима достанет из кармана гигантский молоток, треснет Анисимова по башке со всего размаха, а у Кости вокруг головы полетят птички.

Господи, когда я успела так вляпаться, а?

– Мы тут подслушиваем, – ухмыляется Дима, угрожающе похрустывая костяшками пальцев, – и заодно записываем компромат. Кстати, ты молодец, унылый, хороший монолог у тебя вышел.

Компромат?

– Эля. Ты записала... То, что я говорил? – Анисимов поворачивается к Эльке, в его голосе впервые проклевывается серьезная паника. Кажется, даже перспектива получить по морде его не так пугала, как возможное наличие компромата.

А Элька, глядя куда-то мимо меня, пожимает плечами.

– У меня совершенно случайно включился диктофон, – хладнокровно цедит она.

Черт, хотела бы я быть настолько же спокойной, какова сейчас Элька. Ну, или хотя бы выглядеть такой. На деле меня почти трясет, и я стискиваю губы и молчу, только потому, что не хочу в такой близости от Анисимова стучать зубами. Вся эта нервозность идет изнутри. Господи, как я хочу домой, в одеялко... И если Вселенная принимает заявки – хочу, чтобы поверх одеяла я была завернута в объятия Варламова. Только в этом случае чувство спокойствия будет абсолютным.

Блин, вот почему так? Вот вроде нет у меня повода начинать ему доверять “как раньше”, но интуитивно почему-то только рядом с ним я чувствую себя цельно. Вот как сейчас.

Он здесь – глядит на меня с легким беспокойством, и мне уже спокойнее, тошнота пропала, да и это странное чувство безысходности истаяло без следа.

– Эль, – тон Кости вдруг становится каким-то мягким, что ли. Флиртующим, даже. Черт, а я и не знала, что он так умеет.

Элька поднимает бровь и, выражая лицом заинтересованность, смотрит на Анисимова. Или мне кажется и она реально заинтересована?

– Ты же можешь стереть запись? Ты же не будешь так портить жизнь мне? – тон у Костика, прямо скажем, подобо-страстный. И выражение физиономии.

Честно говоря, изворотливость Анисимова меня поражает. Он соображает быстро и, кажется, уже все взвесил и тут же поспешил броситься на амбразуру ради уничтожения компромата. И... Кажется, ему есть на что давить. Неужели у Эльки к нему чувства? Хотя, вряд ли бы она допустила с ним секс, если бы чувств не было. Не такой она человек, чтобы с кем попало трахаться.

Дима дергается, оборачивается к Эльке, и она тут же отскакивает от него назад – на три ступеньки выше.

Элька смотрит на Анисимова задумчиво, будто взвешивая его на каких-то внутренних весах.

А я – я смотрю на неё. Честно, я уже очень устала от всего этого. Я уже почти примирилась с мыслью, что сейчас она действительно удалит запись, доказывать виновность Аниси-

мова мне будет нечем. Ведь один раз Элька меня уже предала. Один раз она уже выбрала Анисимова, а не меня. С чего бы ей вообще сейчас менять сторону?

– Кольцова... – тихо рычит Дима.

– Эль, и вот этому животному ты помогаешь? – восклицает Костя, тыкая в Диму пальцем. – Удали запись. Сейчас!

Кольцова едва заметно пожимает плечами и касается пальцем дисплея телефона.

Ну, все, да?

И пять минут тишины. Тихой, беззвучной, горькой – для меня, такой сладкой для Анисимова. Вон и улыбается как победитель, паскуда.

А потом в его кармане начинает вибрировать телефон.

Костя вздрагивает непонимающе, смотрит на дисплей – я со своего ракурса вижу фото Паши на заставке.

– Ну что ты, Костик, бери, – свирепо улыбается Элька, и Костя отшвыривает от себя телефон, будто он вдруг стал раскаленным. Да-да, я тоже прониклась Элькиным тоном.

– Что ты сделала? – едва слышно шипит Костик.

– Понятия не имею. Я ж дура, – Элька корчит глуповатую физиономию. – Кажется, я кнопочки, опять-таки, совершенно случайно перепутала... И отправила твой дивный монолог твоему начальству. На сохранение. А что, он уже прослушал? Прямо весь? Хотя зачем весь, там одного начала должно хватить...

Элька... Это настолько в её духе, что я тихонько всхлипы-

ваю и беззвучно смеюсь, пряча лицо в ладонях. И смешно, и до удивления радостно, и хочется дать любимой подруженьке чем-нибудь тяжелым по голове. Зараза, ведь нарочно и мне нервы трепанула напоследок. Типа, ты-то во мне сомневаешься, а я – выбираю тебя. Или это было, для того чтобы поставить Анисимова на место?

Хотя фиг с ним, важно то, что теперь у меня есть, есть доказательство! И даже если Анисимов не вернет мне книжку – Паше придется забрать свои слова назад о том, что все это – только мой саботаж.

И у Кости будут ого-го какие неприятности за все это. А если очень постараться и совсем не мелочиться – можно все-таки заставить Диму привлечь Анисимова и за воровство сценария. Если тот конверт сохранился – с него, наверное, и отпечатки пальцев снять можно...

– Девочки, – мягко произносит Варламов все тем же убийственно острым тоном, – сходите погуляйте, пожалуйста. Я вас догоню. Вам тут лучше не быть.

– Следующая сцена будет содержать слишком большое количество насилия? – нервно хихикаю я, припоминая эту фразу, которую регулярно используют в западных мультфильмах, когда нужно описать очень жестокую расправу над героем, которую нельзя показывать впечатлительной нежной публике.

– В самую точку, весна моя, – кровожадно откликается Дима. – В самую точку.

Глава 31. Полина

Нужно сказать, разговор у Варламова с моим несостоявшимся женишком утягивается минут на десять. И я, стоя все это время у Варламовской же тачки, просто хочу, чтобы Дима не покалечил Анисимова ненароком. Если просто драку и пару фингалов можно провести по хулиганке и отделаться штрафом, то пара сломанных ребер – и это будет уже перебор. Нет уж. Пускай с Анисимовым разбираются полиция и адвокаты. Мои, Пашины, Кирсановские... Анисимову сейчас столько исков можно предъявить, закачаешься, остаток жизни на компенсации работать будет. А Димка... Вот ему я проблем не хочу.

Элька стоит от меня в трех шагах и курит какую-то тонкую сигаретку со сладковатым ароматизатором.

– Что вы вообще тут забыли? – тихо спрашиваю я. – Ты и с Димой?

– Я была не в форме воевать с утра, когда позвонил Паша, – Элька вздохнула. – Решила, что в компании Варламова восстановлюсь быстрее. Ну, он меня выбесит, и мне полегчает. А еще... Я боялась с тобой встретиться, без него я бы просто сбежала, а при Варламове я же так позориться не буду.

– Воевать? – задумчиво повторяю я. – За что?

– За прекрасную даму, – с легкой ехидцей откликается

Элька. – За кого еще я могу воевать даже совместно с Варламовым? За кого он согласится встать плечом к плечу со мной?

– За меня? – я чуть хмыкаю. – не думала, что ты сейчас захочешь меня защищать.

Элька не комментирует, молча затягивается, медленно, глубоко, глядя в сторону от меня.

– Ты же три года как завязала, – отстраненно замечаю я. Наверное, это так глупо, стоять и вот так просто вести разговор с подругой, которая тебя предала. Вот только я почему-то уже и не ощущаю это все как предательство. Больше как спасение от того решения, к которому я пришла слишком поспешно. Будет странно, если я скажу ей “Спасибо”, да?

– Ага. И неделю как снова начала, – Элька улыбается очень напряженно. И смотрит на меня измученно. Как будто она ожидает, что я её ударю. А я бы не сцепилась с ней, даже когда их с Анисимовым застукала. А уж сейчас-то, когда я не чувствую в себе сил даже на то, чтобы вызвать такси – точно не буду.

– Анисимов этого не стоит, – спокойно произношу я. – Зачем ради него ты подписываешься на рак легких?

– Дело ведь далеко не только в нем, – Элька глубоко затягивается, а потом отправляет окурок в ближайшую урну. И замолкает, глядя на проезжающие мимо машины, запихнув ладони в карманы плаща чуть ли не по локоть. Ну, окей, по-

молчим, так помолчим...

– Это дерьмо вышло случайно, – глухо произносит Элька, так и не поворачиваясь ко мне. – Костя был расстроен тем, что ты уехала, я перебрала и... Меня занесло. Случайно, правда.

– А платье? – педантично напоминаю я. То самое – яркое, желтое, солнечного цвета. Можно случайно перебрать, можно потерять контроль над ситуацией. А можно ли случайно надеть на трезвую себя платье, которое должно понравиться жениху твоей подруги?

– Это... – Элька вздыхает. – Я не рассчитывала на такой эффект, честно. Я вообще уверена, что платье сыграло самую маленькую роль, но это был тот максимум, что я себе позволила сознательно. Да, мне хотелось, чтобы он на меня взглянул на секунду. На большее я идти не хотела. Я была уверена, что он ни за что тебе изменять не станет. Я была уверена, что и себя удержу в руках. Просто переклинило. Он сидел такой грустный в свой День Рождения, в телефоне копался. Я и позвала его танцевать...

На самом деле, если бы Анисимов не оказался вот таким вот ушлепком – я бы, наверное, даже его пожалела. Наверное, некая эгоистичная моя часть тоже бы не обрадовалась, если бы мой заветный мужчина в мой день рождения куда-то подорвался. Но тогда были дела, было надо, и кровь из носу надо было уехать. Разгребать, кстати, то, что наворочал именно Анисимов.

– Давно ты по нему сохла? – от этого вопроса Элька начинает нервничать сильнее. Запихивает руки в карманы плаща, будто у неё эти карманы абсолютно бездонные.

– Около года, – еле слышно шелестит её голос. Ну, да, такое очень своеобразное признание, на которое еще нужно было собраться с силами.

– Так вот почему ты перестала с нами куда-то выбирать-ся, – задумчиво тяну я. А я думала, что Элька просто чувствует себя третьей лишней. Но вообще это было грустно, потому что с Анисимовым все равно было не то же, что с Анисимовым и Элькой.

– Полин, я правда даже не думала, – Элька смотрит на меня, и в её глазах отчаянье, такое искреннее, что я сама чуть не реву. – Я держалась от него как можно дальше. Подругу ведь на член не меняют. Вот только... Вышло так, что я все-таки променяла.

– Ты могла сказать мне, что он тебе нравится, – ворчливо откликаюсь я. Настроение на самом деле совершенно не то, чтобы предъявлять по счетам. Хочу домой. Спать.

И только потом, желателью часов двадцать спустя, проснуться и решить, что делать с книгой. И с Димой. И с жизнью.

– Ага, – Элька впервые за наш разговор улыбается знакомой мне саркастичной улыбкой. – Представляю этот разговор. Привет, дорогая, прикинь, кажется, я серьезно запала на твоего парня. Может, это, дашь поносить на недельку, я с

ним сброшу напряжение и перебешусь. И что, ты благородно отдала бы Анисимова в мои озабоченные лапки, да?

– Я не знаю, Эль. Может и да. У нас ведь с ним и год назад неважно клеилось, – я пожимаю плечами. Мир глазами недо-спавшего и эмоционально истощенного человека – слишком большая, громоздкая и быстро движущаяся штукавина.

– Да ну, – едва слышно откликается Элька. – Я надеялась, что как-то переживу все это.

– Пережила?

– О да. Вот сейчас – точно, – Элька болезненно кривит-ся. – Меня сегодня чуть не стошнило от омерзения. Прямо там, на лестнице. Я почти целый год своей жизни сохла по этому... хмырю. Стыдно, ужасно.

– Эля, я за него чуть замуж не вышла. Мне тоже не сладко, – слабенько ухмыляюсь я. Элька смотрит на меня, будто удивленная моим мирным тоном.

Боже, даже от этого, такого дурацкого разговора меня немного потряхивает адреналин. Мы будто пытаемся вслепую нашарить под ногами канат, перекинутый через черную бездну.

Вот только я все равно не понимаю. Одна я иду по этому канату, или и Элька идет ко мне навстречу? Черт возьми, почему она вообще приехала, почему встала на мою сторону? Так перетряхнуло от Анисимова? Не хотела терять свои деньги? Или?

Боже, как давно я не хотела послать свою паранойю к чер-

тям собачьим.

Меня задалбывает просто стоять и смотреть на лучшую подругу, которая, судя по выражению лица, явно очень хочет сбежать куда подальше. Я даже не хочу обдумывать мотивацию её побега. Мне надоело. Я устала на неё злиться.

Я делаю к Эльке малюсенький шажок.

Один. Шажок.

Сантиметров тридцать длиной. Практически бесконечность!

Все остальное расстояние Элька преодолевает уже сама, вцепляется в мои плечи и захлеб ревет.

– Прости-и-и-и... – доносится сквозь всхлипы, а я...

А я тихонько дышу, поглаживая эту дурынду по спине. В груди копошится обида, но облегчения все равно больше, я будто прижгла ранку зеленкой, и она немного пощипывает.

Не все я могу простить. И не всех. Эльку... Эльку могу. Она дура – но она своя дура. Много для меня сделавшая. Одно жалко – окончательно это забыть вряд ли получится. Так и будет тень Анисимова маячить между нами. Но мы, в конце концов, взрослые тетеньки, из-за мальчика драки устраивать не будем.

– Тыщу лет не видела тебя такой разбитой, – чуть улыбаюсь я, а Элька нервно вздыхает, улыбается – впервые за весь этот разговор – действительно радостно, не натянуто.

– Никому не рассказывай, что я такой бываю, – тихо шепчет она и отстраняется, стирая с щек слезы. – Особенно Вар-

ламову. Он меня сожрет. И не подавится.

Я чуть пожимаю плечами. Не скажу. Ему – не скажу, еще не факт, что у меня будет повод.

Наверное, какая-то грусть на моем лице все-таки отражается, потому что Элька становится чуть собраннее, напряженнее.

– Поль, что у вас с Варламовым вообще творится? – такое ощущение, будто Элька ступает на тонкий лед – до того осторожно звучит её голос.

Я пожимаю плечами.

– Это сложно описать в двух словах.

– Значит, опиши в ста двух, – Элька категорично качает головой. – Давай. Ты у меня за словом сроду в карман не лезла. Рассказывай.

Когда не очень хочешь разговаривать – чем угодно себя займешь. Вот я например ловлю себя на пристальном наблюдении за тем, как на той стороне улицы мальчик в рыжей спецовке моет окна ресторана. Причем не просто так я на него смотрю, а траекторию движения руки с губкой отслеживаю.

– Он вчера предложил мне начать все заново.

Вчера. Такое ощущение, что прошла целая бесконечность с того разговора на верхушке Останкинской башни. Столько мыслей пролетело в моей голове за это время, и как снег на голову свалилась эта вот ерунда со срывом сдачи книги.

– А ты? – настойчиво интересуется Элька.

– А я его отшила, – вздыхаю я. – Накрепко.

И на самом деле – пусто об этом даже говорить. Я хотела дать себе время подумать, а теперь боюсь, что за это время он успеет себя на кого-то другого переключить. Ведь с этим у Варламова нет никаких проблем. Девочки на него так и вешаются, ничего не поменялось. Просто на некоторое время он развлекался мной.

– Но почему? – удивленно спрашивает Элька. – Полин, он же на тебя так залипает, как в универе не залипал. Он тогда мог за тебя в землю закопать, а сейчас еще и сверху бетоном зальет.

Почему-почему. По кочану!

– Я не знаю, Эль, – я выдавливаю вымученную улыбку. – Ну вот скажи, как нам с ним с начала начинать? Что изменится? Он ушел от меня, потому что ему стало со мной скучно. Он получил контракт в студии, поймал звезду, решил, что такая посредственная жена ему не подходит...

– Так, стоп, – Элька резко дергает головой. – Поль. Мы сейчас ведь про Диму говорим. Про того идиота, который влез в закрытый лифт, лишь бы тебя там клаустрофобией то комы не укатало. Про того, кто умудряется переболтать меня, а при тебе – чуть ли не язык глотает. Так что давай сейчас вот эту чушь вырубим и посмотрим в глаза фактам. Как я сохла по Анисимову, земля бы ему была пухом, так Варламов сохнет по тебе. И вот как хочешь живи с этим.

– Он от меня ушел, – устало напоминаю я.

– Потому что это для него был единственный способ дать

тебе писать, – рывкает Элька так громко, что даже пара прохожих на той стороне улицы оборачивается. Заметив это, Кольцова приглушает тон.

– Дело ни разу не в его контракте и в том, что он зазвездил. Это я Диме тогда наговорила гадостей, он очень впечатлился...

В моем мире и тихо, и звонко, а воздух такой колкий, будто в нем витают незаметные ледяные колючки. Нет, Дима мне говорил об этом их разговоре с Элькой, я помню.

Но... Неужели Элька говорила с ним об этом именно перед разводом? Почему-то мне думалось, что после, почему-то думалось, что она предъявила ему за тот мой первый депрессивный год.

И Дима... Из-за этого? Мне он сердце вырвал из-за этого?

Он мог бы сознательно перестать на меня давить, но предпочел самоустраниться. И с одной стороны – цель-то благородная, многое объясняет, многое оправдывает. И если отдавать себе отчет – прагматичный отчет – мне это пригодилось. Я встала на ноги, расправила крылья. И Дима тоже, и встал, и расправил.

И все равно обидно!

Глава 32. Дима

– Значит, хочешь мою женщину, да, прыщ? – едко интересуюсь я. – Как далеко ты раскатал свою губу, унылый. И куда её тебе натянуть, твою губу, чтоб ты не спотыкался? На задницу?

Унылый хватает ртом воздух, держится за живот. Ну, да, удар в солнечное сплетение – штука неприятная. Но мне, блин, тоже неприятно марать руки об этого ушлепка.

Если до того, как они с Полиной разбежались – я воспринимал его как соперника, и только потому у меня чесались кулаки, то сейчас это ощущение напрочь исчезло.

Я никогда не пытался добиться свою Полину подлостью. Самой некорректной была моя выходка с паспортом – но и она просто позволила мне выиграть пару лишних недель. И милым котиком я не прикидывался. Но даже при этом я не опустил до настолько грязного шантажа.

И, черт возьми, как же мало мне позволено по закону, чтобы защитить свою заветную, к которой домогался этот ублюдок.

Шагаю вперед, прихватываю унылого за шкуру, швыряю к стене, прижимая к ней физиономией. Пальцы выкручивают противнику запястье.

Если уж я тут – я поставлю в этой его убогой выходке точку, чтобы Полинке больше не пришлось с ней морочиться.

Он пыхтит, рычит, но как-то откровенно сдержанно. Может, и заорал бы, чтобы ему пришли на помощь, но наверняка на его вопли прибегут его же дружки, перед ними ему даже напоследок позориться не хочется. Какая жалость. Вот опустил бы его рейтинг тут я с большим удовольствием.

– Где файл книги? – раздраженно выдыхаю, заставляя себя не ломать уроду запястье. Сложно. Очень сложно не оторвать эти мерзкие ручонки. Себя бы ими удовлетворял, а не тянул к моей весенней нежной девочке.

Унылый не отвечает. Кроет меня и по матушке, и по бабушке, в общем – демонстрирует крайне низкий уровень культуры. Упрямый.

Боже, как же я люблю упрямых...

Я заламываю унылому руку сильнее, вырывая из его груди лишний вопль. Еще чуть-чуть и кисть руки я уже ему на верное оторву.

– Я тебя последний раз спрашиваю, где?

Я же знаю, что не так уж много мой враг и выдержит, он уже сейчас багровый от бессильной злобы. Он молчит еще с десятков секунд, но сильная боль – штука не самая приятная. Ему бы взбрыкнуть, дать отпор, но на это у него силенок не хватает

– В левом кармане, – шипит ушлепок. Еле-еле шипит – его алая от ярости щека прижата к стене. Прикольный тут дизайн, художественно они тут штукатурку поскребли, когда выпущу – морда у унылого будет расцарапанная, как будто

он с кошками подрался.

Надо же. А я думал придется тащить унылого в его кабинет, даже краешком мстительной души надеялся, что так его опозорю, но, видимо после фиаско со сценарием он решил держать такие важные вещи при себе. Ну, конечно, Полинка-то его бы обыскивать не стала, и даже драться бы с ним не стала.

Впрочем, ему это решение не очень помогло.

Я перехватываю правой рукой заломленную за спину кисть унылого, а левой ладонью ныряю в левый его карман.

Флешечка. Маленькая, серенькая, задрипанная, унылая, под стать своему хозяину.

– Если тут файла нет, я до тебя доберусь – ты в КПЗ пометишь со сломанными крылышками, петух, – выдыхаю я отрывисто, – обоими. Понял меня?

Кивает, мелко, торопливо, судорожно дышит, пытаюсь сглотнуть боль.

Выпускаю его руку, подталкиваю вперед, добавляю коленом – и унылый летит на пол.

Забавный народ эти слабаки, думают, что у них прокачан мозг и они мол стоят выше над “животными” типа меня. Ха. Ну вот, пожалуйста, стоило двинуться в сторону двери – унылый все-таки налетел на меня со спины, явно надеясь на неожиданность. Ага, конечно, неожиданность, я ж такой кретин. Я ж не думаю, что погань Полинке попалась совершенно трусливая.

Его толчок я встретил легким проворотом корпуса, позволил себе принять легкий инерционный импульс, а потом закончил разворот и выписал унылому в челюсть. Русский стиль – штука полезная!

И видит бог, я сдерживался. По крайней мере – челюсть я ему не сломал, хотя стоило бы.

Вот после этого удара унылый уже так легко не встает – то ли сидит, то ли лежит и с ошарашенным видом держится ладонями за место удара.

– Ну вот не учит тебя жизнь, совершенно, Константин, – я качаю головой. Противно даже смотреть на этого шакаленка.

Мне хочется побыстрее свалить из редакции, побыстрее добраться до Полли, оказаться, наконец рядом с ней. Будто солнечная батарейка внутри села и требовала побыстрее добраться до своего личного солнца. Весеннего, нежного солнца.

Но дела нужно доделывать до конца. Благо кабинет главного редактора находится просто.

Правда, секретарша у него окосела, когда я в лобовую через приемную прошел, но, кажется, поняла, что останавливать меня бессмысленно. Существуют люди-танки, поперек пути которых нормальные люди вставать боятся. Вот и я сейчас – чертов танк и, защищая интерес Полины, раскатаю в тонкий блинчик любого.

Главный редактор был на пару лет старше меня. Сидел себе в кресле, гипнотизировал телефон в своей руке убий-

ственным взглядом. И как несчастный аппарат еще не взорвался – ума не приложу.

– Рукописи обрабатываются редакторским отделом, – дежурно улыбается он, кажется, приняв меня за штурмующего его кабинет графомана.

– Давайте я лучше в Вангу поиграю и с одного раза угадаю, кому вы звоните, – вкрадчиво предлагаю я, опираясь ладонями об стол. – Только абонент Константин сейчас вам не ответит, ему для этого смелости набраться надо. И зубы с пола собрать.

– Та-а-ак, – задумчиво тянет мужик, откидываясь в кресле. – А вы у нас кто? От Бодлер? Новый представитель?

– Дмитрий Варламов, – я чуть пожимаю плечами, не торопясь ничего отрицать. Пока меня считают за представителя Полины – должны хотя бы выслушать, а не сразу послать... В редакторский отдел.

– Я так понимаю, вы ко мне не просто так явились? – Паша – если я, конечно, помню его имя правильно – смотрит на меня с незатухающим интересом.

Выкладываю перед ним свой флэш-трофей.

– Константин утверждал, что здесь находится копия книги Полины, честно говоря, я бы предпочел убедиться, что это правда. Ну и он бы предпочел, потому что наверняка жить ему еще хочется.

– Когда я думаю, что повидал уже все возможные закидоны творческих и... индивидуальностей, они всегда находят,

чем меня удивить, – Паша покачивает головой. – Ну, давайте, посмотрим, где оно там. И есть ли?

На самом деле тыкать разные флешки куда попало вряд ли можно и в издательстве. Тут воткнули, но все-таки проверили на вирусы.

Унылый точно не рассчитывал на разоблачение, да и флешкой явно ни с кем не делился. Так что все мои опасения на сложную иерархию файлов, запароленный архив где-нибудь в такой папке, в которой точно искать не догадаются, к счастью, остались только опасениями.

“Бабочка Многодневка” лежала в корневой папке флешки. Целая и невредимая.

Все пятнадцать авторских листов.

– Ох, сдастся мне, придется извиняться перед Полиной, – вздыхает главный редактор и перетаскивает себе файл на рабочий стол, потом кидает в почту, затем смотрит на меня.

– Я бы на вашем месте готовил для Полины новый договор с повышенным процентом по продажам, – исходя из правила “наглость – второе счастье” заявляю я.

Ну а что, себе бы я такую же фишку выбил, если бы дорогой и любимый начальник на меня зря наехал. И я ничего не потеряю, сказав это вслух. В хорошем исходе – выиграет Полинка, в плохом... Ну пошлют меня к чертовой матери, я терпеливый, я переживу.

Паша не спешит меня посылать. Задумчиво щурится и кивает, явно намереваясь обдумать этот вариант.

– Процент как компенсация – это хорошая мысль. Спасибо. И за помощь тоже. Что-то еще?

– Расписку о получении файла книги, которая подлежит сдаче, – невозмутимо откликаюсь я. – С печатью, подписью, в свободной форме. Можете от руки написать. Графологическую экспертизу, если что, мы закажем.

Годы работы с Кирсановым меня приучили – всегда и везде бери под роспись.

Что-то одобрителное мелькает в глазах Павла, он кивает и тянется за чистым листом к принтеру.

Расписку я читаю, утвердительно киваю, складываю вчетверо, убираю во внутренний карман пиджака. Вот теперь действительно все.

– Кстати, Константин сейчас у вас на лестнице валяется, – замечаю я напоследок. – За отдельную доплату могу поработать сборщиком мусора и притащить этого ублюдка к вам.

– Не стоит. Пусть поваляется, – Паша многообещающе улыбается. – Из здания все равно не выйдет, охрана не выпустит. Мне нужно очень многое обсудить со своим сотрудником.

Когда я выхожу из издательства – на миг замираю на ступеньках. Взгляд зацепляется за Полинку, которая вместе с Кольцовой стоит у моей машины. Не уехала. Я, если честно, боялся именно этого. Что она не захочет со мной говорить, попытается избежать, она же ясно вчера дала понять, что возвращаться ко мне не намерена, тем более что явил-

ся-то я сюда с Эльвирой, не с Полиной.

И все-таки...

Она стоит, что-то говорит Кольцовой, слегка улыбается, а взглядом уже сверлит меня. И от этого только дышать тяжело. Дело ведь даже не в том, что она у меня красивая, хотя Полинка действительно красивая. Даже сейчас, бледная, с запавшими от нервного напряжения и недосыпа глазами. Особенно сейчас – такая хрупкая, такая уставшая, что хочется стать тем стеклянным куполом, что защитит мой хрупкий подснежник от ледяных градинок и прочих неприятностей.

Я обещал ей оставить её в покое. Это напоминает мне внутренний педант.

И черта с два я сдержу это обещание. Нет, мне не стыдно. Просто она – моя женщина, и я расшибусь, но добьюсь того, чтобы она меня пустила в свою жизнь и отогрела своим теплом. И я сам – отогрею её. Мою обиженную девочку.

– Ну, давай, Полин, – Кольцова торопливо кивает, как только видит меня.

– Тебя не надо подвозить? – я удивленно поднимаю брови. – Я тебе обещал.

– Я переживу, – откликается Эльвира, пристально глядя на меня. – Мне еще есть, что с Пашей обсудить. А вы займитесь... восстановлением файлов.

Так и хочется сказать: “Кольцова, не переигрывай”. И я мог бы ей сказать, что с Пашей ей уже разговаривать не о чем, но она не особо и слушает, не без облегчения на лице

расцеловывается с Полинкой, бросает мне “Чао” и испаряется с горизонта. Ладно. Думаю, если она дойдет до редактора – он ей все объяснит.

Вот теперь приходит черед отдавать расписку Полине. Она читает, смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

– Ты... Ты забрал файл у Кости?

– Я – животное, – ухмыляюсь я, чуть подмигивая, – и моему животному напору не может сопротивляться ни один унылый червяк.

Оно того стоило – так морочиться, потому что иначе Полинка бы не смотрела на меня так пристально, и я бы не тонул в её дивных ореховых глазах.

– Спасибо, Дим, не ожидала.

Меня даже от этой простой фразы, такой спокойной, но такой искренней будто окатывает теплой морской волной.

– Пожалуйста, – отвечаю я, а потом, обнаглев, добавляю: – Может, поцелуешь за такие подвиги, заветная моя?

В конце концов, сегодня, кажется, мой день, можно и берега потерять. Тем более что, когда рядом моя заветная весна, – это как раз легче легкого.

– Ну-у-у, – Полинка смотрит на меня испытующе, будто прикидывая, стою ли я такой щедрой платы. – Нужно подумать насчет поцеловать. А вот кофе угостить могу. Если отвезешь меня до дома. Согласен?

Согласен ли я? Она сама приглашает, а не я напрашиваюсь, и согласен ли я?

– Спрашиваешь!

Она улыбается краешком губ, касается моей ладони самыми кончиками пальцев. А у меня в груди сердце бухает лихорадочно, будто у шестнадцатилетнего пацана.

Ох, Полина, вот и что ты со мной делаешь?

Глава 33. Полина

Губа у Варламова не закатывается никогда. Вообще. И всегда раскатывается только шире и дальше.

А еще, слова “нет” Дима не понимает, и не поймет, сколько ни надиктовывай ему его смысл.

Я это знаю, и мне сейчас это очень кстати.

Я хочу, чтобы Дима хотел большего, чем просто кофе. И я знаю, что он будет думать об этом, даже если будет всю дорогу демонстративно спокоен. Когда он там разбежался со своей Верочкой? Две недели назад? И как? Все это время без секса? Он? Ха-ха.

Ха-ха-ха!

Я знаю его аппетиты и мне смешно.

В моей крови кипит азарт, на самом деле. Мне ужасно интересно, смогу ли я довести Варламова до ручки. Раньше – могла. Но раньше я была моложе, свежее, вот это все.

Смогу ли сейчас? Ну, то есть да, все это время Дима вроде бы визировал интерес ко мне, но... Но в постель ведь не тащил. Самым откровенным был, пожалуй, тот эпизод, когда он меня облапал, когда я готовила романтик для Анисимова. И все-таки мне это важно сейчас. Интересую ли?

Мы болтаем о ерунде и не очень, о восстановлении моего ноута, о том, на что имеем право подать в суд точно, а по поводу чего нужно будет обратиться к юристу и уточнить дета-

ли, о том, что завтра мне нужно съездить в телецентр, проверить готовность отстроенного под съемки блока внутренних локаций, навести там какой-то свой авторский марафет...

И я смеюсь над его шутками, касаюсь его предплечья то и дело, когда мы притормаживаем на светофорах.

Интересует.

Я чувствую, куда сворачивают мысли Димы. Это такое странное интуитивное ощущение, от которого покалывает кожу на кончиках пальцев.

Я вижу, как Варламов становится чуть более напряженным, старательно сосредотачиваясь на дороге. Причем еще до того, как мы доехали до моего дома. Я будто ощущаю эти мысли вокруг себя раскаленным облаком, трепетно касающимся моей кожи то тут, то там, будто оставляя невидимые поцелуи.

Запарковавшись у моего дома, Дима торопливо распутывается с ремнем безопасности. Я подыгрываю. Я не тороплюсь. Я позволяю ему открыть мою дверь, подать мне руку. Все, лишь бы оказаться к нему ближе, заметить его расширенные зрачки, устремленные на меня и пересохшие губы.

Он меня хочет. Пока не до темноты в глазах, но уже настолько, что он с трудом думает о чем-то другом. На какие-то простые вопросы он отвечает чуть-чуть заторможенно, просто потому что думает совсем не о том.

Но он меня хочет.

Хорошо.

Очень хорошо.

Это ощущение на самом деле отдается во мне эхом. Потому что этот поганец меня волнует не меньше. Убить бы его за это, но... Поздно. Не нужно было так терять голову еще тогда, когда я была молодая и глупая. Кто ж виноват в том, что я влюбилась в Варламова именно так, глубоко, настолько, что даже сейчас, девять лет спустя я все еще тону в его ноябрьских глазах. И все еще замираю, просто для того, чтобы продлить мгновение, в котором наши пальцы переплетаются, и между ними будто проскакивают искры.

А потом... Потом настает реальный мир. И время подниматься в мою квартиру. Время, наполненное тишиной, время, когда Дима избегает смотреть на меня, потому что явно надеется сдержаться и успокоиться.

Забудь, мой милый, я не дам тебе успокоиться.

Именно с этой целью я иду переодеваться сразу, как только захожу домой. Я уже обдумала этот маневр, и он удастся на все сто.

– Полина... – это даже не стон, это почти вой. И по моей коже уже бегут крупные горячие мурашки.

– Что? – я строю невинную физиономию. – Я дома. Я всегда так дома хожу.

Ну, конечно, нет. Не всегда я дома хожу в длинной майке, которая идет за короткое платье. Майка еще и красная, сейчас играет роль мулеты для моего "быка". И да, я вижу его голодный взгляд. И нет, что значит слово "милосердие", я не

имею ни малейшего понятия.

– Это майка или топик? – с любопытством интересуется Варламов, склоняя набок голову. Вопрос длины моего подола явно у Варламова стоит на повестке дня.

– Это домашнее платье, – ехидно отрезаю я. – Я устала и хочу расслабиться. Если тебе что-то не нравится, Варламов, – езжай домой, купи себе кофе на какой-нибудь заправке.

– Интересно, что же мне может не нравиться... – едва слышно шепчет Варламов, но я – я слышу. И иду в кухню, едва сдерживая на губах победоносную улыбку.

На Диму накатывает духота, и это очевидно, потому что он растягивает на шее узел галстука. И пальцы его слушаются не очень. Они явно хотят возиться не с галстуком. А с той же моей майкой, допустим.

В моей душе зловещим эхом раскатывается триумфальный хохот.

С кофе я вожусь без лишней спешки.

И с наслаждением ощущаю скользкий по моей спине и ниже взгляд Варламова.

Это действительно кайф, знать, что я его волную. До сих пор. И сейчас я от этого ощущения едва ли не пританцовываю.

Можно ли лапать одними только глазами? Ну, вот Варламов умеет, может давать мастерклассы. А когда я разворачиваюсь к нему – он свои наглые глаза скромно опускает. Типа,

я не замечаю и не знаю его совершенно.

Да-да, милый, обманывайся дальше.

– Какой кофе хочешь? – я к Диме подхожу нарочно. Я хочу, чтобы он нагрелся от моей близости еще сильнее. Мне нужно, чтобы у него совершенно вышибло пробки.

Тем слаще будет моя над ним расправа.

В моих руках – два бумажных пакетика с молотым ароматизированным кофе.

Дима принимает к ним, а глазами ест меня.

Если он и хочет чего, то точно не кофе...

– Ну?

– Даже не знаю.

Кажется, пациент почти готов. Потому что его зрачки реагируют на всякое мое движение, а вот думать и выбирать ему явно уже не хочется. Ну что ж, добьем.

– Ну, значит, помелем обычный, – улыбаюсь я и снова возвращаюсь к шкафчикам. Открываю продуктовый, тянусь вверх, ощущаю, как чуть-чуть ползет вверх по моим бедрам подол платья-майки.

На моей талии сжимаются жесткие пальцы Варламова. Все-таки не выдержал. Все-таки свел на нет расстояние между нами.

И не только свел, но и развернул меня к себе, подхватил и усадил прямо на кухонный стол.

– Эй... – возмущенно вскрикиваю я. Я не позволяла ему ничего такого, и нечего ему нагнать.

Я замолкаю от его взгляда. Смеющегося, прямого взгляда. Все он понял, что я пытаюсь повернуть. Черт! Сердце подпрыгивает, пританцовывает где-то рядом с моими гландами.

– Тебе не надо меня дразнить, родная. Больше, чем я хочу тебя – хотеть невозможно, – Дима чуть улыбается, сталкиваясь со мной лбом. – Давай уже поговорим. Ты же понимаешь, что нам это нужно, да?

– И о чем же нам говорить? – я поднимаю брови. Да, я хочу, чтобы в кои-то веки говорил он. Потому что меня сейчас бесит абсолютно все. И он – в первую очередь.

– О нас, Полин, все же понятно, – негромкий, настойчивый, мягкий его тон отдается трепетом где-то в самой глубине моей души. – Я без тебя уже устал. Ведь и ты тоже, да?

Да.

Черт возьми – да.

Я его ненавижу, но да. Я без него не могу, я хочу только с ним.

От столкновения взглядов до столкновения губ – три удара сердца.

И это что-то вроде затмения. Темного, глухого, когда ни лучика света нет в моей душе, и кажется, что к моей груди приложили дефибриллятор и пустили напряжение.

Пять тысяч вольт, не меньше.

Ненавижу.

Вгрызаюсь в его губы и ненавижу его.

За каждый день, что я провела без него, за каждый день,

что он провел с кем-то еще. За всех его стервочек – по отдельности и вместе взятых. Я даже жалею, что я не вампир. Я бы прокусила его губы насквозь, высосала до последней капли крови, досуха, просто чтобы его кровь в моих венах смешивалась с кровью моей. Чтобы он снова принадлежал только мне.

Горячие ладони сжимают мои щеки, и Дима тихонько рычит, потому что я кусаю его губы и царапаю его запястья.

– Издеваешься? – тихо шипит он, раздирая наш с ним поцелуй с таким напряжением, будто мы за это время успели срастись губами, – Нам поговорить надо, а ты меня только драконишь.

– Имею право, – огрызаюсь я. Кто из нас сейчас обломался сильнее?

У меня ощущение, будто мы – два просыпающихся вулкана. И мы оба сейчас дымимся, один другого сильнее, и скоро, скоро начнется уже что-то совершенно смертельное.

– Прости меня, – устало шепчет Дима, чуть прикрывая глаза. – Весна моя, я без тебя скоро сдохну, я уже не могу. Я знаю, что я виноват, знаю, что не надо было от тебя уходить. Я подыхал каждый день этих пяти лет. И дольше я не вынесу. Без тебя – нет. Вот как хочешь. Я могу только с тобой. И я не сдамся, не отстану, пока ты мне не поверишь.

В нем так легко утонуть... В одних только бездонных глазах моей любимой сволочи. Весь он – моя пропасть, мой зыбучий песок.

– Я ведь тебя не просила уходить, – сипло выдаю я, – мне было тяжело, но я справлялась. Мы могли дождаться конца твоего кризиса. Мы прошли бы через все это вместе.

Я произношу все это случайно. Эти мысли крутились в моих мыслях безумно долго, я мучила их, мучила саму себя ими, и вот они – вырвались из моей тесной черепной коробки, и будто хлестнули Диму по лицу. Я вижу – он вздрагивает.

Да-да, карты на стол, Димочка, я знаю, почему ты ушел, и я хочу понять – действительно ли поэтому.

Утонуть в нем не сложно.

Оправдать его – еще проще. Но стоит ли?

Элька ведь могла ошибаться... И этот пазлик... Он ужасно противоречивый. Мне странно думать о том, что развод мог происходить для меня.

– Родная... – Теплые пальцы пробегают по моему колену. И дыхание Димы становится судорожным. Ему не так уж просто сосредоточиться.

– Родная. – Повторяет Дима устало. – Да мы могли пройти до конца моего кризиса вместе. И по пути я бы добил тебя окончательно. Seriously, я тогда и сам не отдавал отчет, какой ад тебе устроил. Это было нужно сделать. Для тебя. Чтобы ты начала писать снова.

Развод. Для меня.

Это звучит чудовищно.

Я ведь помню до сих пор, как раздирали меня изнутри

ледяные шипы каждой из шести букв этого мерзкого слова.

Как я ощущала себя сиамериканским близнецом, только не тем, что успешно пережил операцию по отделению лишнего, а тем самым— лишним, лишившимся питающих вен, лишившимся сердца, отрезанным и выброшенным на помойку.

– Ты мог тогда просто сказать вслух, что не против того, чтобы я печаталась. Разводиться было не обязательно.

Именно после этого заявления Дима замолкает. И я не буду говорить ему больше ничего. Я хочу слушать. Я хочу понимать, что он ушел от меня именно поэтому, а не потому, что захотел “молодого тела”.

– Я сейчас могу это сделать, – глухо откликается Дима, чуть отодвигаясь от меня. – Тогда мне было тошно признавать это все. Понимаешь, уже это означало для меня, что я перешел грань. Совершил непростительное. Я бы не простил, если бы мне запретили писать сценарии. Я бы ненавидел того, кто это сделал. И ты... И ты должна была. Когда до тебя дошло бы. И понимать, что я сделал все, чтобы ты меня ненавидела... Мне было тошно.

– Уйти было проще?

– Да, – пусто откликается Дима, – тогда казалось, что проще.

– Казалось?

– Я горел изнутри каждый чертов день, – каждое слово дается Диме с трудом. – Я горел, подыхал, пытался жить дальше. Пытался доказать себе, что могу без тебя. И не мог. Ни-

кто не может заменить мою весну. Никто, кроме тебя, этот пожар затушить не может. Веришь?

С одной стороны – да с чего бы мне ему верить? Сколько между нами лет друг без друга, сколько между нами недоговорок, сколько обид и пустоты? Он ведь уже предал меня однажды, он уже отступился от своего слова, ушел, исчез из моей жизни. Какая же дура поверит после такого?

Но я верю. Что-то есть в выражении его глаз, в чуть над-реснутом измученном голосе, что выдает – сейчас этой своей откровенностью Дима вывернулся наизнанку, будто выдрал из своей груди сердце и протянул его мне. Окровавленное, но живое!

И что я буду с ним делать? Откажусь? Растопчу? Оставлю себе?

На самом деле, этот разговор происходит слишком поздно. Мы с ним уже будто и позабыли о том, что было эту вечность назад. Что эти грехи – они устарели, списаны, их вот-вот кремируют и развеют по ветру, и будет некому за них спрашивать.

Да что там, мы позабыли, что сейчас творится вокруг нас в мире. Нас волнует только отсутствие спокойствия между нами. Пока не заключен мир, пока продолжается эта война – ничто другое нас занимать не будет.

Я хотела раздражить его и отправить домой. А сейчас не знаю, как вынырнуть из теплого омута его осенних глаз.

Не знаю, почему он купил мое дыхание, но явно задешево.

И нет, больше никаких сил ему сопротивляться не осталось. Я сама ужасно устала без него.

Зачем цепляться за старое? Зачем не искать новое?

А что если не получается по-другому? Если все новое кажется дешевой китайской подделкой, а то, что считается старым – пусть зрелым, пусть слегка треснувшим, но все-таки – драгоценным подлинником?

И так у меня ведь ни с кем не было, и не будет – я уверена.

– Полин, – тихо напоминает о себе Дима, будто умоляя меня дать ему ответ. – Что ты скажешь? Ты позволишь мне остаться?

Что я скажу?

Я не скажу ни слова.

У него горячие губы. Горячие, как июльская жара. Те, от которых отступает назад холод, стоящий за моей спиной.

Оставайся, милый. Отогреешь. Я тебе сдаюсь.

Правда, эти слова я вслух произносить не буду.

Пока что...

Эпилог

Дима

Если и может быть что-то романтичнее танца на верхней площадке Эйфелевой башни, то это только танец на верхней площадке Эйфелевой башни в самый разгар весны, когда в Париже цветут яблони.

Это была, наверное, самая дорогая сцена в фильме, потому что за аренду озера платить не надо, а взять в аренду Эйфелеву башню бесплатно уже не получится. Но, честно скажем, эта сцена стоила каждой копейки. И лучше неё для финала ничего не было.

Лена Федорович и Макар Зарецкий в роли Наташи и Артема вписались отлично. Между ними была химия, хотя, конечно, я знал, что химия бывает и посильнее. Как у меня и Полины.

– Я тебе уже говорил, что мы там танцевали лучше? – шепотом на весь зал кинотеатра спрашиваю я, склоняясь к плечу Полинки.

– Тс-с! – цыкает моя волшебная. – Варламов, ты точно в своих театрах суфлером не подрабатывал?

– Ты же знаешь, что бывало, – безмятежно откликаюсь я. – Когда я работал в тех театрах – времена были голодные, любая подработка за деньги мной воспринималась на ура.

Полина недовольно царапает мою ладонь, требуя, чтобы я

перестал её отвлекать, и я ловлю её пальцы и крепче сжимаю их, извиняясь. Я уже выучил каждую сцену в этом фильме, я видел его кусками во время монтажа, но сейчас, в готовом виде, и я его вижу впервые.

И да, каждый кадр тут – свидетельство нашей пахоты, с каждым кадром связано свое воспоминание. Многие – чисто съемочные, например, воспоминание о том, как в майской, еще не прогретой озерной воде снимали одну романтическую сцену, и естественно – даже с шестого дубля удалось снять не со всех ракурсов и не так, как хотелось бы. Как актеры кутались в свои одеяла, глотали почти кипяченый бульон и матерились, потому что после того, как вернулись из Парижа – это все казалось ужасающе жестокой рутинной.

Многие воспоминания – чисто личные. Например, я, замечая синюю парижскую крышу на одном из финальных кадров, вспоминаю, как именно на ней мы с Полли сидели и встречали рассвет, завернутые в один огромный плед и с целым термосом мокко.

Или момент из начала, когда в кадре был один из домашних интерьеров съемочного блока. И помню я ту вазочку, убранныю на верх стеллажа. Прекрасно помню, как Полли полезла ставить эту вазочку и упала со стремянки. Еле успел её поймать. А уж как тогда взорвался – живым не ушел никто, в том числе и наш “технический директор”, у которого стремянка была в таком дерьмовом состоянии. Досталось даже начальству, которое мне потом печально сообщило, что

совершенно меня распустило. Хотя я был прав, и Кирсанов это прекрасно понимал.

Помню, как Полли тогда пришла ко мне, злющему как голодный мегаллодон, обняла со спины. Как я молчал, раздосадованный её неосторожностью, и каждую из реплик, сказанных нами тогда.

– Злишься?

– Ты могла свернуть себе шею. Конечно же, я злюсь.

Полли на это с минуту виновато помалкивала и просто отрывисто пыхтела, и от её горячего дыхания по моей спине бежали мурашки.

Я не стал ждать её извинений, они были не особо и нужны, я просто развернулся тогда, обнял её сам, крепко стискивая свою весну в руках, напоминая, что все в порядке, она – целая и невредимая, я успел, ничего не случилось.

– Будь аккуратней, родная, – шепнул тогда умоляюще, глядя в её майские глаза, – я тебя снова терять не хочу. Ни на день.

А она в ответ зажмурилась, кивнула и потянулась к моим губам, чтобы поставить еще один плюсик в мысленной летописи наших с ней поцелуев. Чтобы я снова ощутил себя еще более живым. Чтобы снова сознался, что безумно её люблю, как только оторвался от её губ. А она – тогда впервые с момента развода – мне ответила: “И я тебя тоже”.

Это была маленькая моя победа, от которой в моей груди будто взорвалось и растеклось по ребрам изнутри маленькое

раскаленное солнце.

А еще это все-таки было и мое поражение – тоже. Потому что она говорила это будто с опаской, будто опасаясь, что как только я услышу это – сразу снова от неё уйду.

Хотя, разумеется, мне этого было недостаточно. Ведь я уже слышал когда-то эти слова от неё, и куда более эмоциональные, и сердце в груди уже вздрагивало от них. Но этого ведь мне всегда будет мало. Я не хочу останавливаться на паре фраз, хочу всю любовь моей весны, которую она может дать мне.

И потом, я сам живу будто во сне. Мне даже сейчас – два года спустя, как и тогда, когда мы только помирились – мне до сих пор сложно поверить, что она тут. Что она – снова моя, и что сейчас я приобниму её за плечи, и она не вспылит и не огрызнется, а опустит голову уже на мое плечо, заставляя капли в моей душе запеть громче и звонче.

Теплая моя весна, боже, столько времени утекло после нашего воссоединения, а как будто и дня не минуло. И как не мог я дышать без неё – так и не могу.

Полинка досматривает фильм до самого конца, до последней строчки титров, до последней ноты финальной песни. Кстати аудиосопровождение фильма – это отдельный повод для гордости, правда, уже не моей, но в этом фильме больше оригинальных инструментальных композиций, чем в любом другом фильме Кирсанова. И эти композиции действительно крутые.

– Ну, что, госпожа Бодлер, что вы скажете?

Когда Кирсанов говорит о фильмах, он похож не на взрослого состоявшегося человека, а на ребенка, ждущего хорошей оценки. Хотя я могу понять. Он ведь режиссер, и наличие Полли на съемочной площадке, её восторженные глаза – вот что обеспечивало Илье большую часть его творческого вдохновения. Илья умело скрывает, но в свое время он не зря настаивал, чтобы моя заветная присутствовала на съемочной площадке. Она произвела на него впечатление.

Ему и вправду хотелось вот этого, чтобы Полли в итоге растроганно улыбалась, стирая со щек слезы, и шумно сморкалась в бумажный платок. Её сложно довести до слез в жизни, она у меня ужасно сильная, и мне порой приходится напоминать ей, что вообще-то это ей не обязательно. Я – рядом. Ровно для того, чтобы ей сильной быть не приходилось.

– Мне кажется или вы себя превзошли? – тихонько выдыхает моя весна. Вообще-то нет, не кажется.

– Все мы тут прыгали выше головы, – ухмыляется Кирсанов, всем своим существом источая удовольствие, – потому что кое-кто задал нам очень высокую планку своей книгой. Нам пришлось соответствовать вам, госпожа Бодлер. Так что результат великолепный в основном благодаря вам.

– Да ну, – Полинка смущенно опускает реснички, – скажете тоже, Илья Вячеславович.

Если бы Кирсанов не был счастливо женат, если бы я не знал, что Полина для него только муза – я бы, наверное, не

удержался и вызвал его на дуэль, забив на то, что те дуэли уже две сотни лет как отменили. Я просто знаю, что Полин-ка очаровала и его – это было заметно с первых их бесед, а сейчас, два года спустя она может кормить его с рук. Сколько кофе ими было выпито на съёмочной площадке – не считать.

Но нет, мне тут подозревать нечего, Илья не заходит дальше эмоциональной привязанности, да и моя девочка сейчас снова льнет к моему плечу, это компенсирует мне очень многое.

Кирсанов же, не будь дураком, уже подбивает клинья насчет другой книги.

Да, конечно, все будет зависеть от сборов. Но мы сейчас в успехе почти уверены, а впереди четыре месяца рекламной кампании, куча интервьюшек, которыми еще задолбают и Полину, и Илью.

Полинка смешная, Полинка вслух сомневается, хотя уже по тону слышно, что она-то согласна, и издательство наверняка только обрадуется, что Полина Бодлер так вдохновила именитого режиссера (ну и что им там, деньги лишние, что ли, у них же свой процент комиссионных с экранизаций).

Конечно, все эти договоренности – они предварительные, но... Есть у меня ощущение, что Кирсанов “занимает территорию”. К Полли, кажется, уже подкатывали пару раз, с момента выхода тизеров "Феи-крестной" предлагали. Она все еще думает, Кирсанов у неё в приоритете, но на тот момент

от него предложений у неё не имелось.

– Мы подумаем обязательно, – честно подводит черту Полина.

Мы. Мы подумаем, да. Правда, кажется, именно я буду её уговаривать согласиться, а Полинка будет заламывать локти и сомневаться.

И даже ведь вопрос не в том, хочет ли Полинка снова уйти в съёмки, я прекрасно знаю, что ей понравилось. И да, ей хотелось бы окунуться в этот хаос снова, пережить это еще раз, как минимум.

Дело в предложении от сериальчика с ВВС, приславшем мне ответ по отправленным им синопсисам эпизодов. Сериальчик занятный, мистически-детективный, новый, с хорошим рейтингом. Ну, непристойная зарплата и обеспечение корпоративным жильем в неплохом районе Лондона – это довольно приятные бонусы, на самом деле.

И предложение это пока повисло, пока я дорабатывал фильм у Кирсанова, и закрывал контракты с федеральными каналами, но вопрос переезда мной и Полиной уже обсуждался. Возможно, она думает, что это нам помешает. Ведь одно дело, писать – какая разница где это делать, в Москве или в Лондоне, а другое – разрываться напополам между двумя странами. Ведь нужно будет на съемках присутствовать обязательно.

Вот только нет, мы будем искать решение, потому что я твердо стою на том, чтобы больше не перекрывать моей за-

ветной кислород. И сам себе обломаться я тоже не дам, я же знаю, что такие обломы на меня не особенно круто действуют.

Тем более – сейчас принимать решение не обязательно, у нас и другие задачи имеются. Но заключить соглашение, чтобы приступить к работе, скажем, годика через два – почему бы и нет. Это впишется в наши с Полиной жизненные планы.

Когда мы выходим, мы с Кирсановым переглядываемся.

– Увидимся в ресторане, госпожа Бодлер? – на прощанье спрашивает Илья. По официальной версии – у нас там вечеринка в честь финальной точки в работе над созданием фильма. Но есть и дополнительный смысл.

– Да, конечно, – Полина кивает. – Я только заеду домой переодеться и приеду сразу же.

А потом – потом мы уже наконец выгрбаемся из студии, и окунаемся снова в теплые объятия начала мая.

Полинка утыкается носом в мое плечо.

– Я тебе уже говорила “спасибо”? – шепотом интересуется моя хорошая.

– Говорила, кажется, две тысячи девятнадцать раз, – не без иронии откликаюсь я, открывая перед ней дверцу машины. – Только зря ты это все делаешь, на самом деле. Не за что.

– Значит, будет две тысячи двадцать раз, – Полина смотрит на меня с вызовом. – Потому что без тебя фильма бы не

было.

– Неа, – я качаю головой, – фильма бы не было, если бы не было книги. А я так. Всего лишь помог Кирсанову понять, какую историю ему снимать. Но если бы кое-кто у меня не был настолько талантливым, даже не знаю, чему бы тут было помогать.

– Ты бесстыже мне льстишь, Варламов, – хмурится моя заветная, впрочем без особой твердости.

– Нечему льстить. У меня самая талантливая жена на свете, – откликаюсь я и чуть прикусываю язык. Потому что... Палево...

– Бывшая жена, – недовольно ворчит Поинка, пряча взгляд.

– Родная моя, поехали переодеваться? – я торопливо сворачиваю со скользкой дорожки. – Иначе в ресторан мы придем позже всех, и они съедят все самое вкусное без нас. Что ты, наших операторов не знаешь?

Полина

Бывшая жена.

Блин, зачем я это вякнула вообще? Вот что мне, спрашивается, не хватает в жизни? Замужества? Да нет, мне нормально живется и без него.

Даже больше того: мне очень хорошо живется с Димой.

Мы с ним. В этих словах все. Мы с ним – и это самое правильное, что может быть в жизни. Притирка уже была,

тысячу лет назад, мы будто и не забыли старые привычки друг друга.

Я привыкла просыпаться под переливы фортепиано из колонок на кухне, Дима помнит, что я люблю омлет без всего, и даже без соли.

Я частенько сижу в кухне перед ноутбуком, слушаю, как Дима поет в душе – и да, я знаю, что он поет для меня.

А Дима может так же спокойно сидеть со мной рядом, когда я со своим ноутбуком забьюсь в уголок дивана. Может писать сам, может просто дремать, уронив мне голову на плечо, может в той же позе читать, что я пишу, и комментировать какие-то спорные моменты.

Я просыпаюсь утром и со спокойной совестью еще минут пятнадцать валяюсь, прижимаясь к широкой Варламовской спине. А потом он просыпается окончательно, перекатывается сбоку на бок, и объятия становятся крепче. Еще крепче...

Честно говоря, некоторое время я боялась. Тогда, в самом начале мне было страшно, что чувства чувствами, а преодолеть всю мою психосоматику, все внутреннее недоверие как к мужчинам в общем, так и к Диме в частности, будет не очень просто.

А нет.

Я будто проснулась однажды в Диминой квартире и не уезжала из неё больше. Таскала потихоньку к нему шмотку за шмоткой, пока Варламов уже через неделю этого медлен-

ного завоевания его территории не заколебался.

Ураган «Варламов» прошелся по моей квартире, устроил в ней жуткий бардак, опустошил полки в шкафу, не забыл взять с кухни мою любимую чашку и забрал из моей спальни игрушечного кота, чей нос я всегда натирала, перед тем как сесть за работу. И все это притащил к себе, разложил по полкам и подоконникам и спросил: «Все?»

Мое завоевание закончилось именно так.

И да, я иногда наезжаю к себе в квартиру – проследить за клинерами, полить цветы, забрать какую-нибудь памятную фиговину, без которой мне вдруг погрустнело, но я все равно возвращаюсь к Диме. И если первую пару недель я еще оправдывалась, что, мол, от него в студию ездить ближе – то потом я уже перестала отрицать очевидное. Мне хорошо с Димой. А ему хорошо со мной.

С той поры я почти на законных основаниях шастала на кухню, чтобы полюбоваться, как Дима моет посуду, и по старой памяти, как “тысячу лет назад”, ныряла ладошками в карманы его домашних джинс.

И да, есть посудомойка, но ведь к посудомойке так не прижмешься. И я прекрасно знаю, что Варламов моет посуду ради того, чтобы я вот так его обнимала.

Как ни парадоксально – но всему этому отсутствие штампа в паспорте не мешает.

Мне незачем его торопить и что-то от него требовать. Он рядом – уже хорошо. Он только со мной – лучше и быть не

может.

Так зачем я вообще влезла с этим напоминанием, что я Диме – бывшая жена. И Дима после этой фразы замолкает и вообще выглядит каким-то слишком задумчивым.

И я, я не хочу, чтобы он морочился, совершенно, потому что это все равно ничего не изменит, и так же понятно, что мы – вместе, друг для друга, вот это все, а уж кто там кому бывшая жена – не так и важно. Настоящее – оно ведь не в штампе в паспорте заключается, настоящее – то, что между нами происходит каждый день. И сейчас – тоже.

Сейчас – мы на заднем сидении такси, вдвоем, едем в ресторан на вечеринку, и все, что я хочу, – растянуться на креслах, улечься головой на Димины колени.

– Знаешь, смотрел фильм и понял, что скучаю по Парижу, – все-таки нарушает молчание он. – Здорово было там, скажи же?

Здорово. Нет, Дима по жизни был весьма романтичен, но в Париже, весеннем и цветущем, он словил какое-то потрясающее бешенство.

Завтрак на крыше, серенада у подножия Эйфелевой башни, прогулка по Сене...

Если честно, я ловила завистливые взгляды молоденьких девочек, потому что их юные кавалеры столь безумны не были. И боже, как это меня грело, а...

– Я скучаю по Парижу только с тобой. Без тебя там будет не интересно, – честно улыбаюсь я.

– Ну, у меня аналогичная история, – Дима смеется, будто и не думал ничего иного. Так легче. Все не нужно видеть напряжение на его лице. И тепло видеть, как он слегка улыбается, пропуская между пальцами мои обрезанные рыжие пряди. Тепло пробирается в меня, истребляя все лишние мысли.

Рыжей я стала как раз в Париже. Это было странное внезапное решение, о котором я не жалею. Я так долго была блондинкой, что вдруг сменив имидж – обрезав волосы до плеч и перекрасив их в ярко-лисий, – я даже шла тогда в гостиницу с опаской.

А вдруг Диме не понравится цвет?

Вдруг слишком ярко? Или, может быть, слишком коротко?

Да-да, знаю, имидж меняют не для мужчины, имидж меняют для себя, но все-таки именно его мнения я тогда ждала с замиранием сердца.

А Диме понравилось.

А мне понравилось, в какой форме он мне выразил восторг от моей новой прически. Нашим соседям по гостинице меньше понравилось, но это уже их проблемы были. Я совестью вообще не угрызалась.

И вот вспоминаю об этом, и становится жарко, и хочется уже вернуться домой, утащить Диму в спальню и не вылезать оттуда часика полтора. В последние несколько недель я стала какая-то совсем озабоченная. Гормоны как-то совсем разыгрались этой весной.

– Может, никуда не поедем? – с надеждой спрашиваю я, и Дима на это скептически морщится. – Нет, ну правда, кто нас там ждет вообще?

– Родная, целая куча народу нас там ждет, – невозмутимо возражает он, и я вздыхаю. Да. Не хочется обижать Кирсанова, да и вечеринка в честь первого фильма – это ж как вечеринка в честь выпускного. Можно отметить потом еще десяток праздников – а вот этот вот будет один.

У ресторана и вправду дофига народу, вся съемочная группа – которую я уже по именам знаю, и даже знаю, сколько у кого детей, а кто до сих пор не замужем – нет, ничего удивительного, вот только когда я захожу внутрь – я вижу рядом с барной стойкой Эльку и...

С одной стороны, почему бы ей тут не быть, она вроде как тоже причастна к фильму, с другой стороны – ну, это очень опосредованная связь. И это опять-таки не объясняет, почему Дима, сжимающий меня за талию, тихо выдыхает: “Кольцова”, будто она что-то испортила.

И... Белую ленточку поперек алого платья от плеча к бедру это не объясняет. Я отсюда не очень вижу, что на той ленточке написано – все-таки не зря мой окулист ругается, что я слишком много пишу по ночам, но я... Я догадываюсь, что там на ней написано...

Кажется, я кого-то убью сегодня...

Куча народу, говоришь, нас тут будет ждать, да, Димочка? Часом, не та тетенька с красной папочкой, поправляю-

щая каштановые локоны и стоящая вон под той цветочной арочкой не ждет нас сильнее прочих?

Я оглядываюсь. Подчеркнуто неторопливо, скользя взглядом по столикам, по убранному цветами залу. Никаких роз – я бы уже, наверное, расчихалась от этого. Подснежники – в маленьких стеклянных вазочках, кажется, не одну теплицу выпотрошили ради этого мероприятия.

Белые скатерти, хрусталь бокалов, свечи, черт побери, свечи – много белых, горящих огоньками свечей... Буто-ньерка с подснежником в кармане пиджака попавшегося мне Ильи Вячеславовича...

Гости все сплошь в «торжественном», даже оператор Васильцев, которого я впервые за два года вижу не в его драных джинсах, а в белой рубашке и даже при галстукее...

Как-то это очень не похоже на простую вечеринку.

– Варламов... – опасно улыбаюсь я и разворачиваюсь к своему ненаглядному. – Ты ничего мне сказать не хочешь?

– Как хорошо, что ты спросила, – с глубоким чувством в голосе и с паникой в бессовестных глазах откликается Дима. – Хочу. Спросить. Ты выйдешь за меня замуж, родная?

– Нет! – со вкусом отвечаю я, потому что у меня иных слов нету. – Ты совсем берега потерял, Варламов?

– Не фамильничай, – вопреки моему отказу, Дима прижимает меня к себе еще крепче, – и это неправильный ответ. Давай еще раз. Полина, ты выйдешь за меня замуж?

– Вот еще, – я показываю ему язык. – Весь ли телецентр

тут гуляет?

– Неа, только половина, – ухмыляется эта наглая физиономия, – а еще твой главный редактор, часть людей из редакции, которых отбирала Кольцова, и твоя мама приедет через двадцать минут.

Все предусмотрел, поганец.

– Я вообще хотела тихую свадьбу, – пыхчу я, – а ты тут что устроил?

– Ну, уж нет, – Дима смеется. – Я исправляю самую главную ошибку всей своей жизни и буду делать это громко. Я не стесняюсь. А вот выпускать тебя из дому без обручального кольца уже не могу.

С одной стороны – вроде как он ко мне не прислушивается, какой кошмар, да? С другой стороны, эта его безбашенная напористость всегда сводила меня с ума сильнее всего.

– Дима, какая свадьба? – тихо шиплю я уже из последних сил, желая откусить ему если не язык, то хотя бы ухо.

– Наша с тобой, родная, – нахально откликается это чудовище. – Я еще месяц назад подал заявление онлайн. Кстати, Кольцова должна была привезти твое платье. Она его две недели выбирала, я не видел, но если оно ужасное – мы Кольцову сожрем вместо свадебного торта. Договорились? Хотя я в любом случае на тебе женюсь, даже если ты не наденешь платья и завернешься в скатерть.

Элька – паразитка. Молчала. Хотя, её вкусу я доверяю, уж сколько платьев нами было куплено, да и с размером она

промахнуться не могла.

– А если я не соглашусь? – вкрадчиво спрашиваю я. Но вообще я уже опешила от уровня его подготовки. И ведь... Ведь я бы не сказала, что он как-то подозрительно много отсутствовал дома. Когда вообще успел устроить это все? И наверное, если бы он сделал все «как полагается» – я бы, скорее всего, отказала бы. Просто потому что опасаясь снова наступить на грабли. А тут... Тут меня уже настолько пробрало, что я уже с трудом сопротивляюсь этому безумию.

– А ты не согласишься? – Дима поднимает брови, а затем отстраняется, поправляет галстук, и опускается на одно колено.

Я даже знаю, что на нас смотрят, и он это знает, но это не имеет значения.

– Выходи за меня замуж, весна моя, – тепло улыбается он, сжимая мои пальцы в своих теплых ладонях. – Выходи за меня снова. Выходи за меня навсегда.

Ох, Варламов... Мой невозможный.

Какой же невозможный, но смертельно очаровательный гад, этот мой бывший и почти уже будущий муж.

– Я согласна.

Моя окончательная капитуляция будет подписана сегодня.

И я об этом совершенно не жалею.

Черти в Диминых глазах пляшут какую-то безумную лезгинку, да и в моей душе уже летят во все стороны брызги

шампанского, и белые единороги танцуют канкан, размахивая во все стороны разноцветными юбками.

Я выйду за него замуж. Снова.

А как Варламов пару недель спустя будет носиться по Парижу в поисках круассанов с вишней и горчицей для своих заветных, то есть меня и нашей с ней будущей дочери – это уже совсем другая история...

Если вам понравилась эта история – больше информации о книгах автора можно найти в официальной группе ["Джина Шэй \ Вера Волховец"](#)